

A word cloud featuring the word "linguistics" in various languages and scripts. The words are arranged in a dense, overlapping manner. The languages and scripts visible include:

- English: Philology, Linguistics, Linguistic, Philologie, Philology, Linguist
- Armenian: Լեզվաբանություն
- Russian: Лингвистика, Филология, Филология илими
- Georgian: ლინგვისტიკა
- Other: Til bilimi, Філологія, Лінгвістыка, Dilçilik, Tılshunoslik

The background is a solid dark red color.

ISSN 2949-4419

АСТРАХАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. В. Н. ТАТИЩЕВА
ASTRAKHAN TATISHCHEV STATE UNIVERSITY
NAMED AFTER V. N. TATISHCHEV

ЕВРАЗИЙСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ (СЕТЕВОЕ ИЗДАНИЕ)

2025

ВЫПУСК 2 (10)

Журнал выпускается с 2023 г.

Журнал является сетевым изданием, зарегистрированным как средство массовой информации в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации: серия Эл № ФС 77-85176 от 25 апреля 2023 г.).

Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева

2025

ЕВРАЗИЙСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

2025
ВЫПУСК 2 (10)

Главный редактор

доктор филологических наук, профессор *Г. В. Файзиева*

Ответственный секретарь

кандидат педагогических наук, доцент *Т. В. Дымова*

Редакционная коллегия

Файзиева Галина Владимировна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка и профессиональных коммуникаций, Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, г. Астрахань, Россия – главный редактор;

Галичкина Елена Николаевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии, лингводидактики и перевода, Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, г. Астрахань, Россия – заместитель главного редактора;

Шеховцева Елена Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии, лингводидактики и перевода, Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, г. Астрахань, Россия – заместитель главного редактора;

Дымова Татьяна Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры экологии, природопользования, землеустройства и безопасности жизнедеятельности, Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, г. Астрахань, Россия – ответственный секретарь;

Аверина Анна Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры германской филологии, Московский государственный областной университет, г. Москва, Россия;

Андросова Светлана Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, Амурский государственный университет, г. Благовещенск, Россия;

Багринцева Ольга Борисовна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английского языка и профессиональных коммуникаций, Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, г. Астрахань, Россия;

Башиева Светлана Конакбиевна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка и общего языкознания, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова, г. Нальчик, Россия;

Данилевская Наталия Васильевна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка и стилистики, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь, Россия;

Емельянова Надежда Александровна – кандидат филологических наук, доцент, декан факультета иностранных языков, Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, г. Астрахань, Россия;

Есенова Тамара Саранговна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка и общего языкознания, русской и зарубежной литературы, Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова, г. Элиста, Россия;

Зеленина Тамара Ивановна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры романской филологии, второго иностранного языка и лингводидактики, Удмуртский государственный университет, г. Ижевск, Россия;

Ивашкевич Ирина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка гуманитарных факультетов, Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Белоруссия;

Илова Елена Викторовна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английской филологии, лингводидактики и перевода, Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, г. Астрахань, Россия;

Костева Виктория Михайловна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры германской филологии, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия;

Нагзибекова Мехриниссо Бозоровна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего языкознания и сопоставительной типологии, Таджикский национальный университет, г. Душанбе, Республика Таджикистан;

Сарангаева Жанна Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой германской филологии, Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова, г. Элиста, Россия;

Склярова Наталья Геннадиевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики английского языка, Южный Федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия;

Шустова Светлана Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лингвистики и перевода, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь, Россия;

Юшкова Людмила Анатольевна – доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков в сфере права, экономики и управления, Удмуртский государственный университет, г. Ижевск, Россия.

Журнал выходит 4 раза в год.

© Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ (ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Н. И. Илюхин

Характерные черты коммуникативной манипуляции, применяемой в рамках допроса на стадии предварительного расследования (на материале английского киносериала) 6

Е. В. Кузнецова, С. М. Джабраилова

Ирония как стилистический приём в романе Оноре де Бальзака «Евгения Гранде»: структура, образы и смысловые акценты 16

Е. В. Малахова, С. В. Шустова

Бином свой / чужой во фразеологическом фонде французского языка 32

Л. В. Маняшина, А. А. Кузьмина

Лексико-грамматические средства и их роль в текстах новелл австрийского писателя Стефана Цвейга 54

И. А. Френкель

Особенности функционирования прилагательных и наречий на *-ment* в глагольных сочетаниях (семантический аспект) 65

СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ (ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)

А. В. Малюжинский

Концепт «политика»: образный и оценочный аспекты (на материале русского, английского и испанского языков) 87

А. Ю. Мельникова

Семантика и этимология слова «мудрость» в русском и китайском языках 104

Н. Б. Смольская

Сравнительно-сопоставительный анализ хештегов в русскоязычном и англоязычном медиапространстве 120

ЛИНГВОДИДАКТИКА (ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Е. А. Позднухова

Межъязыковые сопоставления как особый приём методической работы учителя русского языка 134

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ (ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Научная статья

УДК 81-25

Илюхин Никита Игоревич

Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия

tringla@mail.ru

ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ КОММУНИКАТИВНОЙ МАНИПУЛЯЦИИ, ПРИМЕНЯЕМОЙ В РАМКАХ ДОПРОСА НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО КИНОСЕРИАЛА)

Аннотация. Статья посвящена анализу манипулятивных коммуникативных тактик, применяемых следователем при допросе подозреваемого на стадии предварительного расследования. Автор подробно исследует уникальную природу манипуляции в этом процессе, которая занимает промежуточное положение между обычной речевой манипуляцией в межличностном общении и суггестивным воздействием, характерным для судебного заседания. Особое внимание уделяется тому, как институциональные рамки следственного процесса трансформируют традиционные манипулятивные техники, придавая им специфические черты. В работе детально рассматриваются две ключевые тактики манипулятивного воздействия: сторителлинг и создание эффекта предсказуемости исхода допроса. Автор демонстрирует, что эти техники, с одной стороны, сохраняют элементы классической речевой манипуляции, а с другой – адаптированы к условиям следственных действий с их строгими процессуальными

требованиями и наличием стороннего контроля (со стороны адвокатов и средств фиксации).

Ключевые слова: допрос, манипуляция, коммуникация, манипулятивные тактики, сторителлинг, тактика предсказуемости итогов допроса

Для цитирования: Илюхин Н. И. Характерные черты коммуникативной манипуляции, применяемой в рамках допроса на стадии предварительного расследования (на материале английского киносериала) // Евразийский филологический вестник. 2025. Вып. 2 (10). С. 6–15.

GENERAL QUESTIONS OF LINGUISTICS (PHILOLOGICAL SCIENCES)

Original article

UDC 81.25

CHARACTERISTIC FEATURES OF COMMUNICATIVE MANIPULATION USED IN INTERROGATIONS AT THE PRELIMINARY INVESTIGATION STAGE (BASED ON THE MATERIAL OF AN ENGLISH TV SERIES)

Nikita I. Ilyukhin

Saratov State Law Academy, Saratov, Russia

tringla@mail.ru

Abstract. The article analyzes manipulative communication tactics employed by investigators during the interrogation of suspects at the pre-trial investigation stage. The author examines in detail the unique nature of manipulation in this process, which occupies an intermediate position between ordinary speech manipulation in interpersonal communication and suggestive influence characteristic of courtroom proceedings. Special attention is paid to how the institutional

framework of the investigative process transforms traditional manipulative techniques, endowing them with distinctive features. The study thoroughly explores two key tactics of manipulative influence: storytelling and creating the effect of predictable interrogation outcomes. The author demonstrates that these techniques, on one hand, retain elements of classical speech manipulation, while on the other hand, they are adapted to the conditions of investigative actions with their strict procedural requirements and external oversight (from defense lawyers and recording devices)

Keywords: interrogation, manipulation, communication, manipulative tactics, storytelling, tactic of predicting interrogation outcomes

For citation: Ilyukhin N. I. Characteristic features of communicative manipulation used in interrogations at the preliminary investigation stage (based on the material of an english tv series) // Eurasian Philological Bulletin. 2025; 2 (10): 6–16. (In Russ.).

Введение

Манипуляция в теории коммуникации рассматривается как негативное воздействие на адресата, при осуществлении которого субъект использует «нечестные» речевые инструменты, имеющие потенциал для дальнейшего ущемления достоинства реципиента, изменения его психологического и эмоционального состояния [5, с. 14]. Учёные видят манипулятора как слабую личность, неспособную донести свои интенции до партнера по коммуникации через рациональные тактики убеждения или информирования [1, с. 149; 3, с. 22].

В судебном дискурсе в странах с общим правом манипуляция играет ключевую роль в конструкции взаимоотношений участников судебного процесса. В рамках судебного заседания адвокаты и прокуроры вынуждены оказывать влияние на присяжных, поскольку именно присяжные заседатели выносят окончательный вердикт по тому или иному делу. Ключевой тактикой речевого поведения адвоката или прокурора является суггестивная тактика

воздействия, при которой коммуникативное поведение юриста направлено на побуждение объекта воздействия (суггерента) к реализации практических установок, необходимых субъекту воздействия (суггестору) [4, с. 144]. При этом коммуникативная манипуляция здесь приобретает специфические черты, отличающие её от манипуляции речевой из-за особенностей судебного дискурса, которые включают в себя такие факторы, как искусственность конфликта (отсутствие каких-либо эмоциональных противоречий у сторон конфликта), институциональность (статусно-ролевое общение, предполагающее определённый клишированный набор речевых тактик и ритуализированность, запрет на использование «нечестных» речевых приёмов, например, шантажа, инвективов), наличие у участников конфликта единой аргументативной базы, нивелирующей преимущество одной из сторон, единый объект воздействия, выступающий в качестве третьей стороны в ситуации конфликта.

Исследовательские результаты и их интерпретация

Отдельный интерес представляет допрос подозреваемого, проводимый на стадии предварительного расследования – этапа, в рамках которого органы выясняют степень вины обвиняемого и обстоятельства совершённого преступления. Допрос – «следственное действие, заключающееся в непосредственном получении и фиксации уполномоченным на то лицом показаний участника уголовного судопроизводства об обстоятельствах, имеющих значение для дела» [2, с. 189]. Стоит отметить, что манипуляция, применяемая в рамках допроса подозреваемого на стадии предварительного расследования, находится в пограничном состоянии между обычной коммуникативной манипуляцией и суггестией. С одной стороны, допрос фиксируется на средства видеозаписи, в комнате помимо следователя присутствует адвокат подозреваемого, который контролирует процесс допроса, допустимость заданных вопросов, оказываемого на подсудимого давления, предоставляет подсудимому юридическую и языковую прагматическую

помощь. С другой стороны, институциональность судебного дискурса здесь достаточно расплывчата, следователи могут прибегать в процессе коммуникации к «негативным» тактикам воздействия, поскольку вынуждены за ограниченный промежуток времени получить от подозреваемого признание в совершении преступления. Допрос с точки зрения прагматического аспекта коммуникации представляет собой сложный феномен, поскольку содержит «взаимодействие сторон, при котором каждая из сторон имеет свой интерес, в том числе не совпадающий с интересом другой стороны» [6, с. 99]. При этом логично предположить, что обе стороны во время допроса пребывают в ситуации конфликта. Вслед за В. С. Третьяковой, речевой конфликт понимается как «состояние противоборства двух сторон (участников конфликта), в результате которого каждая из сторон сознательно и активно действует в ущерб противоположной стороне, эксплицируя свои действия вербальными и прагматическими средствами» [7, с. 127].

В ходе допроса на стадии предварительного расследования следователь может использовать манипулятивные тактики предсказуемости итогов допроса и сторителлинга.

В рамках тактики сторителлинга следователь рассказывает определённую «историю», прямо или косвенно связанную с делом или подозреваемым:

— Вы избили дочь до полусмерти прямо в номере отеля, когда она пригрозила, что расскажет о ваших сексуальных домогательствах, и вы решили, что лучший способ этого избежать — подставить единственного человека, который мог бы с ней спать. «Спать» в смысле насилловать. Так? / You beat your daughter to within an inch of her life in your hotel room, when she threatened to expose your sexual assault on her. Your best bet of getting away with it, you decided, was to frame the only other person who could conceivably have been sleeping with her. Isay: «sleeping», I meanraping. Yes?

— Без комментариев. / No comment.

— Гипс на руке послужил алиби, так? / Plastering her arm was the alibi, yes?

– Без комментариев. / No comment.

– Алиби, которое вы берегли на будущее, он подтверждал ссору. Заодно он объясняет кровь в комнате, разбитый столик, кровь на вас и вашей одежде. Вы донесли её на машине чуть живую, но всё же живую и положили в багажник, и пока вы ехали, на руке образовался синяк, а гипс стал твёрже. Вы свернули на пятнадцатой развилке, надели ей на голову хозяйственную сумку и довели дело до конца. Можете меня остановить, если я в чём-то не прав. Кстати, вы надели ей на голову сумку, чтобы на вас не попала кровь или чтобы не смотреть на лицо падчерицы, пока разбиваете его каблуком ботинка? / Analibiyouheldinreserve. It acknowledged the fight. And by extension, it explained the blood in the room, the damage to the table, the blood on you and on your clothes. You managed to get her to the car, barely breathing, but breathing nonetheless, and you put her in the boot. And as you drove south, her arm began to bruise, and the plaster began to set. You turned off Junction 15, put a bag-for-life over her head, and finished off the job. Please stop me if I'm getting any of this wrong, by the way. Incidentally, did you put the bag over her head to protect yourself from blood-splatter or so you didn't have to look in your stepdaughter's face as you were thumping it with your heel?

– (агрессивно) Что за мерзкая выдумка? / That's a disgusting story.

– (спокойно) Она мерзкая, я согласен. Но это вовсе не выдумка / Oh, it's disgusting, I agree, but it's not a story [8].

В данном примере следователь прибегает к тактике сторителлинга для того, чтобы собрать все имеющиеся, до этого разрозненно представленные доказательства по делу, воедино. Он медленно и скрупулезно восстанавливает события дня убийства с максимальной точностью, чтобы убийца понимал, что у него нет возможности для манипулятивного маневра. Если до этого приёма убийца реагировал на вопросы следователя, пытаясь ввести его в заблуждение и повести расследование по ложному следу, то теперь единственным ответом на вопросы следователя является фраза «Без комментариев». В конце

сторителлинга следователь задаёт провоцирующий дихотомичный и фактически риторический для оппонента вопрос, целью которого является выведение собеседника из эмоционального равновесия: «...вы надели ей на голову сумку, чтобы на вас не попала кровь или чтобы не смотреть на лицо падчерицы, пока разбиваете его каблуком ботинка?»).

Если тактика сторителлинга характеризуется заряженным эмоциональным фоном, то манипулятивная тактика предсказуемости итогов допроса, наоборот, отличается достаточной степенью рациональности коммуникации:

– То, что я скажу изменит положение дел. На мой взгляд, ты прекрасно понимаешь, что тебя в итоге обвинят в попытке убийства Родрика Сэмуэlsa, но ты даже не представляешь, как быстро у тебя закончатся отговорки, и как скоро обвинение вступит в силу, поэтому советую тебе слушать меня сейчас очень внимательно. Мы собрались здесь не для того, чтобы выяснять отравила ты Родрика или нет. Мы знаем, что отравила. Послушай, послушай. Откинься на спинку стула и дослушай до конца. Ты его отравила, и мы можем это доказать. / What I'm about to say to you now will change the course of this interview, and while I don't think you honestly believe you're going to leave without being charged for the attempted murder of Roderick Samuels, I do think you'll be surprised by how soon your arguments fall down, and how quickly that charge is brought about. So, I want you to listen very carefully to the next thing I say. We're not here today to work out if you poisoned Roderick Samuels or not. We know you did... Listen, listen. Just sit back in your chair and wait for me to finish speaking. We know you did. And we can prove you did [9].

Здесь следователь применяет тактику предсказуемости итогов допроса в самом начале допроса подозреваемого, чтобы показать оппоненту по коммуникации свою уверенность в предстоящей коммуникации. Посыл подобной тактики достаточно прост: что бы ни сказал подозреваемый, у стороны обвинения есть неопровержимые доказательства его вины, которую

они в итоге в конце допроса докажут, это лишь вопрос времени. При этом сами доказательства здесь не упоминаются, а придерживаются следователем для дальнейших фаз допроса. С одной стороны, это можно объяснить эффектом недосказанности, который производит более устрашающий эффект на партнера по коммуникации, чем перечисление перечня доказательств, поскольку жертва манипуляции находится в измененном психоэмоциональном состоянии стресса и может додумать несуществующие доказательства и, испугавшись, признаться в вине. С другой стороны, подобная тактика объясняется блефом. У следователей не всегда может быть чёткий перечень доказательств, безоговорочно уличающих подозреваемого во вменяемом ему преступном деянии, поэтому они вербально и невербально передают жертве свою уверенность, надеясь, что коммуникант признается в деянии под видео- и аудиозапись, что будет являться прямым доказательством его вины.

Заключение

В заключении стоит отметить, что коммуникация, протекающая в ситуациях допроса подозреваемого на стадии досудебного расследования, изобилует манипулятивными тактиками, при этом манипуляция в данном дискурсе приобретает черты коммуникативной манипуляции, характерной для межличностного общения, и суггестии, существующей в судебном дискурсе в рамках судебного заседания. Следователи могут применять различные пограничные манипулятивные тактики, среди которых можно отметить тактику сторителлинга и предсказуемости действий, основной целью которых является донесение подозреваемому идеи о том, что его преступление всем известно, исходя из имеющихся улик, а вина уже имплицитно доказана, осталось лишь дожидаться его собственного признания.

Список литературы:

1. Балахонская Л. В., Сергеева Е. В. Лингвистика речевого воздействия и манипулирования: учебное пособие. Изд-е 5-е, стер. М.: Флинта, 2020. 353 с.
2. Волохова О. В. Еговор Н. Н. Жижина М. В. [и др.]. Криминалистика: учебник / Под ред. Е. П. Ищенко. М.: «Проспект», 2011. 501 с.
3. Денисюк Е. В. Манипулятивное речевое воздействие: коммуникативно-прагматический аспект: дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург: 2003. 200 с.
4. Катермина В. В., Сафронова Т. С. Механизмы суггестивного воздействия в юридическом дискурсе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2017. Т. 16, № 3. С. 142–152.
5. Копнина Г. А. Речевое манипулирование. М.: Флинта, 2012. 171 с.
6. Сидоренко Е. В., Конин В. В. Допрос на досудебной стадии как подготовительный этап к допросу в судебном разбирательстве // Российское правосудие. 2019. № 6. С. 97–104.
7. Третьякова В. С. Конфликт глазами лингвиста // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. С. 127–140.

Источники примеров:

8. Criminal. Edgar. The UK, 2019.
9. Criminal. Stacey. The UK, 2019.

References:

1. Balaxonskaya L. V., Sergeeva E. V. Lingvistika rechevogo vozdejstviya i manipulirovaniya: uchebnoe posobie. Izd-e 5-e, ster. M.: Flinta, 2020. 353 s.
2. Voloxova O. V. Egovor N. N. Zhizhina M. V. [i dr.]. Kriminalistika: uchebnik / Pod red. E. P. Ishhenko. M.: «Prospekt», 2011. 501 s.

3. Denisyuk E. V. Manipulyativnoe rechevoe vozdejstvie: kommunikativno-pragmatischeskij aspekt: diss. ... kand. filol. nauk. Ekaterinburg: 2003. 200 s.

4. Katermina V. V., Safronova T. S. Mexanizmy` suggestivnogo vozdejstviya v yuridicheskom diskurse // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazyk`koznanie. 2017. T. 16, № 3. S. 142–152.

5. Kopnina G. A. Rechevoe manipulirovanie. M.: Flinta, 2012. 171 s.

6. Sidorenko E. V., Konin V. V. Dopros na dosudebnoj stadii kak podgotovitel`ny`j e`tap k doprosu v sudebnom razbiratel`stve // Rossijskoe pravosudie. 2019. № 6. S. 97–104.

7. Tret`yakova B. C. Konflikt glazami lingvista // Yurilingvistika-2: russkij yazyk v ego estestvennom i yuridicheskom by`tii. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2000. S. 127–140.

Istochniki primerov:

8. Criminal. Edgar. The UK, 2019.

9. Criminal. Stacey. The UK, 2019.

Информация об авторе:

Н. И. Илюхин – кандидат филологических наук, доцент, Саратовская государственная юридическая академия

Information about the author:

N. I. Ilyukhin – Ph.D. (Philology), Associate Professor, Saratov State Law Academy

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 08.05.2025; одобрена после рецензирования 06.06.2025; принята к публикации 10.06.2025.

The article was published 08.05.2025; approved after reviewing 06.06.2025; accepted for publication 10.06.2025.

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ (ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Научная статья

УДК 8.82.0

Елена Вениаминовна Кузнецова^{1✉}, Сабина Мукайловна Джабраилова²

Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, Астрахань,
Россия

¹Lena_kouznetsova@mail.ru

²djabrailova04@icloud.com

ИРОНИЯ КАК СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПРИЁМ В РОМАНЕ ОНОРЕ ДЕ БАЛЬЗАКА «ЕВГЕНИЯ ГРАНДЕ»: СТРУКТУРА, ОБРАЗЫ И СМЫСЛОВЫЕ АКЦЕНТЫ

Аннотация. Статья посвящена исследованию приёма иронии в романе Оноре де Бальзака «Евгения Гранде». Ирония занимает ключевое место в творческом наследии этого писателя, придавая его произведениям особую выразительность и многозначность. Один из главных аспектов использования иронии французским писателем XIX века, ярким представителем реализма, точнее, социально-психологического реализма – это её социальная направленность. Этот художественный приём позволяет автору не только оживлять повествование, но и глубже анализировать человеческую природу и социальные взаимоотношения. В произведениях, объединённых в цикл «Человеческая комедия», буржуазное общество изображено с беспощадной откровенностью: за фасадом респектабельности и материального благополучия скрываются жадность, лицемерие и беспринципность. Ирония в романе Бальзака выполняет двойную функцию: с одной стороны, она служит средством художественного осмысления действительности, с другой –

глубоким философским инструментом для выявления социальных и моральных проблем. Она помогает автору показать, как противопоставление между идеалом и реальностью, внешним благополучием и внутренней пустотой является не только личной трагедией героев, но и отражением масштабных проблем, присущих буржуазному обществу в целом.

Ключевые слова: ирония, приём, персонаж, цикл, социальная направленность, мотив, экзистенциальные вопросы, философское осмысление

Для цитирования: Кузнецова Е. В., Джабраилова С. М. Ирония как стилистический приём в романе Оноре де Бальзака «Евгения Гранде»: структура, образы и смысловые акценты // Евразийский филологический вестник. 2025. Вып. 2 (10). С. 16–31.

GENERAL QUESTIONS OF LINGUISTICS (PHILOLOGICAL SCIENCES)

Original article

UDC 8.82.0

Elena V. Kuznetsova^{1✉}, Sabina M. Dzhabrailova²

Astrakhan State University named after. V.N. Tatishcheva, Astrakhan, Russia

¹Lena_kouznetsova@mail.ru

²djabrailova04@icloud.com

IRONY AS A STYLISTIC DEVICE IN HONORE DE BALZAC'S NOVEL «EUGÉNIE GRANDET»: STRUCTURE, IMAGES AND SEMANTIC ACCENTS

Abstract. This article is devoted to the study of the technique of irony in the novel by Honore de Balzac «Eugénie Grandet». Irony occupies a key place in the

creative heritage of this writer, giving his works a special expressiveness and ambiguity. One of the main aspects of the use of irony by the French writer of the 19th century, a bright representative of realism, or rather, socio-psychological realism, is its social focus. This artistic technique allows the author not only to enliven the narrative, but also to deeply analyze human nature and social relationships. In the works united in the cycle «The Human Comedy», bourgeois society is depicted with merciless frankness: behind the facade of respectability and material well-being are hidden greed, hypocrisy and unscrupulousness. Irony in Balzac's novel performs a dual function: on the one hand, it serves as a means of artistic comprehension of reality, on the other – a deep philosophical tool for identifying social and moral problems. It helps the author show how the opposition between the ideal and reality, external well-being and internal emptiness is not only the personal tragedy of the heroes, but also a reflection of large-scale problems inherent in bourgeois society as a whole.

Keywords: irony, technique, character, cycle, social focus, motive, existential questions, philosophical understanding

For citation: Kuznetsova E. V., Dzhabrailova S. M. Irony as a stylistic device in Honore de Balzac's novel «Eugénie grandet»: structure, images and semantic accents // Eurasian Philological Bulletin. 2025; 2 (10): 16–31. (In Russ.).

Введение

Оноре де Бальзак, классик французской литературы XIX века и мастер социально-психологического реализма, активно использовал иронию как инструмент анализа буржуазного общества. «Особенности бальзаковской иронии выделяют её среди других литературных подходов, делая произведения писателя актуальными для читателей разных эпох» [8, с. 10].

Исследовательские результаты и их интерпретация

В своём масштабном цикле «Человеческая комедия» писатель обнажает пороки эпохи: за внешним лоском респектабельности и показным

благополучием он раскрывает мир, где правят алчность, цинизм и лицемерие. Как отмечает исследователь Бредбери, «ирония становится [...] инструментом разоблачения», который помогает читателю распознать подлинную суть социальных отношений [1, с. 48].

Как отмечает литературовед П. Ньюкрог, ирония в творчестве Бальзака выходит за рамки социальной критики, трансформируясь в тонкий психологический инструмент. С её помощью писатель исследует внутренний мир персонажей, вскрывая многомерность их натур: противоречивые устремления, скрытые страхи и неочевидные взаимосвязи между поступками и подсознательными импульсами. «Герои Бальзака лишены одномерности, – подчёркивает Ньюкрог, – за напускной добродетелью часто кроется нравственное падение, а за показной грубостью – ранимая душа, ищущая опоры» [9, с. 5].

Не менее значим аспект связи бальзаковской иронии с авторской позицией. Писатель не просто фиксирует события, но становится их интерпретатором, проводя читателя через призму иронии к собственному видению социальных и нравственных противоречий. Подобный нарративный приём создаёт эффект двойной перспективы: на поверхности разворачивается повествовательная канва, а в подтексте – скрытый иронический комментарий, который расставляет смысловые акценты и обнажает диссонанс между видимостью и сущностью [4–5].

Как указывает А. Беллессор [7, с. 38], бальзаковская ирония трансформирует читателя из пассивного потребителя в активного интерпретатора. Текст требует не просто внимания, но интеллектуального диалога: расшифровки аллюзий, сопоставления деталей, реконструкции неочевидных связей. Этот нарративный контракт, где автор лишь намечает тропы, а аудитория прокладывает их до конца, превращает произведение в зеркало, отражающее глубину читательского восприятия. Мастерски используя

ироническую маску, Бальзак добивается эффекта соавторства – чем тоньше намёк, тем интенсивнее работа мысли того, кто его расшифровывает.

Яркий пример – роман «Кузен Понс». За фасадом гротескной истории о чудаковатом коллекционере скрывается трагедия отверженности. Первоначальный комизм ситуации (старик, одержимый бесполезными «сокровищами») постепенно обнажает экзистенциальную пустоту: Понс, подобно своим раритетам, становится объектом торга в мире, где даже дружба измеряется выгодой. Ирония здесь работает как оптическая призма – смех над нелепостью героя преломляется в сострадание к его одиночеству. Этот диссонанс между комедией положений и драмой существования создаёт эффект эмоциональной амбивалентности, заставляя переоценить как персонажа, так и общество, его уничтожившее [11–13].

Как подчёркивает В. П. Шестаков [6, с. 95], бальзаковская ирония служит не только стилистическим приёмом, но и формой философского исследования. Через неё писатель вскрывает фундаментальные противоречия человеческого существования: разрыв между идеалом и действительностью, иллюзией свободы и фатальной предопределённостью выбора. Эта диалектика достигает кульминации в романе «Шагреневая кожа», где иронический дискурс обнажает экзистенциальный абсурд: каждое исполненное желание героя буквально сокращает нить его жизни, превращая мечту в инструмент самоуничтожения. Подобный сюжетный механизм трансформирует повествование в притчу о тщете любых устремлений в мире, где сама возможность обладания оборачивается утратой смысла.

Тот же принцип иронического дуализма пронизывает социальную критику Бальзака. В «Евгении Гранде» гиперболизированная скупость Феликса Гранде – не просто порок отдельного человека, но диагноз эпохи. Его одержимость золотом (спрятанные луидоры, театральные подсчёты состояния) пародирует буржуазный культ накопительства, где богатство заменяет эмоции, а счётная книга – Библию. Ирония здесь работает как увеличительное стекло: за

комичностью старика, дрожащего над сундуком, проступает трагедия общества, превратившего живых людей в придаток к капиталу. Даже семейные узы в этом мире – лишь валюта для сделок, что подчёркивается эпизодом с браком Евгении, где любовь приносится в жертву финансовому расчёту.

Евгения Гранде, центральный образ романа, становится живым воплощением конфликта между хрупким идеализмом и всепоглощающим цинизмом эпохи. Её судьба – это не просто история разочарования, но аллегория распада самой возможности искренности в мире, подменившем душевные порывы финансовой арифметикой. Кажущееся благополучие семьи (полные сундуки, роскошь дома) оборачивается символическим мавзолеем: за мраморным фасадом – выжженная пустыня, где нет места доверию или любви. Ирония Бальзака здесь двойственна: материальные блага, которые герои считают гарантом счастья, действуют как кислота, разъедающая их человечность. В этом мире, высмеивает автор, романтические жесты – нелепый анахронизм, а подлинной валютой становятся холодный расчёт и умение торговаться даже над гробом близких.

Финал истории Евгении – не просто личная катастрофа, но крах всей системы координат. Её слепая вера в Шарля («рыцаря без страха и упрёка») и наивная преданность семье сталкиваются с реальностью, где любовь измеряется суммой приданого, а верность – процентом по векселю. Даже её аскетизм, внешне напоминающий христианское подвижничество, иронически переосмысливается: это не добродетель, а вынужденный побег из мира, где доброта стала формой социального самоубийства.

Бальзак мастерски использует иронические контрасты как инструмент социальной диагностики. В мире, где ростовщичество возведено в ранг добродетели, а скупость маскируется «заботой о будущем поколении», подлинные человеческие связи неизбежно превращаются в фикцию. Феликс Гранде, например, превращает семейные узы в финансовые обязательства: его отеческая «любовь» к дочери измеряется граммами сахара в её рационе, а

брачные перспективы Евгении оцениваются через призму упущенной выгоды. Даже благочестие здесь становится формой лицемерия – старик Гранде охотно цитирует Библию, но лишь затем, чтобы оправдать свою жадность псевдоморальными максимами.

Особую силу этой критике придают микроскопические детали, в которых кристаллизуется абсурд. Когда Евгения, чья жизнь напоминает монастырский устав, в день рождения просит у Нанеты сахар со словами: *Mais va donc, Nanon, puisque c'est ma fête! Nanon laissa échapper un gros rire en entendant la première plaisanterie...* [10, с. 75]. *Ступай же, ведь сегодня мое рождение!* – её робкая шутка звучит трагикомическим диссонансом. Поступок, который в ином контексте был бы жестом щедрости, здесь обнажает всю глубину её изоляции: даже минимальная радость становится событием в мире, где эмоции поставлены на строгий паёк. Этот эпизод, переведённый Достоевским с пронзительной точностью («Нанета громко захохотала, услышав первую в жизни шутку...»), работает как метафора: в обществе тотального дефицита даже смех превращается в редкую валюту.

Бальзак превращает семейные отношения в микрокосм общественного распада: жадность, словно кислота, разъедает саму идею родства, оставляя вместо доверия – сделки, вместо любви – балансовые отчёты. Евгения, последний оплот искренности в этом мире, напоминает свечу, зажжённую в подвале – её свет лишь подчёркивает окружающую тьму. Даже дом Гранде становится зловещей метафорой: парадный зал с позолотой (*вся роскошь дома*) контрастирует с убогими верхними этажами, словно фасад буржуазной морали, за которым скрывается тюремная камера: *...mais d'ailleurs le croquis de la salle où éclatait tout le luxe du ménage peut faire soupçonner par avance la nudité des étages supérieurs* [10, с. 16] *... а впрочем, набросок зала, где блистала вся роскошь дома Гранде, позволит догадаться, до чего убого было убранство покоев в верхних этажах*) [3, с. 8]. Здесь Феликс Гранде – не просто скряга, а

тюремщик, превративший семью в режимный объект, где «образ жизни и нравы» (ремарка Достоевского) подчинены железному уставу накопительства.

Кульминацией этой дегуманизации становится диалог о воронах: *je vais dire à Cornoiller de me tuer des corbeaux. Ce gibier-là donne le meilleur bouillon de la terre. – C'est-y vrai, monsieur, que ça mange les morts? – Tu es bête, Nanon! ils mangent, comme tout le monde, ce qu'ils trouvent. Est-ce que nous ne vivons pas des morts?»* [10, с. 47]. *Вот я скажу Корнуайе настрелять мне воронов. Из воронов выходит лучший бульон на свете. – А правда, сударь, будто вороны едят мертвецов? – Ты дура, Нанета! Они, как и все на свете, едят, что найдут. Разве мы-то не живем мертвецами?* Когда Гранде оправдывает свою скупость циничной максимой – *разве мы-то не живём мертвецами?* – ирония достигает апогея. Его «добродетель» (экономия на сахаре, расчёт каждой копейки) – лишь фасад, за которым прячется трупный моральный кодекс. Общество, восхищающееся его «практичностью», не замечает, как само становится стаей ворон, клюющих трупы поруганных идеалов. Евгения, предлагающая Нанете шутку-просьбу в день рождения, – живой упрёк этой системе: её наивный жест щедрости в мире, где даже смех давно поставлен на учёт, звучит как реквием по человечности.

Кульминацией бальзаковской иронии становится сакрализация алчности. Когда Гранде провозглашает: *L'argent, c'est tout!* [10, с. 95] *Деньги – это всё!* Его реплика звучит как пародийный символ веры нового времени. Даже само обращение к дочери – *Tu ne sais pas ce qu'est l'argent...* [10, с. 95]. *Ты не знаешь, что такое деньги* – превращается в катехизис, где материализм замещает мораль, а расчёт вытесняет эмпатию. Бальзак доводит эту логику до абсурда, сравнивая Гранде с «единственным богом современности»: его власть над семьёй и городом уподобляется тоталитарному культу, где золотой телец диктует законы бытия.

Как верно отмечают С. Цвейг и В. Шестаков, сила романа – в диалектике образов. Персонажи здесь существуют в режиме перманентного двоемирия: их

добродетели – лишь обратная сторона пороков. Евгения с её «ангельской внешностью» и жертвенностью – живой укор отцовской жадности, но и её чистота обречена на маргинализацию в мире, где святость измеряется толщиной кошелька. Ирония Бальзака не просто высмеивает лицемерие – она вскрывает онтологический кризис эпохи: общество, предавшее идеалы, обречено на распад, ведь даже семья, последний оплот человечности, становится филиалом банка.

Феликс Гранде, формально воплощающий идеал буржуазной добропорядочности, мастерски маскирует свою маниакальную скупость под добродетель. Его внешность, описанная Бальзаком с почти монументальной строгостью – *коренастый, плотный, с узловатыми суставами* – создаёт образ человека, чья физическая мощь отражает железную волю к накопительству. *Au physique, Grandet était un homme de cinq pieds, trapu, carré, des rotules noueuses et de larges épaules* [10, с. 10]. *По внешности Гранде был мужчина в пять футов ростом, коренастый, плотный, с узловатыми суставами и широкими плечами* [3, с. 6]. Даже детали становятся знаками: *шишка с кровяными жилками на носу*, которую толпа интуитивно читает как метку коварства, работает как физиогномический намёк на двойственность натуры. *Son nez, gros par le bout, supportait une loupe veinée que le vulgaire disait, non sans raison, pleine de malice* [10, с. 10]. *На носу у него, толстом к концу, была шишка с кровяными жилками, которую народ не без основания считал признаком коварства* [3, с. 75].

Но истинная сущность Гранде проявляется в действии. Когда он *кидается на несессер, как тигр на спящего ребёнка*, ирония достигает гротеска: за маской патриарха скрывается хищник, готовый растерзать даже близких ради призрака прибыли. *Le bonhomme sauta sur le nécessaire comme un tigre fond sur un enfant endormi* [10, с. 115]. Этот эпизод не просто обнажает алчность – он развенчивает миф о «заботливом отце», показывая, как капитал деформирует саму природу родства. Бальзак не судит, а вскрывает: общество,

обожествившее деньги, порождает чудовищ, чьи «добродетели» – лишь обратная сторона патологий.

Важно отметить, что слово *bonhomme* («добряк») у Бальзака несёт ироничный оттенок. Он пишет: «...*le mot bonhomme, déjà souvent employé pour désigner Grandet, est décerné aux hommes les plus cruels...*» [10, с. 75] (...слово «добряк», которое мы часто применяли к Гранде, употребляется также по отношению к людям самым жестоким...) [3, с. 48]. Это подчёркивает двойственность персонажа, за внешней добродушной маской скрываются алчность и жестокость. Его признание: *Vraiment les écus vivent et grouillent comme des hommes: ça va, ça vient, ça sue, ça produit* [10, с. 100]. *А верно, червонцы живут и копошатся, как люди: уходят, приходят, потеют, множатся* [3, с. 50] – усиливает образ человека, для которого деньги стали живым существом. Эта метафора подчёркивает, как корысть разрушает семейные ценности, создавая ироничный контраст между внешней добродетелью Гранде и его внутренними пороками.

В противоположность ему Евгения Гранде – идеалистка, верящая в силу любви и преданности. В начале романа она воплощает чистоту и искренность: *Naïve et vraie, elle se laissait aller à sa nature angélique sans se défier ni de ses impressions, ni de ses sentiments* [10, с. 19]. *Простодушная и правдивая, она поддавалась влечению ангельской своей природы, была чужда недоверия и к собственным впечатлениям, и к чувствам* [3, с. 9]. Однако её наивность и стремление к самоотверженной любви сталкиваются с суровой реальностью. Парадоксально, но именно добродетель становится источником её страданий. Когда, отдавая сбережения ради спасения Шарля, она говорит: *Un cousin est presque un frère, vous pouvez bien emprunter la bourse de votre sœur* [10, с. 90]. *Кузен – почти брат, вы со спокойной совестью можете взять деньги у сестры* [3, с. 45], она не осознаёт, что её жертва будет воспринята как проявление наивности. Шарль, вернувшись в Париж, становится холодным и

равнодушным. Ирония здесь в том, что Евгения становится жертвой именно того, что пыталась преодолеть: эгоизма и холодного расчёта.

С самого начала Бальзак создаёт ироничный контраст между внешним материальным благополучием семьи Гранде и душевной нищетой её членов. Несмотря на накопленные богатства, их внутренний мир лишён радости и духовной полноты. Так, отец Евгении, подчёркивая свою скупость, заявляет: *Hé! bien, puisque c'est la naissance d'Eugénie, dit Grandet, je vais vous raccommoder votre marche* [10, с. 20]. *Ну, уж ради рождения Евгении почищу вам лестницу* [3, с. 12]. Эта фраза не только иллюстрирует бытовую бедность, но и служит символом отсутствия внутреннего богатства. Вопреки финансовому достатку, атмосфера в доме остаётся угнетающей. Об этом прямо говорит автор: *Les philosophes qui rencontrent des Nanon, des madame Grandet, des Eugénie ne sont-ils pas en droit de trouver que l'ironie est le fond du caractère de la Providence?* [10, с. 18] *Философы, встречая в жизни натуры, подобные Нанете, г-же Гранде, Евгении, не вправе ли полагать, что в основе воли провидения лежит ирония?* [3, с. 11].

Тем не менее, несмотря на суровые условия воспитания, Евгения сохраняет душевную чистоту и способность к любви. Она находит радость в простых вещах – например, в созерцании солнечного луча: *Elle regardait le rayon doré du soleil comme le plus grand miracle du monde* [10, с. 34]. *Она смотрела на золотой луч солнца как на величайшее чудо в мире* [3, с. 21]. Её внутренняя добродетель резко контрастирует с убогой действительностью, в которой она живёт, создавая трагически ироничную дистанцию между её идеалами и окружающей действительностью.

Шарль Гранде, изначально представленный как романтический и чувствительный молодой человек, переживает глубокую трансформацию. В начале романа он наделён характеристиками: *il est doux* [10, с. 33], *он кроток* [3, с. 20], *...un jeune homme probe...* [10, с. 34], *...честный юноша...* [3, с. 21]. Однако после смерти отца его взгляд на жизнь резко меняется. В словах: *Depuis*

ce matin, j'ai froidement envisagé mon avenir [10, с. 89]. *С сегодняшнего утра я хладнокровно стал смотреть на своё будущее* [3, с. 52], отражается новый прагматичный подход, где чувства уступают место расчёту. Ирония в том, что человек, которого Евгения считала воплощением благородства, со временем становится безразличным и эгоистичным, целиком поглощённым материальными интересами.

В финале романа Евгения отвергает все предложения руки и сердца, оставаясь верной памяти о Шарле. Позже она выходит замуж за господина де Бонфона, однако продолжает жить прошлым: её по-прежнему называют *mademoiselle*, и она превращается в своего рода «призрак» в собственном доме. *Elle était comme un fantôme dans sa maison* [10, с. 154]. *Она была словно призрак в своём доме* [3, с. 91]. Ирония финала заключается в том, что её неизменная верность идеалу приводит не к счастью, а к полному одиночеству и отчуждению, подчёркивая глубоко трагический характер её судьбы.

Бальзаковская ирония проявляется и в образах второстепенных персонажей, таких как нотариус Крюшо и аббат. Эти, на первый взгляд, благочестивые и заботливые фигуры, на деле движимы корыстью и личными интересами. Так, Крюшо проявляет внимание к Евгении вовсе не из альтруизма, а в расчёте на её богатое наследство: *Il parlait de vertu, mais ses yeux brillaient à la pensée de sa richesse* [10, с. 17]. *Он говорил о добродетели, но его глаза сияли при мысли о его богатстве* [3, с. 8]. Эти персонажи дополняют основную идею романа, подчёркивая его нравственный подтекст: добродетель и порок зачастую оказываются не тем, чем кажутся на первый взгляд.

Заключение

Ирония в романе Бальзака «Евгения Гранде» играет ключевую роль в раскрытии противоречия между внешним обликом добродетели и скрытыми внутренними пороками героев. Автор мастерски использует этот приём, чтобы показать, как благопристойность, следование моральным нормам и социальным ожиданиям нередко служат лишь прикрытием для эгоизма, алчности и

душевной пустоты. Произведение становится не только критикой буржуазной морали, но и глубоким исследованием человеческой природы, её слабостей и внутренних противоречий.

Таким образом, можно утверждать, что через ироничную двойственность характеров Бальзак разоблачает лицемерие общества, в котором внешняя добродетель служит маской, скрывающей корысть и моральное убожество. Как уже было отмечено, именно ирония позволяет писателю проникнуть в глубины душевного устройства своих персонажей, раскрывая их страсти, сомнения и внутренние конфликты. Он не делит героев на строго положительных и отрицательных – напротив, каждый образ многослоен и противоречив. Благодаря иронической дистанции Бальзак избегает назидательности и предоставляет читателю свободу интерпретации.

Подводя итог, можно сказать, что ирония в «Евгении Гранде» выполняет двойную функцию: она служит как художественным инструментом осмысления действительности, так и средством философского анализа. Через противопоставление идеала и реальности, внешнего благополучия и внутреннего опустошения, Бальзак не только раскрывает личные трагедии своих героев, но и указывает на глубинные проблемы буржуазного общества своего времени.

Список литературы:

1. Бредбери М. Абстракция и ирония // Писатели Англии о литературе. М., 1981. 180 с.
2. Кьеркегор, О понятии иронии. Пер. А. Коськовой, С. Коськова // Логос, 1993. № 4. С. 176–198.
3. Оноре де-Бальзак. Евгения Гранде [Пер. Ф. М. Достоевского]. 1844. 92 с.
4. Цвейг С. Бальзак / пер. с нем. А. Голембы. М.: Молодая Гвардия, 1963. 496 с.

5. Цвейг С. Три мастера: Бальзак, Диккенс, Достоевский / пер. с нем. Л. Копелева. М.: Республика; Ээсти раамат, 1992. 286 с.
6. Шестаков В. П. Философия иронической диалектики // Зольгер К.В.Ф. Эрвин. М., 1978. 123 с.
7. Bellessort, Andre. Balzac et son oeuvre. Paris, Perrin, 1925. 87 p.
8. Lawrence R. Balzac: Enallages and Twists. Schehr 2009. 55 p.
9. Per Nykrog, La Pensée de Balzac dans 'La Comédie humaine': esquisse de quelques concepts-clé (Copenhagen : Munksgaard, 1965). 110 p.
10. Honoré de Balzac. Eugénie Grandet. 1834–155 p.

Электронные ресурсы:

11. Сочинения. Бальзак О. Евгения Гранде. Любовь и одиночество в судьбе Евгении Гранде (по роману О. де Бальзака) // Литра.ру. URL: <https://www.litra.ru/composition/download/coid/00145601252331552719/> (дата обращения: 01.12.24).
12. Balzac, «Eugénie Grandet»: les tonalités // Пими́до.ком. URL: <https://www.pimido.com/philosophie-et-litterature/litterature/fiche/eugenie-grandet-balzac-registre-418596.html> (дата обращения: 18.11.24).
13. La Signification Allégorique Dans 'Eugénie Grandet' D'Honoré De Balzac: Une Analyse Approfondie 2024 // literaryodyssey. URL: <https://literaryodyssey.com/fr/blog/the-allegorical-significance-in-honor--de-balzac-s-eug-nie-grandet---an-in-depth-analysis> (дата обращения: 25.11.24).

References:

1. Bredberi M. Abstrakciya i ironiya // Pisateli Anglii o literature. M., 1981. 180 s.
2. K`erkegor, O ponyatii ironii. Per. A. Kos`kovoij, S. Kos`kova // Logos, 1993. № 4. S. 176–198.
3. Onore de-Bal`zak. Evgeniya Grande [Per. F. M. Dostoevskogo]. 1844. 92 s.

4. Czvejj S. Bal`zak / per. s nem. A. Golemby`. M.: Molodaya Gvardiya, 1963. 496 s.
5. Czvejj S. Tri mastera: Bal`zak, Dikkins, Dostoevskij / per. s nem. L. Kopeleva. M.: Respublika; E`e`sti raamat, 1992. 286 s.
6. Shestakov V. P. Filosofiya ironicheskoy dialektiki // Zol`ger K.V.F. E`rvin. M.,1978. 123 s.
7. Bellessort, Andre. Balzac et son oeuvre. Paris, Perrin, 1925. 87 p.
8. Lawrence R. Balzac: Enallages and Twists. Schehr 2009. 55 p.
9. Per Nykrog, La Pensée de Balzac dans 'La Comédie humaine': esquisse de quelques concepts-clé (Copenhagen : Munksgaard, 1965). 110 p.
10. Honoré de Balzac. Eugénie Grandet. 1834–155 p.

E`lektronny`e resursy`:

11. Sochineniya. Bal`zak O. Evgeniya Grande. Lyubov` i odinochestvo v sud`be Evgenii Grande (po romanu O. de Bal`zaka) // Litra.ru. URL: <https://www.litra.ru/composition/download/coid/00145601252331552719/> (data obrashheniya: 01.12.24).
12. Balzac, «Eugénie Grandet»: les tonalités // Pimido.kom. URL: <https://www.pimido.com/philosophie-et-litterature/litterature/fiche/eugenie-grandet-balzac-registre-418596.html> (data obrashheniya: 18.11.24).
13. La Signification Allégorique Dans 'Eugénie Grandet' D'Honoré De Balzac: Une Analyse Approfondie 2024 // literaryodyssey. URL: <https://literaryodyssey.com/fr/blog/the-allegorical-significance-in-honor--de-balzac-s-eug-nie-grandet---an-in-depth-analysis> (data obrashheniya: 25.11.24).

Информация об авторах:

Е. В. Кузнецова – кандидат педагогических наук, доцент, Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева

С. М. Джабраилова – магистрант, Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева

Information about the authors:

E. V. Kuznetsova – Ph.D. (Pedagogics), Associate Professor, Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev

S. M. Dzhabrailova – Master's student, Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.01.2025; одобрена после рецензирования 22.02.2025; принята к публикации 10.06.2025.

The article was published 25.01.2025; approved after reviewing 22.02.2025; accepted for publication 10.06.2025.

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ (ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Научная статья

УДК 81-22

Елизавета Вадимовна Малахова¹, Светлана Викторовна Шустова^{2✉}

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Пермь, Россия,

¹lisaveeet@mail.ru

²lanaschust@mail.ru

БИНОМ СВОЙ / ЧУЖОЙ ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ ФОНДЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. Статья посвящена исследованию бинарной оппозиции СВОЙ / ЧУЖОЙ во фразеологическом фонде французского языка. Оппозиция СВОЙ / ЧУЖОЙ является древнейшей культурной и языковой константой. Эта оппозиция, лежащая в основе категоризации окружающего мира, разделяет его на близкое и родное, далекое и потенциально враждебное. Национальная культура и исторический путь развития оказывают глубокое влияние на формирование языковой картины мира. Европейское общество исторически ориентировано на индивидуализм, личную свободу и достижения. Бином СВОЙ / ЧУЖОЙ делит мировосприятие носителей языка на два различных мира. Каждый из этих миров наделён своей уникальной спецификой и тесно связан с оценочными суждениями, обладает аксиологическими характеристиками. Фразеологизмы, как отражение образного мышления и народного духа, прочно укоренены в языке и воплощают уникальные черты культуры, истории и менталитета каждого народа. Целью работы является выявление специфики отражения данной оппозиции во французском

фразеологическом фонде, позволяющей проникнуть в особенности мышления носителей языка. В результате анализа 58 фразеологических единиц (ФЕ), репрезентирующих оппозицию СВОЙ / ЧУЖОЙ, они были распределены по семантическим модулям, сформированным на основе общности значений. Исследование показывает, что концепт СВОЙ ассоциируется с идеями принадлежности, безопасности и солидарности, в то время как ЧУЖОЙ связывается с безразличием, враждебностью, завистью и необходимостью адаптации. Статья демонстрирует, как фразеологизмы французского языка служат ключом к пониманию глубинных культурных установок, лежащих в основе формирования социальной идентичности и восприятия окружающего мира. Полученные результаты вносят вклад в изучение лингвокультурологических аспектов фразеологии и понимание особенностей французского национального характера.

Ключевые слова: СВОЙ / ЧУЖОЙ, концепт, биномы, оппозиция, фразеология, французский язык, семантический модуль

Для цитирования: Малахова Е. В., Шустова С. В. Бином свой / чужой во фразеологическом фонде французского языка // Евразийский филологический вестник. 2025. Вып. 2 (10). С. 32–53.

GENERAL QUESTIONS OF LINGUISTICS (PHILOLOGICAL SCIENCES)

Original article

UDC 81-22

Elizaveta V. Malakhova¹, Svetlana V. Shustova²✉

Perm State National Research University, Perm, Russia

¹lisaveet@mail.ru

²lanaschust@mail.ru

THE BINARY OPPOSITION СВОЙ / ЧУЖОЙ IN FRENCH PHRASEOLOGICAL FUND

Abstract. This article explores the binary opposition СВОЙ / ЧУЖОЙ in French phraseological fund. The СВОЙ / ЧУЖОЙ opposition is an ancient cultural and linguistic constant. Rooted in the fundamental categorization of the surrounding world, it divides it into what is near and familiar, and what is distant and potentially hostile. National culture and historical development exert a profound influence on the formation of a language's worldview. European society historically oriented towards individualism, personal freedom, and achievement. The binary opposition СВОЙ / ЧУЖОЙ divides native speakers' worldview into two distinct realms. Each of these worlds is endowed with its own unique characteristics and is closely linked to evaluative judgments, possessing axiological properties. As reflections of figurative thinking and the spirit of the people, phraseologisms are firmly rooted in language, embodying the unique features of each nation's culture, history, and mentality. The aim of this work is to identify the specific reflections of this opposition within the French phraseological fund, allowing for insights into the particular ways of thinking of native speakers of the language. Through the analysis of 58 phraseological units (PUs) representing the СВОЙ / ЧУЖОЙ opposition, they were allocated to semantic modules formed based on shared semantic features. The research demonstrates that the concept of СВОЙ is associated with ideas of belonging, security, and solidarity, while ЧУЖОЙ is linked to indifference, hostility, envy, and the need for adaptation. The article demonstrates how French phraseologisms serve as a key to understanding the deep cultural attitudes underlying the formation of social identity and the perception of the surrounding world. The results contribute to the study of the linguocultural aspects of phraseology and an understanding of the features of the French national character.

Keywords: СВОЙ / ЧУЖОЙ, concept, binoms, opposition, phraseology, French language, semantic module

For citation: Malakhova E. V., Shustova S. V. The binary opposition свой / чужой in french phraseological fund // Eurasian Philological Bulletin. 2025; 2 (10): 32–53. (In Russ.).

Введение

Бинарная оппозиция СВОЙ / ЧУЖОЙ является предметом пристального внимания и глубокого анализа в многочисленных научных исследованиях [1–2, 4–5, 10–12].

Суть бинарных оппозиций, глубоко укоренённых в культуре и языке, заключается в отражении фундаментальных философских принципов через противопоставление. Оппозиция СВОЙ / ЧУЖОЙ представляет собой древнейшую культурную и языковую константу, пронизывающую национальную картину мира. Посредством этой оппозиции осуществляется категоризация окружающего мира, разделение на родное и близкое, с одной стороны, и на далёкое и потенциально враждебное – с другой. Эта дихотомия не просто описывает мир, но и активно формирует наше восприятие, определяя модели поведения, социальные связи и культурные предпочтения, оказывая, тем самым, огромное влияние на самосознание и мировоззрение человека. Как отмечает Ю. С. Степанов, эта оппозиция «в разных видах пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения» [8, с. 126].

Европейское общество исторически сложилось как общество индивидуалистов, где приоритет отдаётся личным свободам и достижениям. Восточные общества, с их традиционным акцентом на коллективизм и иерархию, выстраивают иные модели категоризации: «Так, например, в западной культуре, к которой относится большинство стран Западной Европы, где преобладает индивидуализм, усиленное внимание уделяется личным правам и достижениям, в категорию «своих» включают только самое близкое окружение – друзей или семью, остальных же, не входящих в этот круг, относят

к категории «чужих» и воспринимают с негативом и недоверием. В восточной культуре, например, присущей Японии или Корее, определение «своих» и «чужих» значительно зависит от социального статуса человека и места, которое он занимает в общественной иерархии. В ней сильна роль коллективизма, поэтому любой «чужой» воспринимается как угроза сплочённости группы и личной безопасности [7, с. 163–164].

Являясь отражением образного восприятия мира, фразеологизмы прочно укоренены в языке, воплощая в себе уникальные черты мышления, дух народа, его историю, традиции, культуру и менталитет. Неслучайно фразеологию принято считать «самым самобытным явлением языка» [9, с. 15], поскольку именно через фразеологические единицы народ наиболее ярко демонстрирует своё мировидение. Фразеологизмы открывают возможность проникнуть в глубины языковой личности, позволяя понять и изучить специфику мышления носителей определённого языка.

В. М. Мокиенко определяет фразеологическую единицу (ФЕ) как «относительно устойчивое, воспроизводимое, экспрессивное сочетание лексем, обладающее целостным значением» [6, с. 35].

Н. М. Шанский даёт следующее определение ФЕ: «общее название семантически несвободных сочетаний слов, которые не производятся в речи (как сходные с ними по форме синтаксические структуры – словосочетания или предложения), а воспроизводятся в ней в социально закреплённом за ними устойчивом соотношении смыслового содержания и определённого лексико-грамматического состава. Семантические сдвиги в значениях лексических компонентов, устойчивость и воспроизводимость – взаимосвязанные универсальные и отличительные признаки фразеологических единиц» [13, с. 16].

На основе ключевых признаков ФЕ, которые выделяют авторы, попробуем выделить собственное определение. ФЕ представляет собой устойчивое, воспроизводимое сочетание лексем, обладающее целостным, часто

экспрессивным значением, которое не выводится напрямую из значений составляющих его компонентов. Ключевыми характеристиками ФЕ являются семантическая цельность, устойчивость лексико-грамматического состава, образность и переосмысление.

Материал и методы исследования

В результате проведенного исследования было выявлено 58 ФЕ, репрезентирующих оппозицию СВОЙ / ЧУЖОЙ во французском фразеологическом фонде. Распределение ФЕ по семантическим полям осуществлялось на основе следующих принципов. Семантическое поле, в нашем понимании, представляет собой совокупность языковых единиц, объединённых общим смысловым компонентом, который и определяет название поля. Важно отметить, что одна и та же ФЕ могла быть отнесена к нескольким семантическим полям одновременно, если её значение соответствуют различным семантическим полям. Например, ФЕ *Tout chien est lion dans sa maison* была отнесена к семантическим модулям РОДИНА / ДОМ, ГОРДОСТЬ и СВОБОДА. Критериями для выделения семантического поля служили его значимость и наличие достаточного количества ФЕ, которые можно отнести к данному полю. В качестве эмпирической базы использовались пословицы из словаря В. И. Когут «*Proverbes et dictons de France et leurs équivalents russes: Французские пословицы и поговорки и их русские эквиваленты*» [3].

В рамках данного исследования был задействован комплекс взаимодополняющих методов исследования: описательный метод; метод обобщения; семантический анализ, направленный на раскрытие смыслового содержания исследуемых единиц; классификация, обеспечившая структурирование полученных данных; моделирование, позволившее представить результаты исследования в наглядной и интерпретируемой форме; а также статистические методы, обеспечившие количественную оценку

выявленных закономерностей и подтверждение значимости полученных выводов.

Исследовательские результаты и их интерпретация

Актуализация концепта СВОЙ во фразеологическом фонде французского языка

Семантические поля, раскрывающие содержание концепта СВОЙ, представлены в таблице 1.

Таблица 1

Распространение семантических полей концепта СВОЙ

Название семантического поля	Примеры	Объём
RESSEMBLANCE (ПОДОБИЕ)	<i>À sot auteur, sot admirateur</i> (Дурак дурака хвалит); <i>De marchand à marchand il n'y a que la main</i> (Свой свояка видит издалека); <i>De mauvais grain jamais bon pain</i> (От худой курицы худые яйца); <i>De noble plante noble fruit</i> (Каков отец, таков и сын).	15,52 % (9)
PATRIE / MAISON (РОДИНА / ДОМ)	<i>À chaque oiseau son nid est beau</i> (Всяк кулик свое болото хвалит); <i>Chaque homme salue le buisson qui lui sert d'abri</i> (Всяк кулик свое болото хвалит); <i>Chien sur son fumier est hardi</i> (Всяк петух на своем пепелище хозяин); <i>Il n'y a rien de mieux que d'être chez soi</i> (Своя хатка – родная matka).	12,07 % (7)
FIERTÉ (ГОРДОСТЬ)	<i>Chaque mercier prise ses aiguilles et son panier</i> (Всяк купец свой товар хвалит); <i>Il se loue et se remercie</i> (Всяк сам себя хвалит); <i>Chaque potier vante son pot</i> (Всякий купец свой товар хвалит).	10,34 % (6)
SOLIDARITÉ (СОЛИДАРНОСТЬ)	<i>Avocats se querellent, et puis vont boire ensemble</i> (Ворон ворону глаз не выклюет); <i>Corbeaux avec corbeaux ne se crèvent jamais les yeux</i> (Ворон ворону глаз не выклюет); <i>Corsaire contre corsaire n'est pas bon à faire doublure</i> (Ворон ворону глаз не выклюет).	6,90 % (4)
ADAPTATION À L'ENVIRONNEMENT (ПРИСПОСОБЛЕНИЕ К ОКРУЖЕНИЮ)	<i>Avec le renard on renarde</i> (Попал в стаю, лай не лай, а хвостом виляй); <i>Avec les fous, il faut foler</i> (С воронами летать, по-вороньи каркать).	6,90 % (4)
FAMILLE (СЕМЬЯ)	<i>Vilain oiseau qui salit son nid</i> (Кто неуважительно отзывается о своей стране, тот грубит своим предкам); <i>De noble plante noble fruit</i> (Каков отец, таков и сын).	5,17 % (3)
SUBJECTIVITÉ (СУБЪЕКТИВНОСТЬ)	<i>Chacun voit avec ses lunettes</i> (Каждый судит по-своему); <i>Le bossu ne voit pas sa bosse</i> (В чужом	5,17 % (3)

	глазу соринку видим, в своём бревна не замечаем).	
ÉGOÏSME (ЭГОИЗМ)	<i>Chaque sait où son soulier le blesse</i> (Всяк знает, где его сапог жмет); <i>Nul ne sait mieux que l'âne où le bât blesse</i> (Всякому своя болячка больна).	5,17 % (3)
AMITIÉ (ДРУЖБА)	<i>Aujourd'hui ami, demain ennemi</i> (Сегодня друг, а завтра враг); <i>Celui qui n'est pas grand ennemi, n'est pas grand ami</i> (Тот, кто является большим врагом, не является большим другом).	3,45 % (2)
HOSTILITÉ (ВРАЖДА)	<i>Aujourd'hui ami, demain ennemi</i> (Сегодня друг, а завтра враг); <i>Celui qui n'est pas grand ennemi, n'est pas grand ami</i> (Тот, кто является большим врагом, не является большим другом).	3,45 % (2)
INCOMPATIBILITÉ (НЕСОВМЕСТИМОСТЬ)	<i>C'est le pot de terre contre le pot de fer</i> (Горшку с котлом не биться); <i>Ce qui nuit à l'un duit à l'autre</i> (Что одному хорошо, то другому плохо).	3,45 % (2)
LIBERTÉ (СВОБОДА)	<i>Chien sur son fumier est hardi</i> (Всяк петух на своем пепелище хозяин); <i>Tout chien est lion dans sa maison</i> (Всяк кулик в своём болоте велик).	3,45 % (2)
TRAHISON DES PROCHES (ПРЕДАТЕЛЬСТВО БЛИЗКИХ)	<i>Il n'est pire ennemi que ses proches</i> (Кому от чужих, а нам от своих горе); <i>On n'est jamais trahi que par les siens</i> (Кому от чужих, а нам от своих горе).	3,45 % (2)
AMOUR (ЛЮБОВЬ)	<i>À l'ami soigne le figuier, à l'ennemi soigne le pêcher</i> (Люби ближнего своего, а ненависть испытывай к врагу).	1,72 % (1)
AVERSION POUR L'ÉTRANGER (НЕПРИЯЗНЬ К ЧУЖОМУ)	<i>À l'ami soigne le figuier, à l'ennemi soigne le pêcher</i> (Люби ближнего своего, а ненависть испытывай к врагу).	1,72 % (1)
IMPERMANENCE DES RELATIONS HUMAINES (НЕПОСТОЯНСТВО ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ)	<i>Aujourd'hui ami, demain ennemi</i> (Сегодня друг, а завтра враг).	1,72 % (1)

Микрополе RESSEMBLANCE (ПОДОБИЕ) 15,52 % формирует ядро концепта СВОЙ посредством репрезентации идеи подобия и сходства. ФЕ акцентируют внимание на объединении людей на основании общих качеств, происхождения или интересов. Прослеживается закономерность в формировании социальных связей и групп на основе общности признаков, будь то интеллектуальные способности *À sot auteur, sot admirateur* или *L'âne frotte l'âne*, профессиональная принадлежность *De marchand à marchand il n'y a que la main*, генетическая детерминированность *De noble plante noble fruit* или *De*

mauvais grain jamais bon pain. Наличие этих пословиц свидетельствует о фундаментальной роли принципа подобия в категоризации мира и формировании представлений о «своих» как о группе, обладающей схожими атрибутами и ценностями, что способствует укреплению солидарности и идентификации.

Микрополе PATRIE / MAISON (РОДИНА / ДОМ) 12,07 % входит в предядерную зону концепта СВОЙ. ФЕ подчеркивают ценность и значимость родного очага как места, где человек чувствует себя безопасно, уверенно и комфортно. Метафорические образы птиц, восхваляющих свои гнёзда *À chaque oiseau son nid est beau, L'aigle d'une maison n'est qu'un sot dans une autre*, и животных, чувствующих себя хозяевами на своей территории *Chien sur son fumier est hardi, Tout chien est lion dans sa maison*, отражают глубоко укоренившееся представление о доме как о сакральном пространстве, определяющем идентичность. Подтверждением этого является и утверждение о превосходстве родного дома *Il n'y a rien de mieux que d'être chez soi* и инстинктивное стремление к нему *Un lièvre va toujours mourir au gîte*.

Следующим по объёму является микрополе FIERTÉ (ГОРДОСТЬ) 10,34 %, которое входит в зону ближней периферии. ФЕ превозносят то, что принадлежит «своему» кругу или индивиду, будь то профессиональные навыки *Chaque mercier prise ses aiguilles et son panier, Chaque potier vante son pot*, личные качества *Il se loue et se remercie*, или окружающее пространство *À chaque oiseau son nid est beau, Chaque homme salue le buisson qui lui sert d'abri*.

Микрополя SOLIDARITÉ (СОЛИДАРНОСТЬ) и ADAPTATION À L'ENVIRONNEMENT (ПРИСПОСОБЛЕНИЕ К ОКРУЖЕНИЮ), каждое из которых составляет 6,90 %, располагаются в зоне дальней периферии концепта. СОЛИДАРНОСТЬ отражает идею групповой поддержки и взаимовыручки, особенно среди «своих», что проявляется в пословицах *Avocats se querellent, et puis vont boire ensemble, Corbeaux avec corbeaux ne se crèvent jamais les yeux, Corsaire contre corsaire n'est pas bon à faire doublure*, подчёркивающих

негласный кодекс поведения внутри группы. Микрополе ПРИСПОСОБЛЕНИЕ К ОКРУЖЕНИЮ, в свою очередь, акцентирует важность адаптации к нормам и правилам той среды, в которой человек находится, как это выражено в пословицах *Avec le renard on renarde, Avec les fous, il faut foler, Avec les loups on apprend à hurler, Il faut hurler avec les loups*.

В ядре концепта СВОЙ лежит представление о сходстве, которое определяет принадлежность к группе через общие признаки. Предъядерная зона акцентирует важность родного очага как пространства безопасности и идентичности. Ближняя периферия связана с проявлениями гордости за то, что принадлежит «своему» кругу или индивиду, а дальняя – с поддержанием солидарности внутри группы и необходимостью адаптации к её нормам и правилам.

Актуализация концепта ЧУЖОЙ во фразеологическом фонде французского языка

Таблица 2 наглядно демонстрирует семантические поля, раскрывающие содержание концепта ЧУЖОЙ, с количественным выражением каждого поля в процентах и иллюстрирующими примерами.

Таблица 2

Распространение семантических полей концепта ЧУЖОЙ

Название семантического поля	Примеры	Объём
INDIFFÉRENCE (БЕЗРАЗЛИЧИЕ)	<i>Chagrin d'autrui ne touche qu'à demi</i> (Чужое горе вполгоря горевать); <i>Il est facile d'être généreux avec l'argent d'autrui</i> (Чужим вином подносить ведром); <i>L'âne du commun est toujours le plus mal bété</i> (По чужой шкуре не больно).	8,62 % (5)
HOSTILITÉ (ВРАЖДА)	<i>Celui qui n'est pas grand ennemi, n'est pas grand ami</i> (Тот, кто является большим врагом, не является большим другом); <i>Aujourd'hui ami, demain ennemi</i> (Сегодня друг, а завтра враг).	6,90 % (4)
ADAPTATION À L'ENVIRONNEMENT (ПРИСПОСОБЛЕНИЕ К ОКРУЖЕНИЮ)	<i>Avec le renard on renarde</i> (Попал в стаю, лай не лай, а хвостом виляй); <i>Avec les fous, il faut foler</i> (С воронами летать, по-вороньи каркать).	5,17 % (3)
JALOUSIE (ЗАВИСТЬ)	<i>L'herbe est toujours plus verte ailleurs</i> (У соседей и цветы красивее); <i>La poule du voisin nous paraît</i>	5,17 % (3)

	<i>une oie</i> (Хороша рыба на чужом блюде).	
DIFFÉRENCE (РАЗЛИЧИЯ)	<i>Autre ville, autres mœurs</i> (Во всяком подворье свое поверье); <i>Il faut vivre à Rome selon les coutumes romaines</i> (В чужой монастырь со своим уставом не ходят).	5,17 % (3)
AVERSION (НЕПРИЯЗНЬ)	<i>À l'ami soigne le figuier, à l'ennemi soigne le pêcher</i> (Люби ближнего своего, а ненависть испытывай к врагу); <i>Le pain d'autrui est amer</i> (Чужой хлеб рот дерёт).	3,45 % (2)
SUBJECTIVITÉ (СУБЪЕКТИВНОСТЬ)	<i>Le bossu ne voit pas sa bosse</i> (В чужом глазу соринку видим, в своем бревна не замечаем); <i>On voit une paille dans l'oeil de son voisin et on ne voit pas une poutre dans le sien</i> (В чужом глазу видим сучок, в своем бревна не замечаем).	3,45 % (2)
TRAHISON DES PROCHES (ПРЕДАТЕЛЬСТВО БЛИЗКИХ)	<i>Il n'est pire ennemi que ses proches</i> (Кому от чужих, а нам от своих горе); <i>On n'est jamais trahi que par les siens</i> (Кому от чужих, а нам от своих горе).	3,45 % (2)
AMITIÉ (ДРУЖБА)	<i>Celui qui n'est pas grand ennemi, n'est pas grand ami</i> (Тот, кто является большим врагом, не является большим другом); <i>Aujourd'hui ami, demain ennemi</i> (Сегодня друг, а завтра враг).	3,45 % (2)
IMPERMANENCE DES RELATIONS HUMAINES (НЕПОСТОЯНСТВО ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ)	<i>Aujourd'hui ami, demain ennemi</i> (Сегодня друг, а завтра враг).	1,72 % (1)
INCOMPATIBILITÉ (НЕСОВМЕСТИМОСТЬ)	<i>Ce qui nuit à l'un nuit à l'autre</i> (Что одному хорошо, то другому плохо).	1,72 % (1)
PATRIE / MAISON (РОДИНА/ДОМ)	<i>Un lièvre va toujours mourir au gîte</i> (В гостях хорошо, а дома лучше).	1,72 % (1)

Микрополе INDIFFÉRENCE (БЕЗРАЗЛИЧИЕ) 8,62 %, формирует ядро концепта ЧУЖОЙ, выражая эмоциональное дистанцирование от опыта и страданий других. ФЕ, входящие в данный модуль, подчёркивают отстранённость и неспособность в полной мере сопереживать чужому горю *Chagrin d'autrui ne touche qu' à demi, Chacun voit les maux d'autrui d'un autre oeil que les siens*, а также утилитарное отношение к чужому имуществу и ресурсам *Il est facile d'être généreux avec l'argent d'autrui, L'âne du commun est toujours le plus mal bâti*. Пренебрежительное отношение к чужой боли и проблемам *Mal d'autrui n'est que songe* свидетельствует о фундаментальном различии в восприятии «своего» и «чужого» опыта, где «чужое» нивелируется,

обесценивается и рассматривается как нечто менее значимое и требующее сочувствия.

Микрополе HOSTILITÉ (ВРАЖДА) 6,90 % входит в предъядерную зону. ФЕ, входящие в этот модуль, подчеркивают нестабильность человеческих отношений, где дружба может легко перерасти во вражду *Aujourd'hui ami, demain ennemi, Celui qui n'est pas grand ennemi, n'est pas grand ami*, а также акцентируют внимание на необходимости постоянной настороженности и борьбы с врагами, вне зависимости от их масштаба *Il n'y a pas de petit ennemi, Il vaut mieux tuer le diable que le diable vous tue*. Идея о потенциальной опасности, исходящей от «чужого», и необходимости защиты от него, является важной составляющей концепта ЧУЖОЙ и определяет стратегию взаимодействия с ним.

В ближней периферии концепта ЧУЖОЙ располагаются три микрополя, каждое с долей в 5,17 %. Микрополе ADAPTATION À L'ENVIRONNEMENT (ПРИСПОСОБЛЕНИЕ К ОКРУЖЕНИЮ) акцентирует необходимость адаптации к чужим правилам и обычаям *Avec le renard on renarde, Avec les fous, il faut folier, Avec les loups on apprend à hurler*, что указывает на важность соблюдения норм, принятых в ином социуме. Микрополе JALOUSIE (ЗАВИСТЬ) отражает чувство неудовлетворённости и стремление к обладанию тем, что принадлежит чужому *L'herbe est toujours plus verte ailleurs; La poule du voisin nous paraît une oie; Poule de voisin paraît oie* подчёркивая психологическое дистанцирование и восприятие чужого как объекта желаний. Наконец, микрополе DIFFÉRENCE (РАЗЛИЧИЯ) фокусируется на культурных и мировоззренческих различиях, которые отделяют «своё» от «чужого» *Autre ville, autres mœurs; Il faut vivre à Rome selon les coutumes romaines; Le coeur de l'homme est un abîme* раскрывая непонимание, которое может возникнуть при взаимодействии с людьми иной культуры.

Зону дальней периферии концепта ЧУЖОЙ, каждое с долей в 3,45 %, формируют микрополя AVERSION (НЕПРИЯЗНЬ), SUBJECTIVITÉ

(СУБЪЕКТИВНОСТЬ), TRAHISON DES PROCHEs (ПРЕДАТЕЛЬСТВО БЛИЗКИХ) и AMITIÉ (ДРУЖБА), отражающие более отдалённые и менее очевидные аспекты его содержания. НЕПРИЯЗНЬ выражает негативное отношение к «чужому», проявляющееся в отторжении и предпочтении «своего» *À l'ami soigne le figuier, à l'ennemi soigne le pêcher; Le pain d'autrui est amer.* СУБЪЕКТИВНОСТЬ акцентирует внимание на искажённом восприятии «чужого» из-за собственной предвзятости *Le bossu ne voit pas sa bosse; On voit une paille dans l'oeil de son voisin et on ne voit pas une poutre dans le sien.* ПРЕДАТЕЛЬСТВО БЛИЗКИХ связывается с концептом ЧУЖОЙ, поскольку подразумевает, что наибольшая опасность исходит именно от тех, кто должен быть «своим» *Il n'est pire ennemi que ses proches; On n'est jamais trahi que par les siens.* Наконец, ДРУЖБА, представляющая собой антитезу «вражды», также попадает в зону дальней периферии, поскольку отношения с «чужими» могут колебаться между дружбой и враждой *Celui qui n'est pas grand ennemi, n'est pas grand ami; Aujourd'hui ami, demain ennemi.*

ЧУЖОЙ во французском фразеологическом фонде имеет сложную структуру с ядром, образованным микрополем INDIFFÉRENCE (БЕЗРАЗЛИЧИЕ), подчёркивающим эмоциональное дистанцирование и утилитарное отношение к чужому опыту. Предъядерная зона представлена микрополем HOSTILITÉ (ВРАЖДА), акцентирующим потенциальную опасность и необходимость защиты от «чужого». Ближняя периферия включает микрополя ADAPTATION À L'ENVIRONNEMENT (ПРИСПОСОБЛЕНИЕ К ОКРУЖЕНИЮ), JALOUSIE (ЗАВИСТЬ) и DIFFÉRENCE (РАЗЛИЧИЯ), отражающие необходимость адаптации к чужим правилам, стремление к обладанию чужим и культурные различия. В дальней периферии располагаются микрополя AVERSION (НЕПРИЯЗНЬ), SUBJECTIVITÉ (СУБЪЕКТИВНОСТЬ), TRAHISON DES PROCHEs (ПРЕДАТЕЛЬСТВО БЛИЗКИХ) и AMITIÉ (ДРУЖБА), выявляющие негативное отношение к «чужому», искажённое

восприятие из-за предвзятости, опасность предательства от «своих» и возможность перехода отношений от дружбы к вражде.

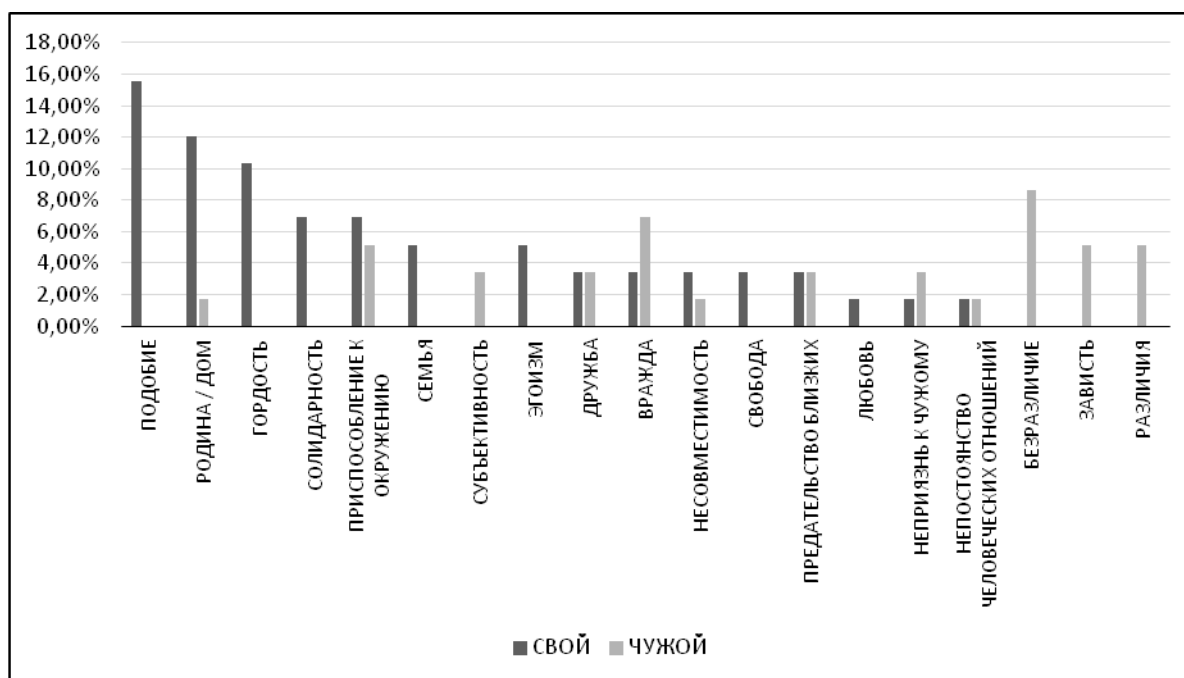

Рис.1. Распространение семантических полей концептов СВОЙ / ЧУЖОЙ

Используя метод каменистой осыпи для выделения наиболее значимых компонентов, в исследовании были выделены и проанализированы ядерные, предъядерные, а также зоны ближней и дальней периферии, формирующие концепты СВОЙ / ЧУЖОЙ (таб. 3).

Таблица 3

Зоны полевой структуры концептов СВОЙ / ЧУЖОЙ

Зона полевой структуры	СВОЙ	ЧУЖОЙ
Ядерная зона	RESSEMBLANCE (ПОДОБИЕ)	INDIFFÉRENCE (БЕЗРАЗЛИЧИЕ)
Предъядерная зона	PATRIE / MAISON (РОДИНА / ДОМ)	HOSTILITÉ (ВРАЖДА)
Ближняя периферия	FIERTÉ (ГОРДОСТЬ)	ADAPTATION À L'ENVIRONNEMENT (ПРИСПОСОБЛЕНИЕ К ОКРУЖЕНИЮ); JALOUSIE (ЗАВИСТЬ); DIFFÉRENCE (РАЗЛИЧИЯ)

Дальняя периферия	SOLIDARITÉ (СОЛИДАРНОСТЬ); ADAPTATION À L'ENVIRONNEMENT (ПРИСПОСОБЛЕНИЕ К ОКРУЖЕНИЮ)	AVERSION (НЕПРИЯЗНЬ), SUBJECTIVITÉ (СУБЪЕКТИВНОСТЬ); TRAHISON DES PROCHES (ПРЕДАТЕЛЬСТВО БЛИЗКИХ); AMITIÉ (ДРУЖБА)
----------------------	---	--

Анализ структуры концептов СВОЙ / ЧУЖОЙ во французском фразеологическом фонде выявляет различия в их репрезентации. Ядро концепта ЧУЖОЙ формирует INDIFFÉRENCE (БЕЗРАЗЛИЧИЕ), подчёркивая эмоциональную дистанцию, в то время как ядро СВОЕГО – RESSEMBLANCE (ПОДОБИЕ), акцентирующее общность и сходство как основу для объединения. Это указывает на то, что для французской лингвокультуры противопоставление СВОЙ / ЧУЖОЙ, в первую очередь, основано на отсутствии эмоциональной связи.

Предъядерные зоны также демонстрируют различия: ЧУЖОЙ противопоставляется с врагом, подразумевая потенциальную опасность, в то время как СВОЙ связывается с Родиной и родным домом. Таким образом, отношение к «чужому» формируется под влиянием настороженности и самозащиты, а к «своему» – под влиянием чувства принадлежности и безопасности.

Ближняя периферия концепта ЧУЖОЙ указывает на необходимость приспособления, чувство зависти и осознание культурных различий. В то время как «свой» воспринимается с гордостью за принадлежность к группе или территории.

В дальней периферии оба концепта содержат ФЕ, отражающие негативные и позитивные аспекты взаимодействия. Это указывает на то, что отношения как с «чужими», так и со «своими» требуют соблюдения определённых норм и могут быть подвержены влиянию различных факторов, таких как предвзятость или предательство. Однако для «своих» акцент делается на солидарности и групповой сплочённости, а для «чужих» – на потенциальных негативных проявлениях.

Эмоциональное поле концептов СВОЙ / ЧУЖОЙ

В таблицах 4, 5 представлена разработанная классификация эмоций, связанных с концептами СВОЙ / ЧУЖОЙ, основанная на анализе соответствующего фразеологического материала и проиллюстрированная релевантными примерами.

Таблица 4

Эмоциональная составляющая ФЕ, актуализирующих концепт СВОЙ

Класс	Примеры	Объём
ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ	<i>À chaque oiseau son nid est beau</i> (Всяк кулик своё болото хвалит); <i>Il se loue et se remercie</i> (Всяк сам себя хвалит).	55,17 % (32)
ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ	<i>Il n'est pire ennemi que ses proches</i> (Кому от чужих, а нам от своих горе); <i>Aujourd'hui ami, demain ennemi</i> (Сегодня друг, а завтра враг).	3,45 % (2)
СОЦИАЛЬНЫЕ ЭМОЦИИ	<i>À l'ami soigne le figuier, à l'ennemi soigne le pêcher</i> (Люби ближнего своего, а ненависть испытывай к врагу); <i>À chaque oiseau son nid est beau</i> (Всяк кулик своё болото хвалит).	31,03 % (18)
СЕНСОРНЫЕ ОЩУЩЕНИЯ	<i>Nul ne sait mieux que l'âne où le bât blesse</i> (Всякому своя болячка больна); <i>Chacun sent son mal</i> (Всяк знает, что у него болит).	10,34 % (6)

Анализ эмоциональной составляющей ФЕ, репрезентирующих концепт СВОЙ, демонстрирует доминирование положительного эмоционального фона 55,17 %, что свидетельствует о преобладании позитивной оценки и эмоционального принятия «своего». Значительная доля социальных эмоций 31,03 % подчёркивает важность социальных связей и взаимоотношений в формировании и поддержании концепта СВОЙ. Наличие сенсорных ощущений 10,34 % указывает на субъективный и личностно-окрашенный характер восприятия «своего» опыта. Минимальное присутствие отрицательных эмоций 3,45 % подтверждает выраженную позитивную эмоциональную валентность концепта СВОЙ во французской фразеологии.

Таблица 5

Эмоциональная составляющая ФЕ, актуализирующих концепт ЧУЖОЙ

Класс	Примеры	Объём
ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ		0
ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ	<i>À l'ami soigne le figuier, à l'ennemi soigne le pêcher</i> (Люби ближнего своего, а ненависть испытывай к врагу); <i>Le pain d'autrui est amer</i> (Чужой хлеб рот дерёт).	20,69 % (12)
СОЦИАЛЬНЫЕ ЭМОЦИИ	<i>On n'est jamais trahi que par les siens</i> (Кому от чужих, а нам от своих горе); <i>Chacun voit les maux d'autrui d'un autre oeil que les siens</i> (Чужое горе в половину горевать).	17,24 % (10)
СЕНСОРНЫЕ ОЩУЩЕНИЯ	<i>Il est facile d'être généreux avec l'argent d'autrui</i> (Чужим вином подносить ведром); <i>L'âne du commun est toujours le plus mal bété</i> (По чужой шкуре не больно).	5,17 % (3)

Анализ эмоциональной составляющей ФЕ, репрезентирующих концепт ЧУЖОЙ, выявляет отсутствие положительных эмоций, что свидетельствует о преимущественно негативной эмоциональной валентности данного концепта. Доминирование отрицательных эмоций 20,69 % отражает негативное восприятие и отношение к «чужому» в рамках французской лингвокультуры. Значительное присутствие социальных эмоций 17,24 % указывает на отрицательное влияние концепта ЧУЖОЙ на социальные взаимодействия и межличностные отношения. Наличие сенсорных ощущений 5,17 % подчёркивает негативный физический или эмоциональный опыт, ассоциирующийся с «чужим», что усиливает общее отрицательное восприятие данного концепта.

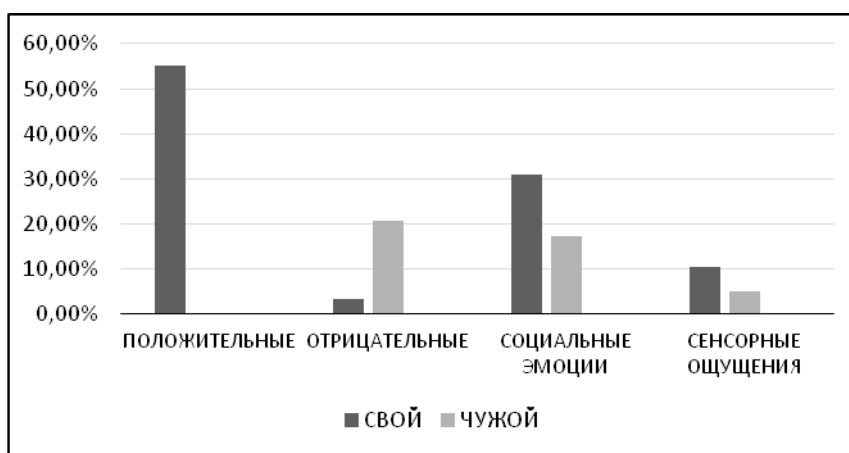

Рис. 2. Объём основных классов эмоций ФЕ, актуализирующих концепт СВОЙ / ЧУЖОЙ

Заключение

Концепты СВОЙ и ЧУЖОЙ во французском паремийном фонде представляют собой бинарную оппозицию, отражающую базовые социальные и культурные установки. СВОЙ концентрируется вокруг идей подобия, принадлежности, безопасности и позитивной оценки, воплощаясь в образах родного дома, солидарности, гордости за собственные достижения и стремления к адаптации в своей среде. В противовес этому, ЧУЖОЙ маркируется безразличием, потенциальной враждебностью, завистью, признанием различий и необходимостью адаптации. Взаимодействие между этими концептами обусловлено сложностью человеческих отношений, включающих в себя возможность предательства со стороны «своих» и изменчивость отношений с «чужими».

Список литературы:

1. Аркеева Ю. Е. Концептуальная оппозиция «свой – чужой» в китайской языковой картине мира // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2022. № 32 (4). С. 793–801.
2. Аркеева Ю. Е. Шустова С. В. Моделирование ассоциативно-вербального поля категории «свой» в сознании носителей русского языка // Евразийский гуманитарный журнал. 2023. № 1. С. 33–42.

3. Когут В. И. Proverbes et dictons de France et leurs équivalents russes: Французские пословицы и поговорки и их русские эквиваленты: Словарь французских пословиц и поговорок. СПб.: Издательство «Антология», 2016. 240 с.
4. Коркина М. И., Шустова С. В. Репрезентация концептов ОТЕЧЕСТВО / FATHERLAND в сознании носителей русского и английского языков // Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. № 12. С. 58–71.
5. Меньшакова Н. Н. «Свой – чужой» в паремийном пространстве романа «Дон Кихот» Сервантеса // Миграционная лингвистика. 2022. № 4. С. 4–14.
6. Мокиенко В. М. Образы русской речи. СПб.: ФолиоПресс, 1999. 464 с.
7. Ременюк Н. Р., Ефимова Т. В. Бинарная оппозиция «свой – чужой» как культурная универсалия: философские истоки, языковые маркеры и социально-экономические проявления // Общество: философия, история, культура. 2025. № 2. С. 162–167.
8. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры.: Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Академический проект, 2004. 992 с.
9. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. 288 с.
10. Трофимова А. Н. Субстандартные лексические единицы, репрезентирующие образ «чужой» (на материале телесериала «Бандитский Петербург») // Евразийский гуманитарный журнал. 2024. № 1. С. 27–33.
11. Файзиева Г. В. Лексико-семантическое поле «чужой» в сознании носителей русского языка // Гуманитарные исследования. История и филология. 2024. № 13. С. 78–85.
12. Фомичева Я. А. Модель ассоциативно-вербального поля категории «язык вражды» // Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. № 10. С. 79–92.

13. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка: учеб. пособие для вузов по спец. «Русский язык и литература». СПб.: Специальная Литература, 1996. 192 с.

References:

1. Arekeeva Yu. E. Konceptual'naya oppozitsiya «svoj – chuzhoj» v kitajskoj yazykovoj kartine mira // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Istoriya i filologiya». 2022. № 32 (4). S. 793–801.

2. Arkeeva Yu. E. Shustova S. V. Modelirovanie asociativno-verbal'nogo polya kategorii «svoj» v soznanii nositelej russkogo yazyka // Evrazijskij gumanitarnyj zhurnal. 2023. № 1. S. 33–42.

3. Kogut V. I. Proverbes et dictons de France et leurs équivalents russes: Franczuzskie poslovicy i pogovorki i ix russkie e'kvivalenty: Slovar' franczuzskix poslovicz i pogovorok. SPb.: Izdatel'stvo «Antologiya», 2016. 240 s.

4. Korkina M. I., Shustova S. V. Reprezentatsiya konceptov OTEChESTVO / FATHERLAND v soznanii nositelej russkogo i anglijskogo yazykov // Gumanitarnye issledovaniya. Istoriya i filologiya. 2023. № 12. S. 58–71.

5. Men'shakova N. N. «Svoj – chuzhoj» v paremijnom prostranstve romana «Don Kixot» Servantesa // Migracionnaya lingvistika. 2022. № 4. S. 4–14.

6. Mokienko V. M. Obrazy` russkoj rechi. SPb.: FolioPress, 1999. 464 s.

7. Remenyuk N. R., Efimova T. V. Binarnaya oppozitsiya «svoj – chuzhoj» kak kul'turnaya universalija: filosofskie istoki, yazykovye markery` i social'no-e'konomicheskie proyavleniya // Obshhestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. 2025. № 2. S. 162–167.

8. Stepanov Yu. S. Konstanty`. Slovar' russkoj kul'tury`. Izd. 3-e, ispr. i dop. M.: Akademicheskij proekt, 2004. 992 s.

9. Teliya V. N. Russkaya frazeologiya. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty`. M.: Shkola «Yazyki russkoj kul'tury», 1999. 288 s.

10. Trofimova A. N. Substandartny`e leksicheskie edinicy, reprezentiruyushhie obraz «chuzhoj» (na materiale teleseriala «Banditskij Peterburg») // Evrazijskij gumanitarny`j zhurnal. 2024. № 1. S. 27–33.

11. Fajzieva G. V. Leksiko-semanticheskoe pole «chuzhoj» v soznanii nositelej russkogo yazy`ka // Gumanitarny`e issledovaniya. Istoriya i filologiya. 2024. № 13. S. 78–85.

12. Fomicheva Ya. A. Model` asociativno-verbal`nogo polya kategorii «yazy`k vrazhdy`» // Gumanitarny`e issledovaniya. Istoriya i filologiya. 2023. № 10. S. 79–92.

13. Shanskij N. M. Frazeologiya sovremennogo russkogo yazy`ka: ucheb. posobie dlya vuzov po specz. «Russkij yazy`k i literatura». SPb.: Special`naya Literatura, 1996. 192 s.

Информация об авторах:

Е. В. Малахова – магистрант факультета современных иностранных языков и литератур Пермского государственного национального исследовательского университета

С. В. Шустова – доктор филологических наук, профессор, Пермский государственный национальный исследовательский университет

Information about the authors:

E. V. Malakhova – Master Degree course student of the Faculty of Modern Foreign Languages and Literatures, Perm State National Research University

S. V. Shustova – Grand Ph. D. (Philology), Professor, Perm State National Research University

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.03.2025; одобрена после рецензирования 20.04.2025; принята к публикации 10.06.2025.

The article was published 29.03.2025; approved after reviewing 20.04.2025; accepted for publication 10.06.2025.

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ (ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Научная статья

УДК 81-22

Лариса Васильевна Маняшина^{1✉}, Анна Алексеевна Кузьмина²

Астраханский государственный университет им. В. Н.Татищева, Астрахань,
Россия

¹maniashina@mail.ru

²Anna_kuzmina_2003@mail.ru

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА И ИХ РОЛЬ В ТЕКСТАХ НОВЕЛЛ АВСТРИЙСКОГО ПИСАТЕЛЯ СТЕФАНА ЦВЕЙГА

Аннотация. В статье рассматриваются стилистические лексико-грамматические средства, которые формируют уникальный стиль художественных текстов австрийского писателя Стефана Цвейга, подчёркивают эмоциональную насыщенность текста и создают атмосферу. Статья также затрагивает вопросы влияния лексико-грамматических средств на восприятие сюжетной линии и характеров персонажей.

Ключевые слова: лексико-грамматические средства, новелла, Стефан Цвейг, анафора, антитеза, лейтмотив, повтор, эмоциональная насыщенность

Для цитирования: Маняшина Л. В., Кузьмина А. А. Лексико-грамматические средства и их роль в текстах новелл австрийского писателя Стефана Цвейга // Евразийский филологический вестник. 2025. Вып. 2 (10). С. 54–64.

**GENERAL QUESTIONS OF LINGUISTICS
(PHILOLOGICAL SCIENCES)**

Original article

UDC 81-22

Larisa V. Manyashina^{1✉}, Anna A. Kuzmina²

Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev, Astrakhan, Russia

¹maniashina@mail.ru

²Anna_kuzmina_2003@mail.ru

**LEXICAL AND GRAMMATICAL TOOLS AND THEIR ROLE IN THE
TEXTS OF SHORT STORIES BY THE AUSTRIAN WRITER
STEFAN ZWEIG**

Abstract. The article examines stylistic lexical and grammatical tools that form the unique style of literary texts by the Austrian writer Stefan Zweig, emphasize the emotional richness of the text and create an atmosphere. The article also touches upon the influence of lexical and grammatical means on the perception of the story line and the characters of the characters.

Keywords: lexical and grammatical means, novel, Stefan Zweig, anaphora, antithesis, leitmotif, repetition, emotional saturation

For citation: Manyashina L. V., Kuzmina A. A. Lexical and grammatical tools and their role in the texts of short stories by the Austrian writer Stefan Zweig // Eurasian Philological Bulletin. 2025; 2 (10): 54–64. (In Russ.).

Введение

Исследование текстов произведений Стефана Цвейга, одного из ярких представителей австрийской литературы, является интересной и актуальной

темой в современной лингвистике. Свои произведения автор создал более века назад, но они по-прежнему вызывают интерес, поскольку его новеллы увлекают необычными сюжетами, своим драматизмом, они вызывают сопереживание современного читателя. Язык автора выразителен и притягивает внимание читательской аудитории. Работы по изучению произведений этого автора позволяют раскрыть многочисленные лингвистические аспекты, включающие в себя особенности лексико-грамматического строя языка, стилистики. В настоящем исследовании мы хотели бы рассмотреть лексико-грамматические средства, характерные для текстов новелл Стефана Цвейга, и их функциональные особенности.

Многие отечественные и зарубежные лингвисты занимались исследованием лексико-грамматических средств, которые формируют эмоциональную основу текста. Среди них можно назвать К. А. Левковскую, Г. Н. Поспелова, Л. А. Новикова, В. П. Москвина, З. П. Куликову [6, с. 115; 7, с. 84; 10, с. 104], которые описали и систематизировали данные стилистические средства. Особое внимание заслуживает, на наш взгляд, классификация лексико-грамматических средств Э. Г. Ризель [9, с. 56], которая позднее была доработана и дополнена новыми стилистическими средствами из этой группы Н. М. Наер [8, с. 73]. В работах данных лингвистов выделяются такие средства, как повтор и его виды – анафора, эпифора, кольцевой повтор, анадиплоза, параллелизм, хиазм, антитеза. Данная классификация лексико-грамматических средств заслуживает особого внимания, потому что наиболее полно представляет и систематизирует лексико-грамматические средства языка, а также помогает понять их употребление в определённых контекстах. Все эти средства без какого-либо переосмысления помогают лучше понять текст, наиболее глубоко его прочувствовать.

Исследовательские результаты и их интерпретация

В новелле «Письмо незнакомки» Стефана Цвейга мы находим различные виды повторов, среди них выделяется многократный повтор одного и того

предложения на протяжении всей новеллы. Данная фраза стала лейтмотивом в произведении, где говорится о горькой судьбе молодой женщины, о её одиночестве, о её трагической судьбе. Стефан Цвейг мастерски использовал в своих новеллах лейтмотив для создания в тексте определённой атмосферы, характерной для происходящего в новелле: *Mein Kind ist gestern gestorben – es war auch Dein Kind. Es war auch Dein Kind, Geliebter, das Kind einer jener drei Nächte ..., Es war unser Kind, ich schwöre es Dir...* [11, с. 127] *Es war unser Kind, Geliebter, das Kind meiner wissenden Liebe und Deiner sorglosen, verschwenderischen, fast unbewussten Zärtlichkeit, unser Kind, unser Sohn, unser einziges Kind* [11, с. 128]. *...warum ich dies Kind Dir alle diese langen Jahre verschwiegen und erst heute von ihm spreche, da es hier im Dunkel schlafend, für immer schlafend liegt, schon bereit fortzugehen und nie mehr wiederzukehren, nie mehr!* [11, с. 142]. В новелле «Письмо незнакомки» многократный повтор слова *Kind*, а также фразы *Mein Kind ist gestern gestorben...* служит важным инструментом для раскрытия глубины эмоционального состояния героини и её отношений с любимым человеком.

Этот повтор, который стал лейтмотивом новеллы, подчёркивает сложные чувства материнства, любви и утраты. Многократное упоминание о ребёнке, которого теперь потеряла мать, создаёт напряжённость и драматизм, заставляя читателя осознать важность этой связи, акцентирует внимание на связи между двумя героями, одновременно выражая боль и страдание из-за травмы утраты.

Другим примером употребления лейтмотива для усиления эмоционального воздействия на читателя в новелле «Амок» служит фрагмент: *Die Leute in den Dörfern wissen, dass keine Macht einen Amokläufer aufhalten kann... so brüllen sie warnend voraus, wenn er kommt: Amok! Amok!, und alles flüchtet..., hatte ich meine Existenz hinter mich geworfen und rannte Amok ins Leere hinein, «aber der Amokläufer rennt ja mit leeren Augen, er sieht nicht, wohin er rennt...* [11, с. 60]. В этом фрагменте из новеллы «Амок» лейтмотивом является тема «амока», повторяющаяся 8 раз за несколько абзацев и символизирующая

безумие, отчаяние и потерю контроля. В данном контексте человек в состоянии амока, стал воплощением сильных, подавленных эмоций и эмоционального кризиса. Лейтмотив амока создаёт ощущение напряжения и угрозы, что помогает читателю лучше понять внутренние конфликты персонажа и его состояние. Лексема в «амока», которая повторяется 8 раз в небольшом фрагменте текста, не только усиливает эмоциональную нагрузку текста, но и помогает углубить понимание психологического состояния героя, его внутреннего конфликта и драмы.

Разнообразные виды повтора можно найти и в новелле Стефана Цвейга «Двадцать четыре часа из жизни женщины». Лексический повтор играет важную роль в следующем фрагменте: *Unwillkürlich richtete ich mich auf, um mich zu besinnen, und da... wie ich den Blick seitwärts wandte... da sah ich – und nie werde ich Ihnen meinen Schrecken schildern können - einen fremden Menschen im breiten Bette neben mir schlafen... aber fremd, fremd, fremd, ein unbekannter Mensch* [11, с. 197]. Повтор слова «fremd» акцентирует то, что персонаж чувствует глубокую тревогу и ужас при обнаружении незнакомца рядом с собой. Слово «fremd» напоминает о том, что это не только физическое состояние, но и эмоциональное. Чувство отчуждения и даже неприязни вызывает страх и настороженность. Повтор усиливает ощущение тревоги и беспокойства. Каждый повтор лексемы «fremd» усиливает эффект шока и усиливает эмоциональную реакцию персонажа, привлекая внимание читателя к его внутреннему состоянию [1, с. 36]. Повтор в данном фрагменте не только способствует эмоциональному восприятию текста, но и добавляет глубину изображения образа и его переживаниям, усиливая понимание его внутреннего конфликта.

Анафора, повтор слова или словосочетания в нескольких предложениях текста, следующих друг за другом, передаёт широкий спектр эмоций, которые испытывает персонаж, характеризуя его внутренний мир. Использование анафоры в новеллах Цвейга позволяет читателю глубже понять мотивацию и

переживания персонажей, а также создаёт особую атмосферу, погружающую в глубокую психологию произведений. В новелле «Письмо незнакомки» во фрагменте: *Es war auch Dein Kind, Geliebter, das Kind einer jener drei Nächte, ich schwöre es Dir, und man lügt nicht im Schatten des Todes. Es war unser Kind, ich schwöre es Dir, denn kein Mann hat mich berührt von jenen Stunden, da ich mich Dir hingegeben, bis zu jenen andern, da es aus meinem Leib gerungen wurde...* [11, с. 127]. Анафора подчёркивает важность и истинность сказанного. Фразы, начинающиеся с *Es war*, делают акцент на событии, которое персонаж считает значимым, и усиливают чувство драматизма и уверенности в его словах. Кроме того, анафора в этом контексте указывает на глубину чувств и преданность персонажа, который пытается донести правду о своём прошлом и о связи между ней и её возлюбленным. Эта повторяемость усиливает ощущение неизбежности и важности признания, которое происходит в момент, когда персонаж пытается убедить другого в честности своих слов.

Для полной осознанности переживаний главного героя часто употребляется такое стилистическое средство как антитеза, т. е. стилистический приём, который заключается в противопоставлении прямо противоположных друг другу образов, свойств или действий [9, с. 162; 8, с. 204]. Это средство позволяет значительно углубить восприятие внутренней борьбы персонажа и его столкновения с обстоятельствами, раскрывая сложность человеческой природы.

Стефан Цвейг использует антитезу в новелле «Письмо незнакомки» в следующем фрагменте: *Nie hättest Du mir, der Fremden, der allzu Bereitwilligen dreier Nächte, die sich ohne Widerstand, ja begehrend, Dir aufgetan, nie hättest Du ihr, der Namenlosen einer flüchtigen Begegnung, geglaubt, dass sie Dir die Treue hielt, Dir dem Untreuen — nie ohne Misstrauen dies Kind als das Deine erkannt!* [11, с. 128]. В первой части фразы говорится о «доверии» и «верности», а во второй — о «доверии к неверному» и «недоверии». Это создаёт напряжение между тем, что персонаж ожидает (верность и признание), и тем, что он фактически

получает (недоверие и игнорирование). Антитеза также служит иллюстрацией сложности человеческих отношений. Говоря о том, что её верность не была признана, автор подчёркивает тему неразделённой любви и глубоких эмоциональных страданий, которые возникают из-за недостатка взаимопонимания. Контраст отражает внутренние конфликты и накал эмоций, что делает ситуацию более напряжённой и драматичной.

В новелле «Двадцать четыре часа из жизни женщины», в цитате *Hätte gestern jemand mir, einer Frau mit tadellos verbrachtem Leben, die in ihrer Gesellschaft strengste konventionelle Würdigkeit forderte, auch nur angedeutet, ich würde mit einem wildfremden jungen Menschen, der Perlenboutons gestohlen hatte, vertraulich beisammensitzen – ich hätte ihn für sinnberaubt gehalten* [11, с. 206]. Автор противопоставляет двух персонажей, наиболее ярко показывает, насколько они разные люди, несомненную роль при этом в тексте играет антитеза, противопоставление двух образов: «*Frau mit tadellos verbrachtem Leben*» и «*wildfremden jungen Menschen, der Perlenboutons gestohlen hatte*».

Антитеза подчёркивает столкновение двух различных социальных и моральных миров. Первая часть фразы описывает женщину с идеальной репутацией, строго следящую за общественными нормами, а вторая часть вводит образ молодого человека, совершившего преступление. Это создаёт резкое различие между порядочностью и безнравственностью. Противопоставление указывает на внутренний конфликт героини, которая оказывается втянутой в ситуацию, полностью идущую вразрез с её жизненными принципами и социализированными ожиданиями. Это указывает на изменения в её восприятии себя и своих ценностей.

Повествование в новелле характеризуется ограниченной временной и пространственной перспективой, выдвижением в центр рассказа «чрезвычайного происшествия», направленностью всех художественно-изобразительных средств на развитие и разрешение центрального конфликта.

[3, с. 47]. Произведения Стефана Цвейга, где выражено отрицание современного мира, драматизм, вызывают самый горячий отклик у читателя.

Высокочастотное использование Стефаном Цвейгом лексико-грамматических средств является действенным и выразительным средством художественного изображения мира эмоций протагонистов, их ассоциативно-образного портретирования. Их применение австрийским писателем придаёт художественным произведениям психологическое напряжение, художественно украшает их, воздействует на сознание читателя, вызывая у него самые разнообразные ассоциации. Лексико-грамматические средства, использованные Стефаном Цвейгом в его новеллах, формируют уникальный художественный стиль, который делает его произведения глубокими и многослойными.

Заключение

В целом текст новелл Стефана Цвейга читается легко, автору удаётся изобразить атмосферу происходящих событий, характеры героев, избегая сложные средства создания образов и использование средств вторичной номинации. Этот пробел восполняется в тексте лексико-грамматическими средствами, которые образуют богатый арсенал для выразительности речи. Их разнообразие создаёт различные стилистические эффекты, позволяет автору и героям произведения наиболее точно передавать свои мысли и чувства, создаёт определённую эмоциональную атмосферу. Лексико-грамматические особенности не только формируют структуру предложения, но и влияют на передачу содержания, они усиливают характеристику героев, что делает текст ещё более привлекательным и захватывающим. Понимание контекста и прагматики общения играет ключевую роль в интерпретации значений слов и выражений, что подчёркивает важность этих аспектов в языке. Лексико-грамматические средства позволяют не только передавать информацию, но и вызывать эмоциональный отклик у слушателя или читателя. Их использование обогащает текст, делает его более живым и запоминающимся.

Список литературы:

1. Богатырева Н. А. Стилистика современного немецкого языка. *Stilistik der deutschen Gegenwartssprache*. М.: Академия, 2005. 336 с.
2. Брандес М. П. Стилистика текста. Теоретический курс (на материале немецкого языка). М.: Прогресс-Традиция: ИНФРА-М, 2004. 413 с.
3. Гончарова Е. А. Теория и практика стилистического анализа. [Theorie und praxis der stilanalyse]. М.: Академия, 2010. 352 с.
4. Домашнев А. И. Интерпретация художественного текста: Немецкий язык / А. И. Домашнев, И. П. Шишкина, Е. А. Гончарова. М.: Просвещение, 2-е изд., дораб. 1989. 204 с.
5. Ковальчук И. Ю. Повтор и его функции в тексте: дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск: 2004. 149 с.
6. Куликова З. П. Повтор как средство экспрессивности и гармонизации поэтических текстов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на/Д., 2007. 198 с.
7. Москвин В. П. Типология повторов как стилистической фигуры // Русский язык в школе. 2000. № 5. С. 81–85.
8. Наер Н. М. Стилистика немецкого языка. М.: Высш. шк., 2006. 271 с.
9. Ризель, Э. Г., Riesel, E. Стилистика немецкого языка. *Deutsche Stilistik*. М.: Высшая школа, 1975. 316 с.
10. Сильман Т. И. Пособие по стилистическому анализу немецкой художественной литературы. Л.: Просвещение, 1969. 328 с.
11. Stefan Zweig, *Novellen*. Rostov-an-Don, Phönix: Ростов-на-Дону, Издательство «Феникс». 2011. 319 с.

References:

1. Bogaty`reva N. A. *Stilistika sovremennogo nemeczkogo yazy`ka*. *Stilistik der deutschen Gegenwartssprache*. М.: Akademiya, 2005. 336 s.

2. Brandes M. P. Stilistika teksta. Teoreticheskij kurs (na materiale nemeczkogo yazy`ka). M.: Progress-Tradiciya: INFRA-M, 2004. 413 s.
3. Goncharova E. A. Teoriya i praktika stilisticheskogo analiza. [Theorie und praxis der stilanalyse]. M.: Akademiya, 2010. 352 s.
4. Domashnev A. I. Interpretaciya xudozhestvennogo teksta: Nemeczkij yazy`k / A. I. Domashnev, I. P. Shishkina, E. A. Goncharova. M.: Prosveshhenie, 2-e izd., dorab. 1989. 204 s.
5. Koval`chuk I. Yu. Povtor i ego funkcii v tekste: dis. ... kand. filol. nauk. Pyatigorsk: 2004. 149 s.
6. Kulikova Z. P. Povtor kak sredstvo e`kspressivnosti i garmonizacii poe`ticheskix tekstov: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Rostov-na/D., 2007. 198 s.
7. Moskvин V. P. Tipologiya povtorov kak stilisticheskoy figury` // Russkij yazy`k v shkole. 2000. № 5. S. 81–85.
8. Naer N. M. Stilistika nemeczkogo yazy`ka. M.: Vy`ssh. shk., 2006. 271 s.
9. Rizel`, E`. G., Riesel, E. Stilistika nemeczkogo yazy`ka. Deutsche Stilistik. M.: Vy`sshaya shkola, 1975. 316 s.
10. Sil`man T. I. Posobie po stilisticheskomu analizu nemeczkoy xudozhestvennoj literatury`. L.: Prosveshhenie, 1969. 328 s.
11. Stefan Zweig, Novellen. Rostov-an-Don, Phönix: Rostov-na-Donu, Izdatel`stvo «Feniks». 2011. 319 s.

Информация об авторах:

Л. В. Маняшина – кандидат филологических наук, доцент, Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева

А. А. Кузьмина – магистрант, Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева

Information about the authors:

L. V. Manyashina – Ph.D. (Philology), Associate Professor, Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev

A. A. Kuzmina – Master's student, Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.04.2025; одобрена после рецензирования 22.05.2025; принята к публикации 10.06.2025.

The article was published 27.04.2025; approved after reviewing 22.05.2025; accepted for publication 10.06.2025.

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ (ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Научная статья

УДК 811.133.1

Ирина Анатольевна Френкель

Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, Астрахань,
Россия

frenkel-mif@rambler.ru

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ И НАРЕЧИЙ НА *-MENT* В ГЛАГОЛЬНЫХ СОЧЕТАНИЯХ (СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Аннотация. В статье рассматривается распространённое во французском языке явление – использование прилагательного в глагольном сочетании в функции обстоятельства (*parler sec*), конкурирующего, в связи с этим, с соответствующим наречием на *-ment*, для которого данная синтаксическая роль, в отличие от прилагательного, является грамматически обусловленной. В связи с неоднозначностью анализируемого явления, в статье представлен спектр мнений российских и французских учёных, трактующих грамматическую природу и семантические особенности компонентов указанных сочетаний, приводится обоснование указанных точек зрения. В соответствии с поставленными задачами, работа содержит краткую характеристику наречия и прилагательного как частей речи, их семантические, морфологические и синтаксические особенности, анализ грамматических условий функционирования прилагательного в указанном словосочетании, связанного с его использованием во внешне схожие глагольные конструкции. Основное внимание уделяется трактовке семантических особенностей именного

компонента глагольного сочетания в соотношении с конструкцией, содержащей наречие на *-ment*, с целью выявления условий, обеспечивающих их функционирование в указанных структурах и языковую активность. В связи с этим в статье рассматриваются семантические изменения, происходящие в разряде качественных наречий, способствующие распространению соответствующих безаффиксальных лексем, возможность/невозможность взаимозамены анализируемых компонентов глагольного сочетания или их одновременного использования, условия функционирования обеих частей речи в качестве однородных членов предложения и в конструкции с однородными сказуемыми. Анализ указанных аспектов демонстрирует причины языковой активности прилагательного в обстоятельственной функции.

Ключевые слова: прилагательное, качественное наречие, глагольное сочетание, обстоятельственная функция, семантическая сочетаемость, конверсия, транспозиция

Для цитирования: Френкель И. А. Особенности функционирования прилагательных и наречий на *-ment* в глагольных сочетаниях (семантический аспект) // Евразийский филологический вестник. 2025. Вып. 2 (10). С. 65–86.

GENERAL QUESTIONS OF LINGUISTICS (PHILOLOGICAL SCIENCES)

Original article

UDC 811.133.1

Irina A. Frenkel

Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev, Astrakhan, Russia

frenkel-mif@rambler.ru

FEATURES OF FUNCTIONING ADJECTIVES AND ADVERBS ON *-MENT* IN VERBS COMBINATIONS (SEMANTIC ASPECT)

Abstract. The article examines a common phenomenon in the French language – the use of an adjective in a verb combination as a circumstance (*parler sec*), competing, in this regard, with the corresponding adverb on *-ment*, this syntactic role of which is grammatically conditioned. Due to the ambiguity of the interpretation of this phenomenon, the article presents a range of opinions of Russian and French scientists interpreting this linguistic phenomenon and substantiating their points of view. In accordance with the tasks set, the work contains a brief description of the adverb as a part of speech, its semantic, morphological and syntactic features, an analysis of the grammatical conditions of the adjective functioning in this position, determined by its occurrence in superficially similar verb constructions. Special attention is paid to the semantic features of the verbal and nominal components that ensure the use of adjectives in these combinations, the analysis of the latter in their relation to the adverb *ment*, in order to identify the semantic features that ensure their functioning in verbal combinations, semantic changes occurring in the category of qualitative adverbs, the possibility / impossibility of interchanging the analyzed components of the verbal combination or their simultaneous use, conditions for the functioning of both parts of speech as homogeneous members of a sentence and the use of adjectives in constructions with homogeneous predicates.

Keywords: adjective, qualitative adverb, verb combination, circumstantial function, semantic compatibility, conversion, transposition

For citation: Frenkel I. A. Features of functioning adjectives and adverbs on *-ment* in verbs combinations (semantic aspect) // Eurasian Philological Bulletin. 2025; 2 (10): 65–86. (In Russ.).

Введение

Функционирование прилагательного в роли наречия в глагольном сочетании (например, *parler sec*) не является новообразованием во французском языке. Подобное употребление было характерно ещё для старофранцузского периода. Возникшие в то время сочетания продолжают служить моделью для образования новых слов и словосочетаний и представляют собой один из способов обогащения французского языка, чёткого и яркого изложения мысли.

Несмотря на то, что данное явление представляет собой историческую тенденцию и является объектом значительного количества проведённых исследований, его трактовка остаётся противоречивой. Неоднозначность точек зрения объясняется внешней схожестью данного глагольного сочетания с другими конструкциями, компоненты которых характеризуются различными семантическими, грамматическими и синтаксическими особенностями, например, сочетание прилагательного со связочными и полнозначными глаголами, его использование в обособленной позиции.

Целью данного исследования является анализ условий и семантических особенностей функционирования прилагательного в глагольном сочетании в роли обстоятельства в его соотношении с соответствующим наречием на *-ment*, использование которого в данной синтаксической роли определяется грамматической природой данной части речи.

Распространённой является точка зрения, согласно которой речь идёт об особом употреблении имени прилагательного, функционирующего в роли наречия. По мнению других, лексемы *net*, *bon* в составе конструкций (*s'arrêter net*, *sentir bon*) являются собственно наречиями, то есть единицами, окончательно перешедшими в другой лексико-грамматический класс слов. Так, например, с точки зрения М. Мамудьяна, в следующих примерах *Il tient bon* и *Le scandale tourne court* лексемы *bon*, *court* являются не прилагательными, а наречиями [21, с. 117].

Некоторые авторы говорят о гибридных словах, обладающих признаками обеих частей речи. Различный подход к определению природы постглагольного компонента отражается на терминологии. Инвентарь терминов, используемых для обозначения данного элемента, необычно широк и разнообразен: *adverbe* (Boer C. de); *adverbe de manière* (Tesnière L.); *adverbe court invariable* (Moignet G.); *adjectif-adverbe* (Rigaud A.);); *adjectif invariable* (Deveau M.), Grundt L.-O.); *adjectif adverbialisé* (Brunot F.; Wagner R.-L. et Pinchon J.); *adjectif neutre* (Grévisse M.); *adjectif employé en fonction adverbial* (Le Bidois G. et R.); *adjectif neutre adverbialisé* (Crista N.) [3, с. 121].

В ряде случаев под адвербиальным прилагательным понимается не только прилагательное, функционирующее в роли обстоятельства, но и наречия, оканчивающиеся на *-ment* [18, с. 55–56], а также лексические единицы типа *ainsi, bien, ensemble, exprès, mal* [17, с. 313]. Учитывая общность значения данных частей речи, тесную связь с определяемым, а также некоторые другие факты, многие исследователи рассматривают обстоятельства образа действия как определение [12, с. 231–250], *épithète du verbe* [20, с. 69]. В работах Б. Потье качественные наречия на *-ment* трактуются как прилагательные, относящиеся к глаголу: *Pierre agit généreusement* [6, с. 596] или «приглагольные прилагательные» [там же, с. 406].

Таким образом, в сочетаниях типа *s'arrêter net, sentir bon* именные компоненты рассматриваются либо как наречия, либо как прилагательные в роли наречия. В связи с этим, основным является вопрос о том, сохраняет ли именной компонент свою грамматическую природу или переходит в разряд наречий.

Исследовательские результаты и их интерпретация

Вопрос об определении грамматического статуса указанных языковых единиц связан со сложной и дискуссионной проблемой взаимодействия частей речи и их взаимоперехода. Чаще всего данное явление определяется в терминах

конверсия или транспозиция. Существуют также и другие наименования, например, несобственная деривация [19, с. 75–79].

Достаточно распространённым считается мнение, согласно которому условием переходности является употребление прилагательного в глагольном словосочетании и функционирование его в роли обстоятельства. Признавая наличие различных этапов перехода лексемы из одной части речи в другую, конечный результат, т. е. смена категориальной принадлежности слова, трактуется рядом учёных как конверсия (А. Дармстетер, К. Ньюроп). Л. Теньер рассматривает синтаксические преобразования первостепенными и достаточными для изменения категориальной принадлежности слова, в связи с чем транспозиция трактуется им не только как процесс, но и как способность, свойственная каждому слову, реализующаяся в процессе речи. Исследователь различает два вида трансляции: маркированную и немаркированную. К первой относится структура *de Pierre*, ко второй – *un ruban orange*, в которой отсутствует морфологический знак выражения транспозиции. Однако для французского языка характерно переплетение морфологических и синтаксических средств плана выражения, в связи с чем маркирующими могут быть как флексии и служебные слова, так и позиция слова и специфика его сочетаемости. Так, свидетельством выполнения прилагательным обстоятельственной функции считается его контактное постпозитивное примыкание к полнозначному глаголу [16, с. 182–183].

С точки зрения других исследователей, функционирование слова в синтаксической роли, которая для него не является характерной, не считается признаком изменения его категориальной принадлежности (V. Broendal), но может являться стимулом перехода в другую часть. Одной из причин данного явления считается тот факт, что изменения на синтаксическом уровне происходят быстрее, чем на морфологическом, проявление первых не всегда влечёт за собой появления вторых [16–17].

Согласно мнению ряда лингвистов, при переходе, представляющем собой сложное и длительное явление, имеет место раздвоение лексической единицы на две, по-разному функционирующие: от лексемы отделяется одна из ее словоформ, существующая в виде функционального варианта [14 с. 81], квалифицируемого в ряде случаев как вторичная форма – трансформа [9, с. 50]. Подобного рода слова рассматриваются как гибридные [2, с. 81], основной чертой которых является полифункциональность. Существовая как единицы языка, данные слова объединяют в себе все потенциально свойственные им значения и функции. В конкретном употреблении они реализуют одно из своих значений, выполняя при этом соответствующую данному значению функцию [1, с. 126]. В отличие от лексически многозначных слов, совмещающих в себе несколько реализующихся в определённом контексте лексических значений, многофункциональные слова совмещают в себе несколько грамматических значений. Систематическое употребление прилагательных в определённой позиции и функции, закрепление в языке нового значения могут привести к утрате данными лексемами их категориальных значений и переходу в другую часть речи, в данном случае – в наречие. Новая языковая единица, возникшая в процессе перехода, трактуется как лексико-синтаксический способ образования.

В связи с этим многие авторы справедливо различают такие понятия как переходность – употребление слова в функции другой части речи и переход – результат данного процесса, связанный с категориальным преобразованием слова [14, с. 80]. В ряде случаев данные явления квалифицируются как неполная (синтаксическая) и полная (парадигматическая) конверсия [13, с. 139], функциональное использование и адвербиализация (полная) конверсия [16, с. 197]. Неоднозначная трактовка анализируемого явления приводит к тому, что авторы относят различные прилагательные к кругу подвергшихся процессу конверсии:

- *travailler dur, parler français, boire frais, payer cher; ça pousse serré; ce veston tombe impeccable* (A. Sauvageot) [6, с. 421].

- *bas, haut, fort, ferme, juste, cher* [16, с. 165].

Согласно мнению исследователей, данный процесс образования нового слова существенным образом отличается от словообразования, которое также иногда трактуется как конверсия. С точки зрения А. И. Смирницкого [11, с. 12–24], словопроизводство (по терминологии автора «конверсия») отличается тем, что основным его средством является сама парадигма слова. Различие между словами *a doctor* и *to doctor* имеет морфологический характер. Данные слова отличаются не только своим значением и синтаксическими функциями, но и формами: *-ed* и *-ing*, в отличие от существительного, имеет только глагол. Совпадающие, таким образом, только внешне, данные языковые единицы различаются по внутреннему содержанию и грамматическим значениям.

В качестве критериев разграничения словообразования и взаимоперехода частей речи (в данном случае – адвербиализации), имеющих общий результат – появление новой языковой единицы, предлагаются следующие:

- а) процесс взаимоперехода прилагательного в наречие связан с общностью их значения в связи тем, что словообразование осуществляется по определённой модели, не имеет семантических ограничений;

- б) основой адвербиализации является полифункциональность, в то время как словообразованию данное явление не свойственно;

- в) в процессе адвербиализации участвует не вся лексема, а лишь один, наиболее близкий к значению наречия лексико-семантический вариант, при словопроизводстве выступает всё слово;

- г) в процессе словопроизводства основным средством создания нового слова является морфологическая парадигма, при адвербиализации – словосочетание, не свойственная для прилагательного дистрибуция [7, с. 19].

Наречие относится к самостоятельным частям речи и характеризуется набором трёх основных характеристик. С семантической точки зрения оно

выражает признак процесса, действия или состояния, признак признака (предикативного или непредикативного). Его основной синтаксической ролью является обстоятельственная. К грамматической особенности относится неизменяемость формы [6, с. 402]. Следует отметить, что наличие степеней сравнения у качественных наречий может рассматриваться как лексико-грамматическая категория [4, с. 20–21]. Исследователями также отмечается отсутствие у данной части речи чётких морфологических признаков, затрудняющих отграничение от других классов слов, производный характер, основанный на переосмыслении других частей речи. Только ограниченные в количественном плане наречия, простые по своей форме, являются унаследованными из латыни: *haut tart, tant, hier* [6, с. 419]. Дамурет и Пишон относят к разряду наречий только качественные наречия (в основном на *-ment*), другие же рассматриваются как служебные слова [6, с. 403].

По способу выражения признака анализируемые единицы могут трактоваться как определительные наречия, выражающие одну из характеристик действия: *parler haut, écrire hâtivement, courir vite, attendre longtemps, comprendre bien*. Сеше трактует их как наречия внутренней характеристики, Балли – как виртуальные наречия. Исходя из природы характеризуемого элемента и обозначаемого признака, указанные качественные наречия образа действия могут относиться к отдельному слову (глаголу, прилагательному и наречию) или характеризовать высказывание в целом. В последнем случае они подразделяются на модальные, связующие и уточняющие.

Первичными функциями наречия являются обстоятельственная, реализуемая в непосредственном примыкании к глаголу (*Il marche lentement*), а также способ выражения интенсивности проявления признака при прилагательном или наречии (*c'est bien difficile, très exactement*). В том случае, если наречие, употреблённое при прилагательном, не выражает идею интенсивности проявления признака, его функция рассматривается как

вторичная, а выражаемые ими значения и отношения трактуются следующим образом: относительное (*les familles économiquement faibles*), причинно-следственное (*une personne naïvement ridicule*), следствие – впечатление (*des vêtements dégoûtalement malpropres*). При нарушении непосредственной связи наречия с глаголом или отнесении к другой части речи, реализуются вторичные связи, например, модальная функция, часто сопровождаемая обособлением. В данном случае наречие относится не только к глаголу, но и ко всему предложению и выступает как вводное модальное слово: *Il l'a fait, effectivement, cinq ans plus tard*. Модальные наречия, относящиеся ко всему предложению или отдельному члену предложения, выражают различные оценки событий с точки зрения говорящего: а) рациональную (действительность, уверенность: *assurément, certainement, effectivement, évidemment, incontestablement*); в) эмоциональную (возможность, неуверенность: *peut-être, apparemment, probablement, vraisemblablement*); необходимость, неизбежность (*fatalement, nécessairement, inmanquablement*); случайность (*par hasard*) [6, с. 404–405, 412–413].

На дистрибутивном уровне данные лексемы характеризуются свободой занимаемой позиции.

Выражая в широком смысле признак субстанции, прилагательное обладает семантическими, морфологическим и синтаксическими характеристиками самостоятельной части речи, подразделяется на два разряда, обозначая качественный или относительный признак. В отличие от наречия, относящегося к сказуемому, прилагательное выражает признак его носителя вне зависимости от синтаксической функции, выполняемой последним. Выступая в функции атрибутивного определения, прилагательное реализует свою первичную функцию. В том случае, если оно употребляется в сочетании со связочным глаголом (*Cette feuille est verte*), т. е. выражает предикативный признак, его функция трактуется как первичная или вторичная. Сторонники первой точки зрения основываются на логико-семантической подходе, в

соответствии с которым предикативный признак является первичным. Ко вторичным функциям относят использование прилагательного в сочетании с полнозначным глаголом (*Il est parti malade*) и в роли обособленного определения. В предложении *Le paysant répondit, calme et têtu* прилагательные трактуются как обстоятельство образа действия и приравняются к наречию образа действия; во фразе *Le bonhomme, honteux, battait en retraite* (= *comme il était honteux*) – как обстоятельство сопутствующего действия [6, с. 217].

Возможность употребления прилагательных в функции наречия (*travailler ferme*) объясняется принадлежностью данных частей речи к категории признаков слов, т. е. общностью выражаемого ими значения. Их отличительными особенностями считаются следующие: частотность употребления в языке (Le Bidois); преобладающая односложность, образование с глаголом единого целого и, соответственно, одной ритмической группы (Nyrop), отнесённость семантики прилагательного к одному из компонентов значения глагола (Damourette et Pinchon) [3, с. 23].

К процессам, способствующим процессу адвербиализации, относят следующие:

а) Позиция после глагола, обеспечивающая сходство функций, различающихся наличием согласования прилагательного с носителем признака (*Le malade dort tranquille / les maladies dorment tranquilles*) или его отсутствием (*La pluie tombe dru*), указывающим на адвербиализацию.

в) Эллипсис дополнения и отсутствие согласования, превращающие слово в наречие и способствующие более обобщённому представлению признака. Например: *manger les plats froids/ manger froid. voter pour un candidat socialiste / voter socialiste* [6, с. 421–422].

с) Функциональная и смысловая близость постглагольного компонента в сочетаниях типа *parler bas* с прилагательным, выполняющим различные синтаксические функции, в которых связь признака с носителем осуществляется через глагол: *c'est clair, je le trouve dur, elle montait très raide*.

d) Наличие в языке глаголов неполной предикации, для которых не свойственно употребление в абсолютной позиции, в связи с чем они используются в речи только в сочетании с другими словами, в данном случае с прилагательными, например: *sentir (sentir bon, mauvais)*, *se sentir (se sentir jeune, fatigué)*, *se révéler (se révéler faux, clair)*, *valoir (valoir cher, bon marché, lourd)*. В связи с отсутствием у данных глаголов абсолютной позиции, правосторонняя валентность, как и для собственно переходных глаголов, является обязательной. Указанное явление свидетельствует о тесной взаимосвязи семантических и синтаксических свойств глагола, а также о взаимодействии смысловых и грамматических процессов, происходящих в языке. Наличие глаголов указанного типа, также как и многозначных, является причиной образования во французском языке фразеологизмов и аналитических глагольных коррелятов [16, с. 196, 198].

Существенное влияние на вовлечение прилагательных в глагольные сочетания оказывают также процессы, протекающие в самом разряде наречий, а именно, развитие, как говорилось выше, полифункциональности у наречий образа действия и специализация значения некоторых из них в составе глагольного сочетания. Наряду с выражением основного значения (признака действия), наречия на *-ment* способны выражать количественный или качественный признак признака и выступать, соответственно, в роли интенсификатора. Указанный факт свидетельствует об ослаблении их семантики. Приобретаемое абстрактное (грамматизирующееся) значение проявляется, например, в следующих сочетаниях: *aimer rudement (=beaucoup)*, *changer terriblement*. Вместе с тем, ряд наречий, как говорилось выше, получает модальное значение, лишаящее его непосредственной связи с глаголом и обеспечивающее отнесённость ко всему предложению (*justement, vraiment, franchement*). Такого рода «полифункциональность способствует ослаблению сочетательных связей с глаголом для выражения обстоятельственных отношений» [16, с. 197].

Одним их значимых факторов считается также различные возможности сочетаемости прилагательного и наречия на *-ment* с глаголом.

Распространённой является точка зрения, согласно которой безаффиксальная лексема используется в своём прямом значении, наречие – в переносном, относящемся к моральной сфере»: *parler fort* – говорить громко (физическая характеристика) / *parler fortement* (говорить убеждённо); *chanter faux* (говорить неправильно) – *accuser fausement* – моральный аспект [16, с. 422], *parler bas* – говорить тихо, *parler bassement* – низко, подло; *parler clair* – говорить резко, *parler clairement* – говорить понятно.

Приобретение такими наречиями, как *bassement*, *hautement*, моральной характеристики объясняется сужением их значения, ограничивающего сочетаемость с глаголами соответствующей семантики, что и способствует закреплению за соответствующими именными лексемами выражения физической характеристики: *parler (placer) haut*, *chanter (placer) bas* [16, с. 198].

Как отмечают исследователи, указанная тенденция не является общей закономерностью, доказательством чего могут служить значения прилагательного и соответствующего ему наречия на *-ment*: *parler net* – психологическая характеристика, *parler nettement* – физическая [8, с. 74–75].

Использование прилагательных *vrai*, *juste* (*dire vrai*, *voir juste*) связано, как говорилось выше, с приобретением соответствующими наречиями на *-ment* (*justement*, *vraiment*, *franchement*) модального значения [16, с. 197].

В следующих сочетаниях постглагольный компонент выражает результат действия: *voter utile* (голосовать с пользой), *pédaler terrible* (нажимать на педали из всех сил) [6, с. 422].

Значения, выраженные адвербиальными прилагательными и особенности их семантики, являются более сложными и не всегда могут быть однозначно определены. Данный факт проявляется, например, в использовании цветообозначений, занимающих особое место среди прилагательных, функционирующих в глагольном сочетании, характеризующихся

фразеологической активностью, отражающих специфику национального менталитета, обусловленную особенностями восприятия цветообразования в каждом конкретном лингвистическом сообществе. Употреблённые в функции наречия, данные прилагательные меняют своё значение в зависимости от семантики сочетающегося с ними глагола. Так, например, в сочетаниях *voir rouge*, *voir noir*, *regarder noir* прилагательные не обозначают цветовой признак, употребляются в переносном значении и выражают психологическую характеристику. Данный способ функционирования характеризуется широким распространением и отражает символику цвета. Так, прилагательное *blanc* в глагольных сочетаниях *chauffer à blanc* (накалить до бела), *saigner à blanc* (обескровить), *cracher à blanc* (изнывать от жажды) теряет своё буквальное значение и метафорически передает идею безрезультатности, привативности, т. е. отсутствия чего-либо.

Указанное явление объясняется фразеологической активностью данного прилагательного в переносном значении «пустой», «с отсутствием чего-либо», например, *nuit blanche* (бессонная ночь), *coup blanc* (холостой выстрел), *arme blanche* (холодное оружие, т. е. действующее без огня). Данный факт касается и специфики семантики прилагательного *rouge* во фразеологизмах *se fâcher tout rouge*, *voir tout rouge*, которые выступают в качестве показателей интенсивности, способа выражения высшей степени проявления «какого-либо качества или явления». В ряде случаев объяснение семантической трансформации прилагательного, обозначающего конкретный цвет, не представляется возможным, как, например, во фразеологизмах *en voir de bleus / de vertes / de grises / de toutes les couleurs* (всего насмотреться, хлебнуть горя, попасть в переделку). Указанное выше свидетельствует о том, что для выражения интенсивности действия, конкретный цвет не является релевантным [5, с. 198–201].

Круг глаголов, используемых в сочетании с именными лексемами, значительно расширяется. Например, лексема *clair* сочетается не только с

глаголом *voir*, но и с другими глаголами различной семантической направленности: *sonner*, *parler*, *se révéler*. Прилагательное *net*, функционирующее изначально с глаголами, обозначающими перерыв в действии (в отличие от соответствующего наречия на *-ment*), сочетается и с глаголами говорения (*dire/parler net*), восприятия (*voir net*), мыслительной деятельности (*penser net*) [16, с. 198].

Распространению данного рода прилагательных способствует присущая им полисемия, не характерная для большинства наречий на *-ment*, способствующая сужению сочетаемости с глаголами, в связи с чем их позиции занимают безаффиксальные лексемы. Так, по аналогии с *boire sec* (много пить), в сочетаниях с глаголами *claquer*, *taper*, *démarrer*, *parler* данный именной компонент передаёт идею резко произведённого действия. Соответствующее наречие на *-ment* (*écrire*, *peindre sèchement*) функционируют в переносном значении. Данная специфика касается и наречий *durement*, *raidement*, *platement* [16, с. 199]. Прилагательное *dur*, например, употребляется в большинстве случаев с глаголами движения, *durement* – речи.

Исходя из сказанного, различия в семантике анализируемых единиц часто приводят к невозможности их функционирования и взаимозамены в одном и том же контексте [22, с. 84]. Данной чертой обладают, в том числе, следующие пары: *bon/ bonnement*; *double/doublement*; *sec/sèchement*; *gros/grossement*; *total/ totalement*; *bas/basement*; *chaud/chaudement*. В ряде случаев допускается только односторонняя замена: наречия на *-ment* могут быть заменены на прилагательные, обратные же изменения не допускаются: *profond/profondement*; *franc/frachement*; *facile/facilement*. Некоторые пары, наоборот, обнаруживают общие контексты, например, *long/longuement*; *large/largement*; *doux/doucement*; *cher/cherement*.

Возможность или невозможность указанных процессов зависит не только от различий семантического характера, но и от различной степени связанности компонентов (*manger bon*, *couper court*). В ряде случаев данное явление

обусловлено отсутствием соответствующего наречия на *-ment*: *sonner creux, voir rouge*.

Одним из отличительных признаков прилагательных указанного и соответствующих наречия являются условия их употребления в качестве однородных членов предложения [10, с. 152–154]. Для наречий на *-ment* данные возможности не ограничены, адвербиальные же прилагательные имеют существенные ограничения, что ещё раз доказывает грамматическую природу их обстоятельственной функции. Указанная синтаксическая роль характерна, в основном, для прилагательных, характеризующихся меньшей степенью связанности с глаголом.

В отличие от наречий на *-ment*, для которых данные возможности не являются ограниченными, адвербиальные прилагательные обладают существенными ограничениями, что объясняется и доказывается функциональной природой их обстоятельственной синтаксической роли. В указанной функции употребляются, в основном, прилагательные, характеризующихся меньшей степенью связанности с глаголом.

Kurt lui parlait faux et grossièrement [23, с. 77].

Более типичной является связь с однородными наречиями типа *mal, bien, peu, fort*: *respirer fort et large; faire bien et court*.

Je sais bien que la première des qualités, celles de faire bien et court, marquera à mon étude [24, с. 9].

Чаще всего при одном глаголе используются только безаффиксальные формы прилагательные: *parler franc et clair; sonner creux et faux; déclarer haut et court; trotter dru et menu; jouer large et franc; écrire clair et direct; tomber dru et menu*.

Высокая степень связи указанных единиц с глаголом ограничивает их употребление в сочетании с однородными сказуемыми. Данный факт касается, прежде всего, прилагательных, функционирующих в составе фразеологических единиц.

Для наречия указанный признак релевантным не является:

Les bouches s'ouvraient et se fermaient sans cesse, avalaient, mastiquaient, engloutissaient férocement (G. de Maupassant, 36).

Заключение

Проведённый анализ подтверждает актуальность изучаемого языкового явления для современного французского. Расширение сферы распространения прилагательных в обстоятельственной функции объясняется различными причинами: общностью значения с соответствующими наречиями на *-ment*, использованием в различного рода конструкциях с глаголом, семантическими изменениями, происходящими в классе указанных наречий, использованием последних в модальном значении, в качестве интенсификаторов, ограничивающих их функционирование в глагольном сочетании, позиции которых занимают безаффиксальными компонентами.

Специфика значений компонентов указанных глагольных сочетаний, оказывает влияние на возможности их сочетаемости с глаголом, функционирование в одних и тех же контекстах, степень семантической и синтаксической самостоятельности. В связи с чем спектр использования именных компонентов остаётся достаточно широким: ряд из них функционирует в составе фразеологических единиц, другие характеризуются свободной сочетаемостью с глаголами соответствующей семантики, что является основанием для ряда исследователей включать прилагательные в грамматический класс наречий. Данный факт объясняет неоднозначность трактовки анализируемого явления, отражающуюся на терминологическом разнообразии.

Список литературы:

1. Аничков И. Е. Можно ли считать проблему частей речи решённой // Вопросы теории частей речи (на материале языков различных типов. Л.: 1968. С. 116–128.

2. Бабайцева В., Максимов Л. Синтаксис. Пунктуация. М.: 1984. 142 с.
3. Бобровская И. А. Структурно-семантические типы сочетания глагол + прилагательное в современном французском языке: дис. ... канд. филол. наук. М.: 1987. 186 с.
4. Васильева Н. М., Пицкова Л. В. Французский язык. Теоретическая грамматика. Морфология. Синтаксис. Ускоренный курс. М.: Лист Нью. 2004. 416 с.
5. Гак В. Г. Сопоставительная лексикология (на материале французского и русского языков). М.: «Междунар. отношения». 1977. 264 с.
6. Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. М.: Добросвет, 2000. 832 с.
7. Козлова Л. А. О различных подходах к проблеме взаимодействия классов слов. Пятигорск: ПЛУ, 1974. С. 13–27.
8. Кияткина К. Н. Контекстуальные условия функционирования синонимии прилагательных и наречий // Реализация значения и контекст. Л.: 1975. С. 71–75.
9. Лукин М. Ф. Критерии перехода частей речи в современном французском языке // Научные доклады высшей школы; Филолог. науки. 1986. № 3. С. 239–246.
10. Попова Н. В. Адвербиальные слова в системе неизменяемых частей речи: дис. ... канд. филол. наук. М.: 1980. 194 с.
11. Смирницкий А. И. По поводу конверсии в английском языке // ИЯШ. 1954. № 3. С. 12–24.
12. Смирницкий А. И. Синтаксис английского языка. М.: 1957. 236 с.
13. Степанов Ю. С., Синтаксическая конверсия во французском языке // Вопросы филологии. М.: 1962. С. 139–144.
14. Тихомирова Т. С. К вопросу о переходности частей речи // Научные доклады высш. школы. Филол. науки. 1973. № 5. С. 78–87.

15. Френкель И. А. Критерии разграничения адverbиального прилагательного и наречия // Актуальные вопросы лингвистики, литературоведения и методики: материалы научно-практической конференции. Астрахань: Астраханский государственный университет, Издательский дом «Астраханский университет», 2018. С. 22–26.

16. Шигаревская Н. А. Очерки по синтаксису современной французской разговорной речи. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1970. 216 с.

17. Crista T. Cours de syntaxe. Bucarest: 1971. 369 p.

18. Dubois J. Grammaire structurale du français. Le verbe. Paris, 1967. 218 p.

19. Grévisse M. Le bon usage. Grammaire française avec des Remarques sur la langue française d'aujourd'hui. Paris: 1980. 1518 p.

20. Golay J. P. Le complément de manière est-il complément de circonstance // Le Français moderne. Paris: 1959. № 1. P. 65–71.

21. Mahmoudian M. Pour enseigner le français: Présentation fonctionnelle de la langue. Paris: 1976. 428 p.

22. Vasilescu L. L'adjectif adverbialisé en français contemporain // Revue roumaine de linguistique. 1973. T. XVIII, № 1–2. P. 79–91.

Список источников примеров:

23. Sagan F. Lit lit défait. Paris: 1977. 299 p.

24. Sand G. François le Champs, La Petite Fadette. M.: 1978. 431 p.

References:

1. Anichkov I. E. Mozhno li schitat` problemu chastej rechi reshyyonnoj // Voprosy` teorii chastej rechi (na materiale yazy`kov razlichny`x tipov. L.: 1968. S. 116–128.

2. Babajceva V., Maksimov L. Sintaksis. Punktuaciya. M.: 1984. 142 s.

3. Bobrovskaya I. A. Strukturno-semanticheskie tipy` sochetaniya glagol + prilagatel`noe v sovremennom francuzskom yazy`ke: dis. ... kand. filol. nauk. M.: 1987. 186 s.

4. Vasil`eva N. M., Piczkova L. V. Franczuzskij yazy`k. Teoreticheskaya grammatika. Morfologiya. Sintaksis. Uskorenny`j kurs. M.: List N`yu. 2004. 416 s.
5. Gak V. G. Sopostavitel`naya leksikologiya (na materiale franczuzskogo i russkogo yazy`kov). M.: «Mezhdunar. otnosheniya». 1977. 264 s.
6. Gak V. G. Teoreticheskaya grammatika franczuzskogo yazy`ka. M.: Dobrosvet, 2000. 832 s.
7. Kozlova L. A. O razlichny`x podxodax k probleme vzaimodejstviya klassov slov. Pyatigorsk: PLU, 1974. S. 13–27.
8. Kiyatkina K. N. Kontekstual`ny`e usloviya funkcionirovaniya sinonimii prilagatel`ny`x i narechij // Realizaciya znacheniya i kontekst. L.: 1975. S. 71–75.
9. Lukin M. F. Kriterii perexoda chastej rechi v sovremennom franczuzskom yazy`ke // Nauchny`e doklady` vy`sshej shkoly`; Filolog. nauki. 1986. № 3. S. 239–246.
10. Popova N. V. Adverbial`ny`e slova s sisteme neizmenyaemy`x chastej rechi: dis. ... kand. filol. nauk. M.: 1980. 194 s.
11. Smirniczkij A. I. Po povodu konversii v anglijskom yazy`ke // IYaSh. 1954. № 3. S. 12–24.
12. Smirniczkij A. I. Sintaksis anglijskogo yazy`ka. M.: 1957. 236 s.
13. Stepanov Yu. S., Sintaksicheskaya konversiya vo franczuzskom yazy`ke // Voprosy` filologii. M.: 1962. S. 139–144.
14. Tixomirova T. S. K voprosu o perexodnosti chastej rechi // Nauchny`e doklady` vy`ssh. shkoly`. Filol. nauki. 1973. № 5. S. 78–87.
15. Frenkel` I. A. Kriterii razgranicheniya adverbial`nogo prilagatel`nogo i narechiya // Aktual`ny`e voprosy` lingvistiki, literaturovedeniya i metodiki: materialy` nauchno-prakticheskoy konferencii. Astraxan`: Astraxanskij gosudarstvenny`j universitet, Izdatel`skij dom «Astraxanskij universitet», 2018. S. 22–26.

16. Shigarevskaya N. A. Ocherki po sintaksisu sovremennoj franczuzskoj razgovornoj rechi. L.: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1970. 216 s.
 17. Crista T. Cours de syntaxe. Bucurest: 1971. 369 p.
 18. Dubois J. Grammaire structurale du français. Le verbe. Paris, 1967. 218 p.
 19. Grévisse M. Le bon usage. Grammaire française avec des Remarques sur la langue française d'aujourd'hui. Paris: 1980. 1518 p.
 20. Golay J. P. Le complément de manière est-il complément de circonstance // Le Français moderne. Paris: 1959. № 1. P. 65–71.
 21. Mahmoudian M. Pour enseigner le français: Présentation fonctionnelle de la langue. Paris: 1976. 428 p.
 22. Vasilescu L. L'adjectif adverbialisé en français contemporain // Revue roumaine de linguistique. 1973. T. XVIII, № 1–2. P. 79–91.
- Spisok istochnikov primerov:
23. Sagan F. Lit lit défait. Paris: 1977. 299 p.
 24. Sand G. François le Champs, La Petite Fadette. M.: 1978. 431 p.

Информация об авторе:

И. А. Френкель – кандидат филологических наук, доцент, Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева

Information about the author:

I. A. Frenkel – Ph.D. (Philology), Associate Professor, Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.03.2025; одобрена после рецензирования 12.04.2025; принята к публикации 10.06.2025.

The article was published 15.03.2025; approved after reviewing 12.04.2025; accepted for publication 10.06.2025.

СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ (ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Научная статья

УДК 81-114.4

Алексей Владимирович Малюжинский

Волгоградский государственный социально-педагогический университет,
Волгоград, Россия

lionm444@gmail.com

КОНЦЕПТ «ПОЛИТИКА»: ОБРАЗНЫЙ И ОЦЕНОЧНЫЙ АСПЕКТЫ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, АНГЛИЙСКОГО И ИСПАНСКОГО ЯЗЫКОВ)

Аннотация. В статье рассматриваются образный и оценочный аспекты концепта *политика*, их роль в формировании языковой картины мира и отражение в языковом сознании носителей русской, английской и испанской лингвокультур. Материалом служат оригинальные тексты, взятые из корпусов русского, английского и испанского языков. Материал отбирался методом сплошной выборки и был проанализирован с помощью методов контекстуального анализа, а также использовались элементы метода сопоставительного анализа. Образный компонент концепта *политика* анализируется с точки зрения сочетаний с глаголами, обозначающими действия, а также с прилагательными, определяющими его характеристики. Оценочный аспект рассматривается с точки зрения контекстного употребления лексемы и согласно материалу словаря ассоциаций. Выявлены ключевые концептуальные метафоры, связанные с политикой, такие как «политика как игра», «политика как путь», «политика как рынок», «политика как семья» и

«политика как война», «политика как проект», «политика как искусство», позволяющие глубже понять когнитивные механизмы, лежащие в основе восприятия политики носителями различных языков. В статье отмечаются межъязыковые различия в употреблении лексем, относящихся к политике, обусловленные культурными и историческими особенностями. Выявлены уникальные для определённых языков выражения, отражающие специфическое восприятие политики в рамках той или иной лингвокультуры. Проведённый анализ подчёркивает важность изучения образного и оценочного аспектов концептов для понимания их роли в концептуализации действительности. Результаты исследования могут быть полезны для теории и практики ряда лингвистических парадигм, когнитивных наук, политологии и межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: картина мира, когнитивная метафора, концепт, образный аспект, оценочный аспект, политика, сема

Для цитирования: Малюжинский А. В. Концепт «политика»: образный и оценочный аспекты (на материале русского, английского и испанского языков) // Евразийский филологический вестник. 2025. Вып. 2 (10). С. 87–103.

COMPARATIVE STUDIES (PHILOLOGICAL SCIENCES)

Original article

UDC 81-114.4

Alexey V. Malyuzhinsky

Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia

lionm444@gmail.com

THE CONCEPT OF «POLITICS»: FIGURATIVE AND EVALUATIVE ASPECTS (BASED ON THE MATERIAL OF RUSSIAN, ENGLISH AND SPANISH)

Abstract. The article examines the figurative and evaluative aspects of the concept of politics, their role in shaping the linguistic picture of the world and their reflection in the linguistic consciousness of speakers of Russian, English and Spanish linguistic cultures. The material is original texts taken from the corpus of Russian, English and Spanish languages. The material was selected by continuous sampling and analyzed by contextual and semiotic analysis, as well as by comparative analysis. The figurative component of the concept of politics is analyzed in terms of combinations with verbs denoting actions, as well as with adjectives defining its characteristics. The evaluative aspect is considered from the point of view of the contextual use of the lexeme and according to the material of the dictionary of associations. Key metaphors related to politics are also identified, such as «politics as a game», «politics as a path», «politics as a market», «politics as a family» and «politics as a war», «politics as a project», «politics as art». These metaphors provide a deeper understanding of the cognitive mechanisms underlying the perception of politics by native speakers of various languages. The article also notes interlanguage differences in the use of lexemes related to politics, due to cultural and historical features. Expressions unique to certain languages have been identified, reflecting a specific perception of politics within a particular linguistic culture. The analysis highlights the importance of studying the figurative and evaluative aspects of concepts in order to understand their role in conceptualizing reality. The results of the research can be useful in the field of linguistics, cognitive sciences, political science and intercultural communication.

Keywords: worldview, cognitive metaphor, concept, figurative aspect, evaluative aspect, politics, sema

For citation: Malyuzhinsky A. V. The concept of «politics»: figurative and evaluative aspects (based on the material of russian, english and spanish) // Eurasian Philological Bulletin. 2025; 2 (10): 87–103. (In Russ.).

Введение

Образный и оценочный аспекты являются важной составляющей концептов, поскольку отражают представление о них в сознании человека и выражают отношения к ним.

В. И. Карасик, рассматривая концепт как многогранное смысловое образование, выделяет в его структуре ценностный, образный и понятийный компоненты. Образная сторона концепта представляет собой целостное обобщённое восприятие, хранящееся в памяти и связанное с конкретным предметом, явлением, событием или качеством [4, с. 19].

В рамках новой научной дисциплины – лингвокогнитологии – В. И. Карасик и другие исследователи, такие как В. А. Маслова, Г. Г. Слышкин, С. Г. Воркачев, определяют концепт как лингвокультурное явление, которое является семантическим образованием, отражающим специфические особенности языка и культуры и характеризующим носителей определённой этнической культуры, т. е. отражающим этническое мировидение, формируя языковую картину мира данной культуры [5, с. 71].

Картину мира в настоящем исследовании определяем, вслед за А. А. Зализняком, как исторически сложившуюся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отражённую в языке совокупность представлений о мире, определённый способ восприятия и устройства мира, концептуализации действительности [3, с. 9].

Образный компонент в структуре концепта состоит из перцептивного образа, являющегося результатом отражения им окружающей действительности при помощи органов чувств, и когнитивного (метафорического) образа, являющегося результатом метафорического

осмысления действительности. Когнитивный образ определяет абстрактные понятия, к которым мы можем отнести политику [5, с. 73].

Оценочный компонент концепта отражает ценности общества или группы людей, которые выражаются языком и актуализируются в языковом сознании каждого человека или коллектива, формируя языковую картину мира определённого общества.

Таким образом, понимание образного и оценочного составляющих концепта играет ключевую роль в изучении концептов различных типов, поэтому анализ места и роли концепта *политика* является актуальной задачей в науке, поскольку даёт глубинное понимание восприятия народом-носителем языка *политики* как явления.

Исследовательские результаты и их интерпретация

Выражение абстрактных идей возможно только через связь с конкретными предметами и образами. Метафоры, метонимии и конкретные ассоциации создают ассоциативный образ абстрактного понятия. Исследуя сочетания абстрактных существительных с физическими действиями, описательными прилагательными и материальными объектами, можно сформировать конкретный образ абстрактной концепции [1, с. 61].

Анализируя образную составляющую концепта, мы считаем целесообразным, в первую очередь, обратиться к контекстам, в которых он употребляется, поскольку, согласно К. С. Добрыниной, тексты отражают непосредственную мысль, выраженную через язык, предоставляя наиболее точную картину употребления слов и понятий [2, с. 258].

Рассмотрим сочетания абстрактного понятия *политика* с глаголами, обозначающими эмпирически воспринимаемое действие. Предикат в данном случае эксплицирован и позволяет раскрыть гештальт (скрытый образ) исследуемого нами абстрактного концепта.

Приведём примеры с глаголами:

- с семей «вести»: *Вести, проводить, направлять, придерживаться / Follow, maintain, lead, keep / Implementar, aplicar, mantener, dirigir, destinar, llevar, orientar.*

- с семей «говорить»: *критиковать, обсуждать, рассуждать, провозгласить, диктовать / talk, discuss, dictate, debate, criticize, say, speak / debatir, discutir, criticar, anunciar.*

- с семей «думать»: *считать, понимать, продумать, смыслить / know, understand, think, define / entender, definir, analizar.*

- с семей «влиять»: *Влиять, вмешиваться, изменить, поддерживать, руководить, лезть / influence, intervene, interfere, reshape, pursue, connect, divide / cambiar, influir, establecer, intervenir.*

- с семей «увлекаться»: *интересоваться, разбираться, участвовать, / participate, engage, practice, devote / participar.*

- с семей «строить»: *строить, формировать, основать / shape, base / basar, diseñar [7, 9, 10].*

Проведя анализ наиболее частотных глаголов, употребляемых со словом *политика*, мы пришли к выводу, что *политика* может иметь

- Направление: *Сегодня государственная политика направлена на поддержку инклюзивного социального развития.* (О. Н. Вершинская. Письмо и чтение на бумаге и на экране // «Информационное общество», 2015) [7].

- Форму: *Формируя новую экономическую политику (НЭП), советское правительство приняло закон о гарантиях вкладов в государственных банках* (Александр Ивантер, Владимир Мау. Качественный рост с опорой на институты // «Эксперт», 2014) [7].

- Рамки / границы: *Реализуя свою долгосрочную политику в рамках законотворческой деятельности, компания может повлиять на дальнейшее развитие, как всей отрасли информационных технологий, так и отдельных её сегментов.* (М. С. Соколов. Понятие и характеристика угроз системе

регулирования информационных отношений // «Информационное общество», 2011) [7].

- Основу / фундамент: *Он отказался от метода реализации кубинского направления внешней политики, основанного на давлении* (Повестка дня // «Эксперт», 2015) [7].

Она может выступать как:

- Путь: *После окончания первой карабахской войны в начале 1990-х гг. внешняя политика Ирана на этом направлении во многом шла в фарватере политики России* (Ирано-турецкая карабахская война // Ведомости, 2020.11.17) [7].

- Предмет анализа или спора: *Можно сколько угодно спорить из-за политики, но государство должно жить* (В Киргизии участвовали премьеры // Коммерсант, 08.10.2020) [7].

- Увлечение: *Отец интересовался историей и политикой, маме нравилось искусство, но я бы не сказала, что она хорошо в нём разбиралась», – продолжала Глюк* (Нобелевская вершина Луизы Глюк // Ведомости, 2020.10.09) [7].

- Профессиональная деятельность: *Но основные доходы сосредоточены в богатых регионах, а чтобы дать жителям всех субъектов Федерации равные возможности, нужно заниматься региональной политикой и выравнивать бюджетную обеспеченность регионов, отметил депутат* (Макаров предложил совершенствовать межбюджетную политику // Парламентская газета, 2021.05.12) [7].

Важно подчеркнуть, что во всех рассматриваемых нами языках эти семы повторяются. Безусловно, есть ряд глагольных единиц, которые в одном языке являются более употребимыми, чем в другом, однако они принадлежат одной семантической группе и отличаются в большей степени коннотацией. При этом есть ряд уникальных для рассматриваемых языков единиц, например, в английском в список наиболее употребляемых слов входят *avoid*, *ignore* и

прочие с похожей семантикой избегания чего-либо. Также лексемы, означающие разделение: *polarize* и *devide*. На наш взгляд, эти различия носят внеязыковой характер и имеют место в связи с политической традицией США (двухпартийной системой).

Далее обратимся к словосочетаниям с прилагательными, анализ которых позволяет выделить отличительные характеристики и типы образа.

- с семой «сфера общественной жизни»: *Экономический, социальный, аграрный, жилищный* / *Judicial, cultural, military* / *Juridica, económica, military, cultural*.
- с семой «масштаб»: *Региональный, мировой* / *National, international, local, global Exterior, nacional, mundial*.
- с семой «национальность»: *английский, американский, русский* / *American, British, French* / *Española, Argentina, norteamericana*.
- с семой «качество»: *Эффективный, неэффективный, правильный* / *Practical, good* / *Falsa, efectiva, eficaz, buena*.
- с семой «политическое течение»: *большевистский, либеральный, империалистический* / *right-wing, left-wing, liberal, imperial* / *nacionalista, sociolista*.
- с семой «время»: *новый, старый, текущий* / *Contemporary, old-fashioned* / *Nueva, actual* [7, 9–10].

Важно отметить, что политика может быть связана с именами конкретных людей или партий. При таком рассмотрении проявляются лингвокультурные отличия, поскольку в разных культурах имеются разные прецедентные имена или феномены, которые характерны именно для политической жизни носителей данного языка. Например, в русском языке выделяют ленинскую и сталинскую политики: *Утопическая ленинская политика в отношении семьи и брака пережила своего создателя, однако пала под напором общественного мнения* (Михаил Карпов. Конец утопии // lenta.ru, 16.12.2016) [7]. Самая отличительная в таком контексте особенность

альбома – это очень свойственное сталинской культурной политике решение *Shortparis* пожертвовать индивидуализмом ради коллективной цели, а именно – лишить звук «Так закалялась сталь» любых намёков на мастерство отдельных музыкантов (Олег Соболев. Отвечай за слова // lenta.ru, 13.11.2019) [7]. Во всех языках наблюдаются прилагательные коммунистический, фашистский и либеральный, которые являются обозначениями наиболее знаковых политических течений последнего столетия.

Необходимо также подчеркнуть, что во всех рассматриваемых нами языках эти семы повторяются. Однако, есть также уникальные для определённой лингвокультуры прилагательные. Например, в корпусе английского языка встречаются лексемы *racial*, *feminist*, а в русском корпусе статистика их употребления незначительна, и они не входят в сотню самых употребимых. Очевидно, на это оказывают влияние экстралингвистические факторы: история страны и её развитие.

При рассмотрении образного аспекта концепта важно также обратиться к основным когнитивным метафорам, связанным с этим концептом. Когнитивная метафора – это метафора, которая отражает специфику человеческого мышления и познания, возникая не столько как риторическое средство украшения речи, сколько как результат сопоставления непознанного с познанным, и служит цели категоризации предметов и явлений окружающего мира [6, с. 4]. Таким образом, знание и понимание сути когнитивных метафор даёт нам, во-первых, обобщённый субъективный опыт взаимодействия с некоторым явлением, а во-вторых, представление о его характерных свойствах наиболее существенных как для конкретного носителя языковой картины мира, так и всех носителей в целом.

Известно, что в научной литературе выделяют следующие пять основных метафор, соотносимых с концептом «политика»:

1. Политика как игра. Данная метафора подразумевает, что политические действия рассматриваются как соревнование, в котором участники (политики,

партии) «играют» друг с другом, чтобы выиграть выборы или достичь своих целей. Например:

Министр отметил, что необходимо новое общее с США понимание глобальных «правил игры» в вопросах политики, борьбы с коронавирусом и климатическими изменениями (В Байдене увидели больше дружелюбия к Европе // Lenta.ru, 25.12.2020) [7].

This is quite a game, politics. There are no permanent enemies, and no permanent friends, only permanent interests. (William Clay // Forbes Quotes) [10].

¿Quién quiere la democracia, pudiendo jugar a la política? (¿Quién quiere la democracia, pudiendo jugar a la política? // El País, 31.05.2023) [9].

2. Политика как путешествие или путь. В данном случае политика рассматривается как путь, по которому проходят политики и избиратели, чтобы достичь определённых целей или мест.

Нужно идти по пути единой государственной политики (Подростков предлагают объединить в новую пионерию // Парламентская газета, 2021.12.20) [7].

By now a political path was opening up. (Can Nicola Sturgeon deliver Scottish independence // BBC News, 20.11.2019) [10].

Financiación 100 % estatal, listas cerradas y autonomía en la autoridad electoral: el difícil camino de la reforma política de Petro en el Congreso (Financiación 100 estatal listas cerradas y autonomía en la-autoridad electoral el difícil camino de la reforma política de Petro en el Congreso // El País, 29.09.2024) [9].

3. Политика как рыночные отношения. В этой метафоре политика рассматривается как рынок, где различные партии и интересы «торгуются», чтобы достичь соглашений или прийти к компромиссу. Например:

В странах Латинской Америки (например, в Аргентине) применение этой технологии скрывало закулисную сделку лидеров соперничающих политических партий, в Южной Африке – существование некоего внешнего арбитра

(Конституционного суда), легитимность которого основывалась не в последнюю очередь на международной поддержке. (А. Н. Медушевский. Политические сочинения (2015)) [7].

A new product was needed in the political market. (Is Silvio Berlusconi a medieval throwback to a time when rich men could buy power? Or the shape of things to come? And is he dangerous – or just a colourful rogue? In the second of his weekly dispatches from Europe, Joe Klein meets the billionaire prime minister who just wants to be loved // The Guardian, 06.07.2002) [10].

...Eres lo que compartes La política es un negocio duro, con muchos años de tradición a sus espaldas y en [9].

4. Политика как семья или команда. В данном контексте политика воспринимается как родственная система, где политики, партии или граждане действуют как члены семьи, полагаясь друг на друга и разделяя ответственность [6, с. 277]. Например:

Ранее Лукашенко заявил, что его и Путина «намертво загнали» в одну политическую команду. (Лукашенко назвал Путина своим другом // Ведомости, 2021.01.06) [7].

Our liberal political family has lost one of its most admired advocates. (Charles Kennedy's family listens to Commons tributes // The Guardian, 03.06.2015) [10].

... diversidad de posiciones diferentes que se registran incluso entre quienes adhieren a una misma familia política tiene que ver con el carácter irreductiblemente incierto de estas decisiones, consecuencia de que... [9].

5. Политика как война. В этой метафоре политические события и конфликты воспринимаются как сражения, где стороны конфликтуют и борются за доминирование или ресурсы [6, с. 269]. Например:

«Те, кто занимается этим в США, занимаются внутренней политикой, воюют со своим президентом», – сказал Путин (Елена Егорова. Путин выразил

обиду на «кремлёвский список» США двумя словами // Московский комсомолец, 30.01.2018) [7].

The political strife may even keep racism in check, Puri believes (East of the divide // The Guardian, 12.09.2001) [10].

Buena parte de la crisis se debe a la lucha entre Arce y Morales por el futuro del MAS antes de las elecciones generales de 2025. (La lucha política entre Luis Arce y Evo Morales paraliza al gobierno y alimenta el malestar social en Bolivia // La Nacion, 23.06.2024) [9].

При анализе языкового материала нами также выделены ещё три метафоры, повторяющиеся во всех трёх языках:

6. Политика как строительство или проект. В этой метафоре политика рассматривается как постройка или проект строительства, что подчёркивает её комплексный и масштабный характер, а также выделяет характеристику поступательности в её проведении.

Мы не можем и не должны строить свою политику, исходя из минимального преимущества и, тем самым, провоцируя кого бы то ни было померяться с нами силами» (Вашингтонское эхо Фултонской речи // Парламентская газета, 03.05.2021) [7].

Saddam Hussein built his politics around negating America, Iran and Israel. (A Nobel for Sistani // The New York Times, 20.05.2005) [10].

... calibrar las dificultades para coordinar las políticas exteriores y construir una política exterior común tal como la establece el Tratado de Lisboa [9].

7. Политика как искусство. В этой метафоре подчёркивается, с одной стороны, важность мастерства политического деятеля, а с другой творческий и оригинальный характер участников политического процесса.

Его политическое искусство и провокации оскорбляют истеблишмент и влияют на новое революционное движение, в то время как его личность остаётся покрытой тайной (Музей Амстердама купил работы Юлии Цветковой // Lenta.ru, 27.10.2020) [7].

Making sense of politics is an art, not a science [10].

...poderes, el poder legislativo, por sobre los demás poderes... la política el arte de la negociación, esta vez quedó en manos de expertos y no... (Lo que está pasando en Paraguay dos testimonios // Paralelo 36) [9].

8. Политика как арена. В данной метафоре политика рассматривается как площадка, сцена или арена для действия, подчёркивается её театральный характер.

И до сих пор это талантливое произведение остаётся актуальным: посмотрите, какое безумие сегодня происходит на арене мировой политики (Как найти выгоду в вине // Ведомости, 17.05.2021) [7].

Doctors have also entered the political arena. (Doctors Press Senate to Undo Medicare Cuts // The New York Times, 07.07.2008) [10].

...es el que lo confirma finalmente como un actor (nada nuevo: la política es teatro, parece que se nos dijera), un soberano que por fin... [9].

Далее обратимся к оценочному аспекту. В языковой картине мира рассматриваемых нами языков лексема «политика» как правило имеет нейтральную коннотацию, однако в контексте оно приобретает чаще всего негативную окраску:

- *Во всех трёх языках имеется устойчивое выражение: «политика – это грязное дело», «politics is a dirty business», «política es un negocio sucio» («Политика – грязное дело»: что Сокуров говорил о власти, цензуре и церкви // РБК, 29.03.2017, Politics is a dirty business. It should stay that way // Washington Post, 06.05.2015, Banville: La política es un negocio sucio, siempre lo ha sido y siempre lo será // La Vanguardia, 18.03.2018)* [7, 9, 10].

В данном случае подчёркивается тот факт, что политика ведётся при помощи лжи и насилия с целью получения частной, а не общественной выгоды.

- Различные общественные организации, например, МОК стараются дистанцироваться от политики, повторяя свой девиз: *Спорт вне политики* (IOC Media. Declaration by the IOC against the politicisation of sport) [10].

- Занятие политикой рассматривается как бесполезное и часто аморальное в цитатах различных мыслителей, философов, политологов и самих политиков как русскоязычных, так и англо- и испаноговорящих.

В словарях ассоциаций на всех трёх языках лексема политика синтагматически связана со словами с отрицательным значением. В русском: *недовольство, коррупция, репрессия, терроризм, крах, кризис, террор, агрессия* [8]. В английском: *racism, populist, corruption*. В испанском: *inestabilidad, represión, corrupción, discriminación, desigualdad, intolerancia*. Важно отметить, что в английском ассоциаций с негативным значением меньше, чем в русском и испанском (1,5 % против 4,7 % и 3,2 %), а в испанском меньше, чем в русском (3,2 % и 4,7 %).

Заключение

Таким образом, проведя анализ образного и оценочного компонентов концепта *политика* в английском, испанском и русском, мы пришли к следующим выводам.

Образ концепта – деятельность, имеющая направление и рамки, способная увлекать или оказывать влияние. Она может изменяться во времени, иметь качество и фундамент в виде определённой политической теории, лежащей в основе. В каждой лингвокультуре данный концепт может ассоциироваться с определёнными личностями и партиями, являющимися прецедентными для конкретной языковой общности.

В каждом из языков концепт политика имеет восемь устойчивых метафорических образов: игра, путь, семья, рыночные отношения, война, искусство, проект и арена.

Слово *политика* имеет нейтральную коннотацию, однако воспринимается носителями разных языков в их картинах мира часто как нечто негативное: подлое или даже «грязное», бесполезное и бессмысленное.

Список литературы:

1. Даниленко Н. Б. Образный аспект абстрактного концепта (на примере концепта «консерватизм») // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 4 (414). Филологические науки. Вып. 112. С. 60–65.
2. Добрынина К. С. Манифестация концепта в словарях и тексте (на примере концепта JEALOSY) // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2012. № 1 (19). С. 258–262.
3. Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины. М.: Языки славянской культуры, 2005. 544 с.
4. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
5. Лыткина О. И. Проблемы изучения концепта в современной лингвистике // Rhema. Рема. 2018. № 4. С. 67–80.
6. Lakoff G. *Metaphors We Live By* – Chicago: University of Chicago Press, 2003. – 265 p.
7. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 20.03.2025).
8. Word Associations Network. URL: <https://wordassociations.net/> (дата обращения: 20.03.2025).
9. Corpus del Español. URL: <https://www.corpusdelespanol.org/web-dial/> (дата обращения: 20.03.2025).
10. English Corpora. URL: <https://www.english-corpora.org/> (дата обращения: 20.03.2025).

References:

1. Danilenko N. B. *Obrazny`j aspekt abstraktnogo koncepta (na primere koncepta «konservatizm»)* // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2018. № 4 (414). *Filologicheskie nauki. Vy`p. 112. S. 60–65.*

2. Dobry`nina K. S. Manifestaciya koncepta v slovaryax i tekste (na primere koncepta JEALOSY) // Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. P. Astaf`eva. 2012. № 1 (19). S. 258–262.
3. Zaliznyak A. A., Levontina I. B., Shmelev A. D. Klyuchevy`e idei russkoj yazy`kovoju kartiny`. M.: Yazy`ki slavyanskoj kul`tury`, 2005. 544 s.
4. Karasik V. I. Yazy`kovoju krug: lichnost`, koncepty`, diskurs. Volgograd: Peremena, 2002. 477 s.
5. Ly`tkina O. I. Problemy` izucheniya koncepta v sovremennoj lingvistike // Rhema. Rema. 2018. № 4. S. 67–80.
6. Lakoff G. Metaphors We Live By – Chicago: University of Chicago Press, 2003. – 265 p.
7. Nacional`nyj korpus russkogo yazy`ka. URL: <https://ruscorpora.ru> (data obrashheniya: 20.03.2025).
8. Word Associations Network. URL: <https://wordassociations.net/> (data obrashheniya: 20.03.2025).
9. Corpus del Español. URL: <https://www.corpusdelespanol.org/web-dial/> (data obrashheniya: 20.03.2025).
10. English Corpora. URL: <https://www.english-corpora.org/> (data obrashheniya: 20.03.2025).

Информация об авторе:

А. В. Малюжинский – магистрант, ассистент, Волгоградский государственный социально-педагогический университет

Information about the author:

A. V. Malyuzhinsky – master's student, assistant, Volgograd State Socio-Pedagogical University

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.03.2025; одобрена после рецензирования 14.04.2025; принята к публикации 10.06.2025.

The article was published 25.03.2025; approved after reviewing 14.04.2025; accepted for publication 10.06.2025.

СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ (ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Научная статья

УДК 811

Арина Юрьевна Мельникова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва,
Россия

airinme@mail.ru

СЕМАНТИКА И ЭТИМОЛОГИЯ СЛОВА «МУДРОСТЬ» В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению семантических компонентов слова «мудрость» в русском и китайском языках с целью выявления и описания понятийного наполнения концепта «мудрость» в разных лингвокультурах. Наиболее существенные семантические особенности были обнаружены при сопоставительном анализе этимологии «мудрости» в разных языках. Следующим этапом стало описание дефиниций, в которых даётся представление о мудрости, и компонентный анализ (выявление основных семантических компонентов с указанием их частотности в разных словарях), описание полевой структуры слова «мудрость» с точки зрения ядра, ближней, дальней и крайней периферий. Основными методами исследования послужили описательный, сопоставительный, метод компонентного анализа. Как оказалось, «мудрость» в русском и китайском языках имеет в своей основе похожую двуплановую структуру, однако семантические поля имеют разное соотношение и наполнение, а потому должны учитываться при переводе и межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: мудрость, семантический компонент, полевая

структура, сопоставительный анализ

Для цитирования: Мельникова А. Ю. Семантика и этимология слова «мудрость» в русском и китайском языках // Евразийский филологический вестник. 2025. Вып. 2 (10). С. 104–119.

COMPARATIVE STUDIES (PHILOLOGICAL SCIENCES)

Original article

UDC 811

Anna Y. Melnikova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

airinme@mail.ru

SEMANTICS AND ETYMOLOGY OF THE WORD «WISDOM» IN RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGES

Abstract. The article is devoted to the consideration of semantic components of the word «wisdom» in Russian and Chinese languages in order to identify and describe the conceptual content of the concept «wisdom» in different linguocultures. The most significant semantic features were found in the comparative analysis of the etymology of «wisdom» in different languages. The next stage was the description of definitions, which give an idea of wisdom, and component analysis (identification of the main semantic components with the indication of their frequency in different dictionaries), description of the field structure of the word «wisdom» in terms of the core and peripheries. The main research methods were descriptive, comparative, and component analysis methods. As it turned out, «wisdom» in Russian and Chinese languages has a similar biplanar structure, but the semantic fields but semantic fields have differences, and therefore should be taken into account in translation and

intercultural communication.

Keywords: wisdom, semantic component, field structure, comparative analysis

For citation: Melnikova A. Y. Semantics and etymology of the word «wisdom» in russian and chinese languages // Eurasian Philological Bulletin. 2025; 2 (10): 104–119. (In Russ.).

Введение

В русском языке *мудрость* имеет долгую историю, встречается в фольклоре (в сказках, пословицах, поговорках) и отражает менталитет русского народа. В академическом словаре *мудрость* определяется как понятие, обозначающее «высшее целостное духовно-практическое знание, ориентированное на постижение абсолютного смысла бытия и достигаемое через духовно-жизненный поиск истины субъектов знания» [24]. Однако в современной речи и средствах коммуникации оно встречается всё реже.

Исследовательские результаты и их интерпретация

В китайской культуре слово *мудрость* («智慧» [zhì huì]) имеет ещё более древнюю историю, являясь частью традиционной системы убеждений. В семантическом плане оно не претерпело серьёзных изменений, а потому активно используется в современном китайском языке и приобретает новые коннотации. Так, Си Цзиньпин на XIX-м съезде Коммунистической партии Китая неоднократно подчёркивал важность отражения и вклада китайской *мудрости* в реализацию китайской мечты и в содействие глобальному и человеческому развитию.

К вопросу семантики и этимологии «мудрости» в русском языке в последнее время обращались многие российские учёные, что обусловлено возрастающим интересом к средствам вербализации духовных качеств человека и его интеллектуальных способностей в свете антропоцентрической парадигмы в лингвистике. По мнению большинства учёных, «мудрость» в восприятии русских людей имеет двухплановый характер и отражает особенности

менталитета русского народа, к которым относятся: «абсолютизация моральных измерений человеческой жизни, акцентирование внимания на борьбе добра и зла, любовь к крайним и категориальным моральным суждениям» [5, с. 34]. К примеру, в статье Н. Е. Кошенковой [9] проанализированы исторические корни слова *мудрость*, особое внимание уделено словам с корнем *-мудр-* с негативной оценочностью (*мудрить*, *мудрен*), как результат, по мнению автора, утраты нравственного аспекта семантики слова *мудрость*. К похожим выводам пришла И. С. Шевченко [27], о том, в семантической структуре следует разграничивать такие компоненты, как светский (этико-нравственный) и религиозный (духовно-нравственный), однако в современных словарях не отражается духовная составляющая мудрости, в частности связь с Богом, умение разграничивать добро и зло.

Действительно, двойственный характер понятия *мудрость* в русском языке проявляется уже на уровне этимологии, так как это слово, с одной стороны, имеет общеславянское происхождение и находится в тесной взаимосвязи с такими понятиями, как *бодрость*, *активность*, *любопытность*, *живость*, *задор*, *гордость*, *хитрость*, *ловкость* [26, 29] (к примеру, лит. *mandrus* «*бодрый, гордый, задорный*»), с другой стороны, родственно др.-инд. *mēdha* ж. «*мудрость, разум, понимание, мысль*», греч. *manthanō* «*понимаю, учусь*». Таким образом, с одной стороны, связано с физической деятельностью, умением выживать (*хитрость, ловкость*), с другой стороны – с глубоко духовной работой (три основных компоненты: *знания, ум (мышление, понимание, умение запоминать сопоставлять, анализировать) и жизненный опыт*).

С течением времени (в процессе развития русского языка, а также в результате воздействия традиций православной духовной культуры) понятие *мудрость* стало восприниматься как *духовно-нравственная категория*, связанная с обретением человеком *Божественного знания*. В XIX веке понимание *мудрости* как проявления *высшего умственного и духовного*

состояния человека находит отражение в «Словаре живого великорусского языка» В. И. Даля: «Мудрость – свойство мудрого; премудрость, соединение истины и блага, высшая правда, слияние любви и истины, высшего состояния умственного и нравственного совершенства» [8, с. 363]. Однако в советский период развития России восприятие мудрости как высшего состояния духовно-нравственного совершенства личности исчезло из семантической структуры анализируемого словесного знака. *Мудрым* стал называться вождь революции *В. И. Ленин*, появилось высказывание М. Горького *Безумство храбрых – вот мудрость жизни!*, а синонимами мудрости стали *храбрость, смелость, решительность* (на смену добродетели, спокойствию), так как человек отныне встал в центре Вселенной (сам человек и жизнь являются мудрыми).

Не менее интересна история слова *мудрость* в китайском языке, поскольку оно отмечается уже в древнейшей письменности «цзягувэнь» (надписях на костях оракула). Впервые такие иероглифы были обнаружены в 1899 году на руинах Инь в Аньяне (провинции Хэнань в центральном Китае) и представляли собой загадочные «царапины» на кусочках костей животных и панцирей черепах. Кости оракула использовались в ритуалах предков династии Шань (приблизительно 1600–1050 гг. до н. э.) для общения с предками. Поздние надписи на костях шаньского оракула составляют самый ранний значительный корпус китайской письменности, который имеет решающее значение для изучения китайской этимологии.

Два иероглифа 智 [zhì] и 慧 [huì] имеют схожие значения в китайском языке, и вместе они образуют слово 智慧 [zhì huì] *мудрость*.

Первый иероглиф «智» состоит из трёх частей: 1) 干 [gān], обозначает *деревянное оружие*; 2) 矢 [shǐ], обозначает *лук и стрелу* (согласно второй точке зрения, левая часть – это иероглиф 于 [yú], обозначающий *музыкальный инструмент 竽 [yú]*), поэтому значение 智 – выражение с помощью звука, использование музыкального инструмента для выражения и понимания идей; 3) 口 [kǒu] в значении *рот, говорить, выразить* (говорить о стратегиях боя),

затем появилось значение *выражать слова, которые можно понять сердцем, выражать свои мысли и понимать мысли других*. Существует и другое мнение: иероглиф 智 синонимичен иероглифу – 知 [zhī] (знание). Например, у Лао-цзы [11] говорится, что *Мудрость выходит из знания* (智慧出作知 [zhì huì chū zuò zhī]). В одном из крупнейших и наиболее полных словарей в истории Китая «Словаре Канси» [14] («康熙字典» [kāngxī zìdiǎn]) объясняется: «智 – 知也。無所不知也» [zhì zhī yě wú suǒ bù zhī yě] (мудрость – это то же, что знание, всеведение). Иначе говоря, 智 (мудрость) и «知» (знание) имеют одно и то же значение. В книге «Мэн-цзы» говорится: «是非之心 – 智之端也» [shìfēi zhī xīn – zhì zhī duān yě]: «Знание того, что есть добро и зло, является пределом мудрости» [12], а в книге «Сюань-цзы» утверждается: «知而有所合謂之智» [zhī ér yǒu suǒ hé wèi zhī zhì]: «Овладение знаниями и способность применять их комплексно – это мудрость» [22]. В первом примере подчёркивается связь знаний с духовно-нравственной стороной мудрости, во втором – с умственными способностями.

Второй иероглиф 慧 [huì] состоит из двух частей: 彗 [huì] (веник, метла) и 心 [xīn] (сердце, душа). Этот иероглиф означает *смахнуть пыль с души и увидеть истину* (без эмоций, холодным, трезвым умом). В первую очередь, это умение обратить взор внутри себя, сосредоточиться, достичь гармонии, упорядочить всё и распутать сложное. В словаре «Гуаньюнь» «广韵» объясняется, что «慧 – 解也» [huì jiě yě] (*Мудрость означает понимание, объяснение, разгадывание тайны*) [7].

Таким образом, первоначально *мудростью* древние китайцы называли умение маршировать, сражаться, быть находчивым, использовать обман и уловки, принимать стратегически верное решение, анализировать, сопоставлять, оценивать, запоминать (智 [zhì]), а также очищать ум от беспорядка мыслей и постигать истину путём взгляда внутрь себя, очищения, в результате высокой духовной деятельности (慧 [huì]). Со временем в китайском

языке произошла семантическая конвергенция парных иероглифов, поэтому 智 [zhì] и 慧 [huì] образовали биноминативную конструкцию 智慧 (*мудрость*) и используются только парно, отражая (как и в случае с русским словом *мудрость*) двойственный характер понятия: 1) физический план, умение быстро учиться, активно получать знания, следовать инструкциям и этическим нормам; 2) духовный план (достигать понимания путём медитации).

Теперь рассмотрим значения *мудрости* в современных русских [2, 4, 8, 10, 13, 16–18, 23] и китайских [1, 3, 6, 15, 19–21, 25, 28] толковых словарях.

В целом в русском языке абстрактное существительное *мудрость* – это: 1) характеристика одушевлённого существа (или предмета, явления, метафорически наделённого чертами живого, например, *мудрость природы*), умеющего: понимать, соотносить, философствовать, получать и передавать знания, корректировать поведение и ситуацию в правильную сторону (с точки зрения пользы и добра), справляться с трудностями; 2) информация, содержащая знания и результаты опыта, передаваемая от одного субъекта другому (*народная мудрость*), характеризующаяся правильностью с точки зрения дальнейшего положительного результата (*мудрость решения, мудрая мысль*), основанная на глубоком понимании, знании чего-л., на опыте.

Исходя из частотности семантических компонентов в дефинициях, взятых из русских словарей, можно представить полевую структуру мудрости следующим образом:

Ядро: большой, глубокий ум (светлая голова, *семи пядей во лбу*) (5) + знание жизни, жизненный опыт, житейская мудрость (5).

Ближняя периферия: 1) выражение мудрости (говорение мудрых слов), народная мудрость (изречения, пословицы) гласит, говорит, подсказывает (3); 2) что-то, что характеризуется правильностью, основанное на глубоком понимании, знании чего-л., на опыте (3).

Дальняя периферия: 1) замысловатость или трудность (разг.). (*премудрость, мудрёно*), умничать, философствовать (ирон. *мудрствовать*) (2);

2) мудрить, сделать что-то ловко, изловчиться (*умудриться*), излишне усложнять, заблуждаться, лукавить, хитрить (*мудрить*) (2).

Как видно, компонент, связанный с духовностью и божественным началом не отражён в современных словарях. *Мудрость* предстаёт как глубокий ум и житейские знания, приобретённые в ходе жизни как личный опыт и применяемые в практических ситуациях, а также словесное творчество (индивидуальное или народное), содержащее в себе мудрые мысли, верные выводы, правильные решения. Мудрым можно стать только благодаря жизни, опыту (абстрактные понятия), что в русском выражается глаголами *умудрять* / *умудрить* (*жизнь умудрила*), *мудреть* / *помудреть* (*он помудрел*).

Анализ дефиниций 智慧 [zhì huì] (*мудрость*), представленных в китайских толковых словарях, приводит к мысли о том, что китайское слово более широкое и энтропийное (по сравнению с русским), оно может быть представлено в виде следующей структуры:

Ядро: 辨析判断的能力 [biàn xī pàn duàn de néng lì] – способность различать и судить, оценивать, аргументировать (4), 考虑周到 [kǎo lǜ zhōu dào], 考虑问题周到 [kǎo lǜ wèn tí zhōu dào] – вдумчивость, внимательное изучение и решение проблемы, взвешивание сторон, принятие более весомой точки зрения, 发明创造的能力 fā [fā míng chuàng zào de néng lì] – способность творить, изобретать и создавать, воплощать идеи в реальность (4), 聪明 [cōng míng] – одарённость природным умом, смыслённость (чуткий слух и острое зрение), смыслённый, способный (3), 才智 [cái zhì] – сообразительный, остроумный, находчивый, способный получать знаний и развиваться (приобретённые интеллектуальные навыки) (3).

Ближняя периферия: 认识 [rèn shi] – знание и понимание (устройства мира, чувственное и рациональное понимание) (2); 见识 [jiàn shi] – образованный, эрудированный, с широким кругозором (2).

Дальняя периферия: 理解事物及解决问题 [lǐ jiě shì wù jí jiě jué wèn tí] –

способность *понимать вещи и решать проблемы* (1), 分析 [fēn xī] – способность анализировать, дифференцировать (1), 思考 [sī kǎo] – размышлять (философствовать, продумывать) (1), 远见 [yuǎn jiàn] – предвидение, дальновидность, провидчество (1), 睿智 [ruì zhì] – тонкий ум, гибкий ум, благоразумный (1), 而想得周全 [ér xiǎng de zhōu quán] – человек, который всё тщательно продумывает (1).

Таким образом, *мудрость*, как в русском, так и в китайском языках – всегда истина (ни в русском, ни в китайском не встречаются выражения *ложная мудрость*, *мудрая ошибка*, *мудрое заблуждение*, если, конечно, в русском нет определённого контекста: это *ложная мудрость* – неправильно сформулированное утверждение, *мудрая ошибка* – ошибка, которую мудрец сделал преднамеренно и правильно с точки зрения последствий). Однако словесное народное творчество в китайском не обозначается словом *мудрость* (нет выражения *народная мудрость* как результат коллективного познания жизни). Синонимом слова *мудрый* выступает *умный* (и не обязательно человек), антонимом – *глупый*.

Отметим, что *мудрость* в русском понимании – знания и опыт человека, интуитивные способности принимать правильные решения независимо от уровня образования и грамотности, поэтому мудрость не сочетается со словами *ребёнок*, *младенец*, *студент*, если, конечно, нет особенного контекста (например, человек может назвать себя *мудрым ребёнком*, если он в возрасте, опытный, но в душе наивный, как ребёнок). В то же время в Интернете можно найти словосочетание *мудрый студент* – звание, которое присуждается успешным студентам, которые ведут успешную научно-исследовательскую деятельность и проявляют общественную активность. По сути, это словосочетание отвечает всем семантическим требованиям китайского понимания *мудрости*, поскольку в его основе умственные способности, инициативность, умение создавать, творить, быть активным. Подобные переводы в большей степени нивелируют духовную составляющую русского

слова *мудрость*, искривляя путь понимания в область утилитарности, прагматизма и рационализма, превращая мудрость в способность принимать выгодные решения (независимо от нравственной составляющей).

Мудрость применительно к человеку в китайском понимании – это умственные способности (от рождения), обучаемость, приобретенные знания, навыки, мораль, эстетика, образ мышления, межличностное общение, эмоции, отличительной чертой является умение получать знания, анализировать теории в академической сфере, выносить суждения в различных сложных областях жизни, таких как национальная дипломатия, создавать стратегии развития в области политики. Именно поэтому возможны словосочетания *мудрый ребёнок* (одарённый, способный), *мудрый студент* (смышлёный, изобретательный). Однако в виду указанной синонимии *мудрый* может применяться для характеристики предметов, в связи с чем в последнее время (в виду развития торговых отношений между Китаем и Россией) стали появляться неправильные переводы с китайского языка на русский (чаще всего в рекламных объявлениях). К примеру, игрушка *кукольный дом* (который легко трансформируется) переводится как *мудрый дом*; рыболовный сенсорный датчик (сигнализирует рыбаку о том, что рыба клюёт), переводится как *мудрый датчик*, часы, которые должны переводиться как *умные часы*, переводятся как *мудрые часы*. *Мудрый* (+ наименование предмета) в китайском понимании – тот, что создан с развитием высоких технологий, умеет выполнять действия за человека, делает его жизнь удобной, комфортной и спокойной, позволяя ему наслаждаться свободным временем.

Заключение

Учёт указанных особенностей семантики слова *мудрость* в русском и китайском языках может помочь избежать ошибок при переводе и межкультурном общении.

Список литературы:

1. Большой китайско-русский словарь. – Текст: электронный // БКРС: [сайт]. URL: <https://bkrs.info/> (дата обращения: 20.03.2025).
2. Большой синонимический словарь русского языка. Речевые эквиваленты; практический справочник. В 2-х тт. Т.1, СПб.: Нева, 2003. 437 с.
3. Большой словарь современного китайского языка. Шанхай: Издательство «Шанхайские лексикографические издания», 2010. 847 с. URL: <https://www.hanyudacidian.cn/> (дата обращения: 20.03.2025).
4. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.
5. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание / пер. с англ.; отв. ред. М. А. Кронгауз. М.: Русские словари, 1996. 416 с.
6. Государственный словарь китайского языка. Тайбэй: Национальный институт образования, 2021. URL: <https://dict.revised.moe.edu.tw/search.jsp?md=1> (дата обращения: 20.03.2025).
7. Гуаньюэнь. 1007 г. Режим доступа: URL: <https://www.cidianwang.com/guangyun/> (дата обращения: 20.03.2025).
8. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. СПб. М.: Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1881. Т. 2, 807 с.
9. Кошенкова Н. Е. Этимология и семантика лексем с корнем -мудр- в русском языке // Учёные записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского Серия «Филология. Социальные коммуникации». 2013. Том 26 (65), № 4. Ч. 2. С. 257–263.
10. Красных В. И. Русские глаголы и предикативы. Словарь сочетаемости. М.: Арсис Лингва. 1993. С. 174.
11. Лао-цзы (трактат о Дао и Дэ) [Текст]; Чжуан-цзы: новый перевод и комментарий / (пер. с китайского: В. В. Скороходов; монографический коммент.: С. В. Никишин). Астрахань; Воронеж: Воронежский ЦНТИ – фил. РЭА Минэнерго России, 2013. 284 с.

12. Мэн-цзы. (221 г. до н. э.). URL: <https://www.zhonghuadiancang.com/rulizhexue/8299/> (дата обращения: 20.04.2025).
13. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. М.: ООО «А ТЕМП», 2010. 944 с.
14. Словарь Канси. 1716 г. URL: <https://www.kangxizidian.cn/> (дата обращения: 20.04.2025).
15. Система приложений полнофункциональных ресурсов китайских числовых символов. Пекин: Издательство Университета Пекинского Нормального Института, 2019. URL: <https://qzk.bnu.edu.cn/#/> (дата обращения: 20.04.2025).
16. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений: около 5 000 синонимических рядов: более 20 000 синонимов / Н. Абрамов. – 8-е изд., стер. [Москва]: Русские словари [и др.], 2006. 665 с.
17. Словарь русского языка: в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Русский язык, 1982. Т. 2, 736 с.
18. Словарь сочетаемости слов русского языка: Ок. 2500 словар. ст. / Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина; [П.Н. Денисов и др.]; Под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. 3. изд., испр. Москва: Астрель: АСТ, 2002. 811 с.
19. Словарь Синьхуа. Пекин: Коммерческая пресс, 2020. URL: <https://zidian.gushici.net/> (дата обращения: 20.04.2025).
20. Словарь современного китайского языка. Пекин: Коммерческая пресса, 2016. URL: <https://cidian.gushici.net/> (дата обращения: 20.04.2025).
21. Словарь унифицированных стандартах китайских иероглифов. – Пекин: Коммерческая пресса, 2013. URL: <https://www.cp.com.cn/book/366cddb0-1.html> (дата обращения: 20.04.2025).
22. Сюань-цзы. 235 г. до н.э. URL: <https://www.guoxuemeng.com/guoxue/xunzi/> (дата обращения: 20.04.2025).

23. Толковый словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1938. Т. 2, 1040 с.
24. Философская энциклопедия в 5-х. М.: Советская энциклопедия. 1960. URL: <https://rus-philosophical-enc.slovaronline.com/25>. (дата обращения: 20.04.2025).
25. Частотный словарь современного китайского языка. URL: <https://yuliaoku.hanyu123.cn/hanyu/> (дата обращения: 20.04.2025).
26. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2-х т. Изд-е 3-е, стер. М.: Рус. яз., 1999. Т. 1, А – Пантомима. 624 с.
27. Шевченко И. С. Особенности семантического развития слова «мудрость» в истории русского языка. Статья посвящена изучению особенностей семантического развития слова «мудрость» в русском языке и русской духовной культуре // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 10 (52): в 2-х ч. Ч. I. С. 208–210. URL: www.gramota.net/materials/2/2015/10-1/51.html (дата обращения: 20.05.2025).
28. Шэнь Мичэн, Сунь Фудзу. Новый словарь современного китайского языка / Шэнь Мичэн, Сунь Фудзу. Чанчунь: Издательство «Педагогика провинции Цзилинь», 2008. 572 с.
29. Этимологический словарь русского языка. Вып. 10 / Под общей редакцией А. Ф. Журавлева и Н. М. Шанского. М.: Изд-во МГУ, 2007. 400 с.

References:

1. Bol'shoj kitajsko-russkij slovar'. – Tekst: e'lektronny'j // BKRS: [sajt]. URL: <https://bkrs.info/> (data obrashheniya: 20.03.2025).
2. Bol'shoj sinonimicheskij slovar` russkogo yazy`ka. Rechevy'e e`kvivalenty`; prakticheskij spravochnik. V 2-x tt. T.1, SPb.: Neva, 2003. 437 s.
3. Bol'shoj slovar` sovremennogo kitajskogo yazy`ka. Shanxaj: Izdatel'stvo «Shanxajskie leksikograficheskie izdaniya», 2010. 847 s. URL: <https://www.hanyudacidian.cn/> (data obrashheniya: 20.03.2025).

4. Bol'shoj tolkovy'j slovar' russkogo yazy'ka / sost. i gl. red. S. A. Kuzneczov. SPb.: Norint, 1998. 1536 s.
5. Vezhbiczskaya A. Yazy'k. Kul'tura. Poznanie / per. s angl.; otv. red. M. A. Krongauz. M.: Russkie slovari, 1996. 416 s.
6. Gosudarstvenny'j slovar' kitajskogo yazy'ka. Tajbe'j: Nacional'ny'j institut obrazovaniya, 2021. URL: <https://dict.revised.moe.edu.tw/search.jsp?md=1> (data obrashheniya: 20.03.2025).
7. Guan''yue'n'. 1007 g. Rezhim dostupa: URL: <https://www.cidianwang.com/guangyun/> (data obrashheniya: 20.03.2025).
8. Dal' V. I. Tolkovy'j slovar' zhivogo velikorusskogo yazy'ka: v 4-x t. SPb. M.: Izdanie knigoprodavcza-tipografa M. O. Vol'fa, 1881. T. 2, 807 s.
9. Koshenkova N. E. E'timologiya i semantika leksem s kornem -mudr- v russkom yazy'ke // Uchyony'e zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo Seriya «Filologiya. Social'ny'e kommunikacii». 2013. Tom 26 (65), № 4. Ch. 2. S. 257–263.
10. Krasny'x V. I. Russkie glagoly' i predikativy'. Slovar' sochetaemosti. M.: Arsis Lingva. 1993. S. 174.
11. Lao-czzy' (traktat o Dao i De') [Tekst]; Chzhuan-czzy': novy'j perevod i kommentarij / (per. s kitajskogo: V. V. Skoroxodov; monograficheskij komment.: S. V. Nikishin). Astraxan'; Voronezh: Voronezhskij CzNTI – fil. RE`A Mine`nergo Rossii, 2013. 284 s.
12. Me`n-czzy'. (221 g. do n. e.). URL: <https://www.zhonghuadiancang.com/rulizhexue/8299/> (data obrashheniya: 20.04.2025).
13. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovy'j slovar' russkogo yazy'ka: 80000 slov i frazeologicheskix vy`razhenij / Rossijskaya akademiya nauk. Institut russkogo yazy'ka im. V. V. Vinogradova. M.: OOO «A TEMP», 2010. 944 s.
14. Slovar' Kansi. 1716 g. URL: <https://www.kangxizidian.cn/> (data obrashheniya: 20.04.2025).

15. Sistema prilozhenij polnofunkcional`ny`x resursov kitajskix chislovy`x simvolov. Pekin: Izdatel`stvo Universiteta Pekinskogo Normal`nogo Instituta, 2019. URL: <https://qyk.bnu.edu.cn/#/> (data obrashheniya: 20.04.2025).

16. Slovar` russkix sinonimov i sxodny`x po smy`slu vy`razhenij: okolo 5 000 sinonimicheskix ryadov: bolee 20 000 sinonimov / N. Abramov. – 8-e izd., ster. [Moskva]: Russkie slovari [i dr.], 2006. 665 s.

17. Slovar` russkogo yazy`ka: v 4-x t. / AN SSSR, In-t rus. yaz.; pod red. A. P. Evgen`evoj. Izd. 2-e, ispr. i dop. M.: Russkij yazy`k, 1982. T. 2, 736 s.

18. Slovar` sochetaemosti slov russkogo yazy`ka: Ok. 2500 slovar. st. / Gos. in-t rus. yaz. im. A. S. Pushkina; [P.N. Denisov i dr.]; Pod red. P. N. Denisova, V. V. Morkovkina. 3. izd., ispr. Moskva: Astrel`: AST, 2002. 811 s.

19. Slovar` Sin`xua. Pekin: Kommercheskaya press, 2020. URL: <https://zidian.gushici.net/> (data obrashheniya: 20.04.2025).

20. Slovar` sovremennogo kitajskogo yazy`ka. Pekin: Kommercheskaya pressa, 2016. URL: <https://cidian.gushici.net/> (data obrashheniya: 20.04.2025).

21. Slovar` unificirovanny`x standartax kitajskix ieroglifov. – Pekin: Kommercheskaya pressa, 2013. URL: <https://www.cp.com.cn/book/366cddb0-1.html> (data obrashheniya: 20.04.2025).

22. Syuan`-czzy`. 235 g. do n.e`. URL: <https://www.guoxuemeng.com/guoxue/xunzi/> (data obrashheniya: 20.04.2025).

23. Tolkovy`j slovar` russkogo yazy`ka: v 4-x t. / pod red. D. N. Ushakova. M.: Gos. izd-vo inostranny`x i nacional`ny`x slovarej, 1938. T. 2, 1040 s.

24. Filosofskaya e`nciklopediya v 5-x. M.: Sovetskaya e`nciklopediya. 1960. URL: <https://rus-philosophical-enc.slovaronline.com/25>. (data obrashheniya: 20.04.2025).

25. Chastotny`j slovar` sovremennogo kitajskogo yazy`ka. URL: <https://yuliaoku.hanyu123.cn/hanyu/> (data obrashheniya: 20.04.2025).

26. Cherny`x P. Ya. Istoriko-e`timologicheskij slovar` sovremennogo russkogo yazy`ka: v 2-x t. Izd-e 3-e, ster. M.: Rus. yaz., 1999. T. 1, A – Pantomima. 624 s.

27. Shevchenko I. S. Osobennosti semanticheskogo razvitiya slova mudrost'» v istorii russkogo yazyka. Stat'ya posvyashhena izucheniyu osobennostej semanticheskogo razvitiya slova «mudrost'» v russkom yazyke i russkoj duxovnoj kul'ture // Filologicheskie nauki. Voprosy` teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2015. № 10 (52): v 2-x ch. Ch. I. С. 208–210. URL: www.gramota.net/materials/2/2015/10-1/51.html (data obrashheniya: 20.05.2025).

28. She`n` Miche`n, Sun` Fudzu. Novy`j slovar` sovremennogo kitajskogo yazyka / She`n` Miche`n, Sun` Fudzu. Chanchun`: Izdatel'stvo «Pedagogika provincii Czzilin'», 2008. 572 s.

29. E`timologicheskij slovar` russkogo yazyka. Vy`p. 10 / Pod obshej redakciej A. F. Zhuravleva i N. M. Shanskogo. M.: Izd-vo MGU, 2007. 400 s.

Информация об авторе:

А. Ю. Мельникова – кандидат филологических наук, доцент, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Information about the author:

A. Y. Melnikova – Ph.D. (Philology), Associate Professor, Lomonosov Moscow State University

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 23.05.2025; одобрена после рецензирования 09.06.2025; принята к публикации 10.06.2025.

The article was published 23.05.2025; approved after reviewing 09.06.2025; accepted for publication 10.06.2025.

СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ (ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Научная статья

УДК 81'32

Наталья Борисовна Смольская

Санкт-Петербургский государственный морской технический университет,
Санкт-Петербург, Россия

n.smolskaia@yandex.ru

СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ХЕШТЕГОВ В РУССКОЯЗЫЧНОМ И АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению функционирования хештегов в современном медиадискурсе. Анализируются структурные и семантические особенности хештегов, используемых в современных социальных сетях. Приводится классификация хештегов по смысловым направлениям и функциям и структурно-функциональным типам. Проводится анализ частотности использования различных типов хештегов англоязычными и русскоязычными пользователями сети Интернет. Выявляются основные факторы, влияющие на выбор того или иного типа хештегов. Делается вывод о предпочтительности использования англоязычных хештегов русскоязычными пользователями.

Ключевые слова: медиадискурс, медиатекст, медиапространство, гипертекст, хештег

Для цитирования: Смольская Н. Б. Сравнительно-сопоставительный анализ хештегов в русскоязычном и англоязычном медиапространстве // Евразийский филологический вестник. 2025. Вып. 2 (10). С. 120–133.

COMPARATIVE STUDIES (PHILOLOGICAL SCIENCES)

Original article

UDC 81'32

Natalia B. Smolskaia

Saint-Petersburg State Marine Technical University, Saint-Petersburg, Russia

n.smolskaia@yandex.ru

COMPARATIVE ANALYSIS OF RUSSIAN AND ENGLISH MEDIA SPACE HASHTAGS

Abstract. The article is aimed at considering the functioning of hashtags in the modern media discourse. The structural and semantic features of hashtags used in modern social networks are analyzed. The classifications of hashtags both by the semantic directions and functions and the structural and functional types are given. The frequency of the use of various hashtag types by English-speaking and Russian-speaking Internet users is analyzed. The main factors influencing the choice of a particular type of hashtags are identified. It is concluded that the use of the English-language hashtags by Russian-speaking users is preferable.

Keywords: media discourse, media text, media space, hypertext, hashtag

For citation: Smolskaia N. B. Comparative analysis of russian and english media space hashtags // Eurasian Philological Bulletin. 2025; 2 (10): 120–133. (In Russ.).

Введение

Для каждого исторического периода характерно преобладание той или иной формы словесности. Начало нового столетия отмечено «стремительным

ростом новой сферы речеупотребления, диверсифицированных и комплексных средств массовой коммуникации» [1, с. 12]. На современном этапе социального развития наблюдается значительное воздействие информационных технологий на человеческую коммуникацию. Процесс медиатизации проникает во все сферы жизни, при этом язык СМИ оказывает значительное влияние, а традиционные каналы информации и коммуникации переживают динамичное развитие. Это приводит к формированию нового информационного пространства, где представлены или будут представлены все классические тексты, как по форме, так и по содержанию. Однако, одновременно с этим, электронные формы текстов и текстуальной коммуникации – электронные медиатексты – также получают своё развитие.

Под влиянием тенденций медиапространства развивается специфическая коммуникационная среда, в которой коммуникативные навыки человека актуализируются влиянием интернет-пространства. Получает развитие явление гипертекста.

Исследовательские результаты и их интерпретация

В настоящий момент понятие гипертекстуальности можно считать одной из основных характеристик информационно-коммуникативной среды Интернета. Гипертекстуальность определяется как «...потенциальная и реализованная возможность нелинейного прочтения текста, а также текстового единства, состоящего из двух или более текстов, а гипертекст – электронная форма текста, состоящая из фрагментов и сносок, предоставляющих возможность нелинейного прочтения текста» [2, с. 7]. «Гипертекстуальность – это способ организации интернет-пространства, при котором огромное множество документов, или, шире, единиц информации, соединяются и образуют уже не линейную, а многомерную структуру медиадискурса» [3, с. 73–74].

Изначально понятие «гипертекст» было введено в употребление в 1965 году программистом и математиком Теодором Нельсоном, который

подчёркивал, что гипертекст, обладая свойствами нелинейной организации идей и разветвленной взаимосвязанной системой переходов, принципиально отличается от традиционного текста с его последовательностью и развёрнутыми, тесными линейными связями [4, с. 168–169]. О. В. Лутовинова предложила другое ёмкое определение гипертекста как «текста со специфической структурой, который представляет информацию в виде связанной сети гнезд, соединённых между собой нелинейными отношениями в многомерном пространстве» [5, с. 4–5]. Так, становится очевидным, что гипертекстуальность создаёт общую для всех сетевых текстов характеристику – выход за пределы одной текстовой структуры, и текст перестаёт быть статичной системой, ограниченной рамками объёма, стиля или авторства. Каждый пользователь ввиду возможности перехода по гипертекстовым ссылкам может создавать свой текст по заданной тематике, ориентируясь на личные цели и задачи получения информации.

Первоначально с появлением компьютерных технологий гипертекст служил для систематизации и упрощения поиска информации в Интернете. Однако, по мере развития компьютеризации, усиления влияния социальных сетей и явления языковой компрессии, одним из самых значимых инструментов коммуникации становится эволюционный продукт гипертекста – хештег, который представляет собой синтаксическую единицу с инициальным идентифицирующим символом «решетка» (#) (с английского языка hash – знак «решётка» и tag – «метка») [6]. В любой соцсети хештеги помогают создать то, что называется «канал, тема, топик». Тем самым, автор даёт возможность другим пользователям сети понять, о чём повествует сообщение без необходимости вчитываться в него [7, с. 40–41].

Хештеги характеризуются многообразием структурных и семантических особенностей функционирования, вследствие чего можно говорить о них как о семиотически осложнённых, поликодовых текстах. С этой точки зрения интересно проследить статистически структурно-семантические тенденции

использования хештегов в англоязычном и русскоязычном Интернет-пространстве.

Важно отметить, что невербальная часть (символ #) хештега неразрывно связана с его вербальной частью, что позволяет рассуждать о контаминированности хештегов. По мнению некоторых лингвистов, образование контаминантов является характерным для современного англоязычного Интернет-сленга, и их можно отметить во всех разновидностях Интернет-текстов [8, с. 64–70].

В качестве материала исследования были выбраны социальные сети TikTok и Pinterest, представляющие собой формы микроблоггинга, в которых пользователи могут публиковать фотографии или видео, добавляя их описание под своей публикацией, что позволяет говорить о данных публикациях как о примерах креолизованного текста, под которым понимается материал, состоящий из двух неоднородных частей: вербальной (языковой), невербальной (принадлежащей другим знаковым системам, а не естественному языку).

Данные для проведения исследования были собраны методом сплошной выборки в количестве 50 публикаций с 180 хештегами. В результате проведённого семантического анализа хештегов, было выделено пять семантических групп, классифицирующих хештеги по их основным смысловым направлениям и функциям.

(1) Общественные или политические хештеги. Они связаны с общественно-политическими событиями, акциями, движениями и мнениями и используются для обсуждения социально значимых тем, таких как права человека, равенство, окружающая среда, политические кампании и протесты. Общественные или политические хештеги играют важную роль в формировании общественного мнения, поддержки определённых инициатив и идей.

(2) Тематические группы хештегов. В эту категорию входят хештеги, связанные с конкретными темами, такими как спорт, путешествия, мода, образ

жизни и другие. Эти хештеги используются для обсуждения, публикации контента и обмена информацией в рамках определённой тематики. Они служат инструментом организации и категоризации контента в социальных медиа, позволяя пользователям найти интересующую их информацию и присоединиться к сообществам с общими интересами.

(3) Хештеги, связанные с рекламой товаров и услуг. Они используются предприятиями и брендами для продвижения своих продуктов или услуг в социальных медиа и, как правило, могут включать название бренда, характеристики товара, акции и скидки, а также другие коммерческие элементы. Рекламные хештеги помогают компаниям получить поддержку и внимание своей целевой аудитории, увеличить узнаваемость бренда и стимулировать продажи.

(4) Хештеги, связанные с процессом коммуникации между пользователями Интернета и используются для обмена мнениями, постановки вопросов и участия в диалогах. Эти хештеги позволяют пользователям находить сообщества с общими интересами, присоединяться к обсуждениям и взаимодействовать с другими людьми. Они играют важную роль в создании сообществ и поддержании социальной связи в онлайн-среде.

(5) Хештеги, используемые для выражения эмоционального состояния, настроения или реакции на определённые события или контент. Эти хештеги позволяют пользователям поделиться своими эмоциями с другими пользователями, выразить поддержку, восторг, сожаление или любую другую эмоциональную реакцию. Они являются средством самовыражения и создания эмоциональной связи с другими пользователями.

На основании выявленных структурных особенностей были выделены шесть структурно-функциональных типов хештегов:

1. Общепринятые аббревиатуры: #UNESCO, #NASA, #WHO, #FIFA, #NATO
2. Лексема: #sarcasm, #Красота, #дету

3. Словосочетание (2 и более лексем): *#TravelGoals*, *#FitnessMotivation*, *#FoodPorn*
4. Создание нового слова из нескольких: *#instafood*, *#instahotel*
5. Инициализмы: *#TGIF* (Thank God It's Friday), *#OOTD* (Outfit Of The Day)
6. Буквы и цифры: *#4everlove*, *#5starrestaurant*

В качестве статистических источников были использованы 25 публикаций англоязычных пользователей со 100 хештегами. Публикации отбирались случайно. Хештеги были проанализированы по количеству и типам слов или других знаков, которые следуют после #.

Все хештеги имеют свое контекстуальное значение и выполняют разные функции. Процентное соотношение типов хештегов по частоте их использования *англоязычными* пользователями представлено круговой диаграммой, которая приведена на рисунке 1:

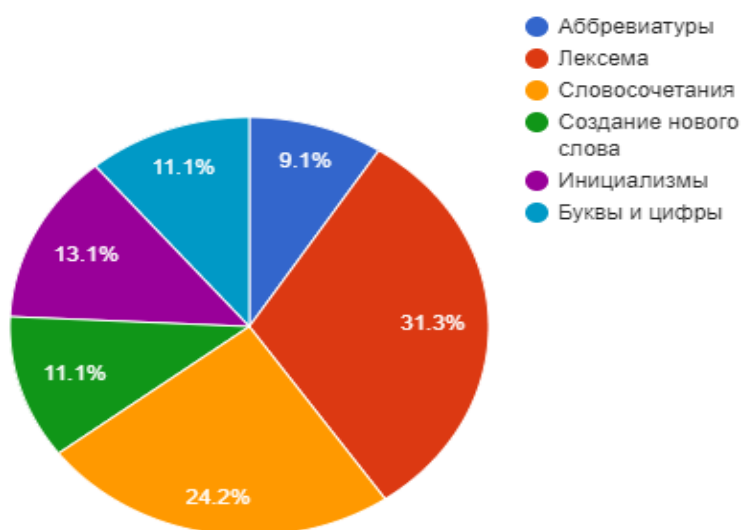

Рис.1. Процентное соотношение типов хештегов по частоте их использования *англоязычными* пользователями.

Популярность хештегов может меняться со временем и на разных платформах, в связи с этим сделать однозначные выводы по поводу эффективности воздействия того или иного типа хештегов достаточно затруднительно. Тем не менее, согласно проведённому исследованию,

становится очевидным, что наиболее популярными на сегодняшний день являются однословные хештеги, то есть состоящие из отдельных лексем (рис. 1). Они лаконичны, понятны и могут быстро передать суть темы или тенденции – *#love*, *#food*, *#travel*, *#fitness* и т.п.

Чуть менее распространены хештеги-словосочетания (24,2 %), включающие фразу или несколько слов. Они позволяют добиться более конкретной и описательной категоризации контента, например, *#ThrowbackThursday*, *#MondayMotivation*, *#RelationshipGoals*.

Хештеги типа буквы+цифры используются для различных целей, включая брендинг, события или определённые сообщества, например, *#Covid19*, *#NYC2021*.

Хештеги-инициализмы, представляющие собой аббревиатуры или акронимы, популярны за счёт своей лаконичности и более сленгового характера в различных тематических сообществах: *#DIY* (Do It Yourself), *#TGIF* (Thank God It's Friday), *#LOL* (Laugh Out Loud), *#FOMO* (Fear Of Missing Out).

Аналогичное исследование было проведено при изучении 25 случайных публикаций русскоязычных пользователей. Стоит отметить, что количество хештегов под такими публикациями значительно меньше и лингвистически неоднородно. Так, среди 75 хештегов более 30 были на английском языке, и более 10 представляли собой смешанные языковые сочетания (*#зимаgoaway*, *#летogoodbye*). Ниже на рисунке 2 в виде круговой диаграммы представлено процентное соотношение по типам использования хештегов:

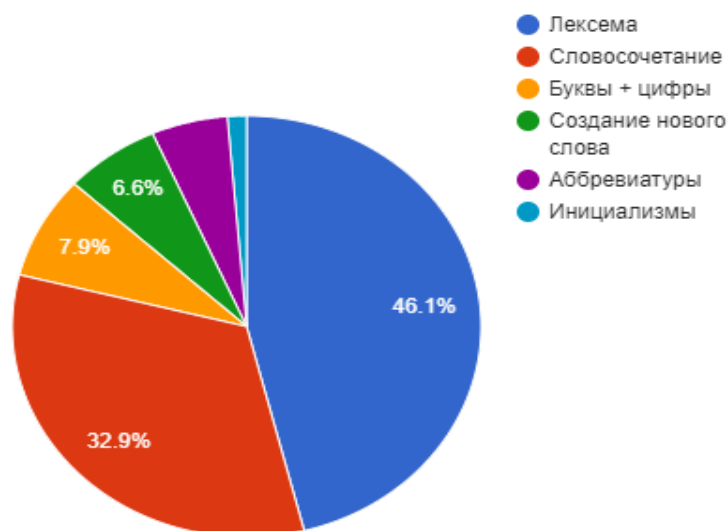

Рис. 2. Процентное соотношение типов хештегов по частоте их использования русскоязычными пользователями.

Как видно из диаграммы, отдельные лексемы и словосочетания являются также наиболее популярными видами хештегов (46,1 % и 32,9 % соответственно) среди русскоязычных пользователей, однако примечательно то, что далее по частоте использования следуют хештеги типа «буквы+цифры». В основном, пользователи используют цифры с целью указания даты какого-либо события, а также своего возраста. Так, среди наиболее типичных можно выделить:

- #мояжизнь24/7, #24часафитнес, как отражение активного образа жизни и постоянной занятости;
- #10летназад, #10летспустя – пользователи делятся фотографиями или воспоминаниями, связанными с событиями десятилетней давности;
- #2023новыйгод, #лето2021, #зимниеканикулы2020, #сочи2012, #алатай2019, #выпуск2019 – подобные метки используются для классификации контента, связанного с определенными событиями или поездками в каком-либо году. Эти хештеги помогают пользователям легко находить и просматривать посты, фотографии или видео, связанные с наиболее известными событиями;

➤ #top3 места – чтобы поделиться лучшими по мнению пользователей местами для различных целей.

Представляется возможным сделать вывод, что подобное преобладание таких хештегов может быть связано с тем, что среди русскоязычных пользователей наиболее типичным контентом для социальных сетей являются публикации с отдыха, или, иными словами, «праздничный контент». Пользователи охотнее публикуют фотографии со своих путешествий в конкретный период или описывают свои планы на каникулы или отпуск, демонстрируют моменты посещения важных мероприятий, вечеринок, концертов или специальных событий, которые проходят в конкретном году, нежели отражают в публикациях моменты повседневной жизни или просто размышления. С этим отчасти можно связать непопулярность создания новых слов в хештегах (6,6 %), а также редкое использование инициализмов (1,5 %) (рис. 2).

Также примечательно, что русскоязычные пользователи зачастую используют английские или смешанные хештеги (например, *#чтоzabackstage*, *#чтоzablackmafia*, *#какаяfamilyтакойiulook*, *#какаяlifемакиеphoto*). Это может объясняться несколькими факторами:

- **Глобальный охват.** Английский язык является наиболее распространённым языком в Интернете. Используя англоязычные хештеги, русскоязычные пользователи потенциально могут привлечь более широкую аудиторию за пределами русскоязычного сообщества.

- **Международный контекст.** Английский язык является международным языком коммуникации, и многие популярные социальные сети имеют глобальную аудиторию. Использование английских хештегов позволяет привлечь внимание не только русскоязычных пользователей, но и пользователей из разных стран.

- ***Краткость и лаконичность.*** Английский язык обычно отличается более компактными выражениями и меньшим числом слов по сравнению с русским языком. Использование английских хештегов позволяет выразить идею или концепцию с помощью короткой фразы или слова, что особенно полезно в ограниченном пространстве хештега.

- ***Простота в произношении и написании.*** Английский язык имеет относительно простую фонетическую систему и простые орфографические правила. Это делает английские хештеги более доступными для русскоязычных пользователей, которые могут легко понять, произнести и записать английские слова и фразы.

- ***Иконичность и символика.*** Английский язык имеет богатую историю и широкую распространённость в различных культурных сферах, таких как музыка, кино, литература и наука. Некоторые английские слова и фразы могут быть символическими и вызывать определённые ассоциации у русскоязычных пользователей.

- ***Влияние трендов.*** Многие популярные тренды и хештеги в социальных сетях происходят из англоязычных стран или создаются глобальными влиятельными лицами. Русскоязычные пользователи, в свою очередь, могут захотеть принять участие в этих тенденциях или присоединиться к международным тенденциям, используя английские хештеги.

- ***Доступ к контенту.*** Английские хештеги широко используются пользователями по всему миру, и их использование позволяет российским пользователям находить более широкий спектр информации, помимо того, что специально предназначено для русскоязычной аудитории.

- ***Эстетическая привлекательность.*** Некоторые пользователи могут найти английские хештеги визуально привлекательными или модными, и они могут использовать их как часть своего эстетического выбора или для того, чтобы их посты выглядели более «стильно».

Заключение

Таким образом, сравнительно-сопоставительный анализ использования хештегов в русскоязычном и англоязычном медиапространстве демонстрирует различия в предпочтениях пользователей. В русском медиапространстве более популярны хештеги, основанные на отдельных лексемах и словосочетаниях, а также хештеги типа «буквы+цифры». В то же время, создание собственных хештегов, инициализмов или новых слов менее распространено среди русскоязычных пользователей. Это свидетельствует также о культурных особенностях и различиях в стилях коммуникации. Однако, важно отметить, что эти различия не являются абсолютными и могут меняться в зависимости от контекста и целевой аудитории. Более того, в последнее время наблюдается тенденция, при которой русскоязычные пользователи всё чаще предпочитают использовать английские или смешанные языковые хештеги. Это может быть связано с желанием выглядеть более «интернациональным», следовать трендам и использовать популярные хештеги из мирового медиапространства. Такой выбор также может быть обусловлен доступностью английских хештегов на платформах социальных медиа, где они часто используются в качестве основного средства поиска и сортировки контента. В итоге, русскоязычные пользователи активно взаимодействуют с английскими хештегами и успешно интегрируют их в свои публикации, что подчеркивает глобальный и связанный характер интернет-сообщества.

Список литературы:

1. Добросклонская Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов. Опыт исследования современной английской медиаречи. М.: Едиториал УРСС, 2005. 286 с.
2. Масалова М. В. Гипертекстуальность как имманентная текстовая характеристика: Дис. ... канд. филол. наук. Ульяновск: 2003. 123 с.

3. Соболева О. В. К проблеме определения понятия «гипертекстуальность» // Вестник Челябинского гос. ун-та: Филология. Искусствоведение. 2014. № 7 (336). С. 72–75.

4. Прошина А. В., Емелина М. В. Особенности гипертекста // Интерактивная наука. 2017. № 12. С. 167–171.

5. Лутовинова О. В. Гипертекст: понятие, основные характеристики, возможные подходы к лингвистическому анализу // Известия ВГПУ. 2009. № 5. С. 4–7.

6. Зубарева Ю. М. Медиалект как языковой феномен современной массовой коммуникации // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2022. № 4 (12). С. 46–52.

7. Волконская М. Ю., Вахрушева М. А., Паутова К. А. Феномен хэштегов в современных электронных СМИ // Современные информационные и коммуникативные технологии в глобальном мире: вызовы и возможности: междунар. науч.-практ. конф. / гл. ред. Л. В. Савченко. Симферополь: Ариал, 2017. С. 39–42.

8. Лазарчева А. В., Бойко Л. Б. Хэштеги в «Твиттер» и «Инстаграм»: структурные особенности и контекстное функционирование // Молодой учёный. 2021. № 13 (355). С. 64–70.

References:

1. Dobrosklonskaya T. G. Voprosy` izucheniya mediatekstov. Opy`t issledovaniya sovremennoj anglijskoj mediarechi. M.: Editorial URSS, 2005. 286 s.

2. Masalova M. V. Gipertekstual`nost` kak immanentnaya tekstovaya xarakteristika: Dis. ... kand. filol. nauk. Ul`yanovsk: 2003. 123 s.

3. Soboleva O. V. K probleme opredeleniya ponyatiya «gipertekstual`nost`» // Vestnik Chelyabinskogo gos. un-ta: Filologiya. Iskustvovedenie. 2014. № 7 (336). S. 72–75.

4. Proshina A. V., Emelina M. V. Osobennosti giperteksta // Interaktivnaya nauka. 2017. № 12. S. 167–171.

5. Lutovinova O. V. Gipertekst: ponyatie, osnovny`e xarakteristiki, vozmozhny`e podxody` k lingvisticheskomu analizu // Izvestiya VGPU. 2009. № 5. S. 4–7.

6. Zubareva Yu. M. Medialekt kak yazy`kovej fenomen sovremennoj massovoj kommunikacii // Tul`skij nauchny`j vestnik. Seriya Istoriya. Yazy`koznanie. 2022. № 4 (12). S. 46–52.

7. Volkonskaya M. Yu., Vaxrusheva M. A., Pautova K. A. Fenomen xe`shtegov v sovremenny`x e`lektronny`x SMI // Sovremennyye informacionny`e i kommunikativny`e texnologii v global`nom mire: vy`zovy` i vozmozhnosti: mezhdunar. nauch.-prakt. konf. / gl. red. L. V. Savchenko. Simferopol`: Arial, 2017. S. 39–42.

8. Lazarcheva A. V., Bojko L. B. Xe`shtegi v «Tvitter» i «Instagram»: strukturny`e osobennosti i kontekstnoe funkcionirovanie // Molodoj uchyony`j. 2021. № 13 (355). S. 64–70.

Информация об авторе:

Н. Б. Смольская – кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный морской технический университет

Information about the author:

N. B. Smolskaia – Ph.D. (Philology), Associate Professor, Saint-Petersburg State Marine Technical University

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.04.2025; одобрена после рецензирования 21.05.2025; принята к публикации 10.06.2025.

The article was published 26.04.2025; approved after reviewing 21.05.2025; accepted for publication 10.06.2025.

Научная статья

УДК 372.881.161.1

Екатерина Александровна Позднухова

Московский городской педагогический университет, Москва, Россия

Ekaterina.arjanova@gmail.com

**МЕЖЪЯЗЫКОВЫЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ КАК ОСОБЫЙ ПРИЁМ
МЕТОДИЧЕСКОЙ РАБОТЫ УЧИТЕЛЯ РУССКОГО ЯЗЫКА**

Аннотация. В статье рассматривается приём межъязыковых сопоставлений как эффективный метод обучения фразеологии в школьной практике. Обоснована его роль в формировании языковой и межкультурной компетенций учащихся. Представлены типы сопоставлений, методические этапы и приёмы, раскрывающие культурную и образную природу фразеологизмов. Подчёркивается значение приёма для развития речевого и критического мышления.

Ключевые слова: межъязыковые сопоставления, методический приём, обучение русскому языку

Для цитирования: Позднухова Е. А. Межъязыковые сопоставления как особый приём методической работы учителя русского языка // Евразийский филологический вестник. 2025. Вып. 2 (10). С. 134–152.

LINGUODIDACTICS
(PHILOLOGICAL SCIENCES)

Original article

UDC 372.881.161.1

Ekaterina A. Pozdnukhova

Institute of Pedagogy and Psychology of Education, Moscow, Russia

Ekaterina.arjanova@gmail.com

**INTERLINGUAL COMPARISONS AS A SPECIFIC METHODOLOGICAL
TECHNIQUE IN THE RUSSIAN LANGUAGE TEACHER'S PRACTICE**

Abstract. The article examines interlingual comparison as an effective method for teaching phraseology in school practice. Its role in shaping students' linguistic and intercultural competence is substantiated. Types of comparisons, methodological stages, and techniques revealing the cultural and figurative nature of phraseological units are presented. The method's value for developing speech and critical thinking is emphasized.

Keywords: interlingual comparisons, methodological technique, Russian language teaching

For citation: Pozdnukhova E. A. Interlingual comparisons as a specific methodological technique in the russian language teacher's practice // Eurasian Philological Bulletin. 2025; 2 (10): 134–152. (In Russ.).

Введение

В современном образовательном пространстве, где формирование языковой личности учащегося признаётся приоритетной задачей, возрастает потребность в методах, позволяющих не только осваивать языковую систему, но и понимать её как отражение культурной, исторической и ментальной

картины мира. В этом контексте особую значимость приобретает приём межъязыковых сопоставлений, особенно в процессе обучения фразеологии – одному из наиболее образных и культурно насыщенных уровней языка. Фразеологизмы отражают национальные ценности, повседневный опыт, стереотипы мышления, и их успешное освоение возможно лишь при условии осмысленного подхода, включающего соотнесение с фразеологизмами родного или изучаемого языка [2].

Обучение фразеологизмам в школе и в практике преподавания русского языка как иностранного сопряжено с рядом методических трудностей: семантической непрозрачностью выражений, культурной маркированностью, непредсказуемостью лексического значения, а также отсутствием прямых эквивалентов в других языках. Межъязыковое сопоставление выступает в данном случае не просто как приём, облегчающий запоминание, но как метод, позволяющий учащимся «прожить» фразеологизм, осмыслить его метафорическую природу, культурную нагрузку, эмоционально-оценочную окраску [3, 5].

В статье предпринята попытка комплексного осмысления межъязыкового сопоставления как самостоятельного методического приёма. Раскрываются его теоретико-методологические основания, включая когнитивный и культурологический подходы, принципы функциональности, семантической эквивалентности и культурной релевантности. Представлена типология межъязыковых сопоставлений с опорой на уровень языковой системы, степень эквивалентности и прагматическую ценность. Отдельное внимание уделено методике преподавания фразеологических единиц, этапам работы с ними, типам заданий, возможностям проектной, игровой и творческой деятельности [7, 9–10].

Практические примеры сопоставлений русских и английских фразеологизмов, проанализированные в статье, подтверждают, что при правильной педагогической организации данный приём развивает языковое

мышление, культуру интерпретации, формирует толерантное отношение к иным языковым и культурным моделям. Приём межъязыковых сопоставлений позволяет превратить изучение фразеологии из заучивания в исследование, из механического воспроизведения – в осмысленную речевую практику.

Актуальность заявленной темы обусловлена потребностью современной школы в интеграции культурных, когнитивных и речевых компетенций; необходимостью сделать преподавание фразеологии диалогичным и ориентированным на понимание. Метод межъязыкового сопоставления, опирающийся на межкультурное сравнение и когнитивную активность учащихся, представляет собой значимый ресурс в системе обучения русскому языку как родному и как иностранному.

Обучающемуся и впоследствии выпускнику в ситуации культурного общения требуется объяснить значение употребляемого им фразеологизма, то есть истолковать его. Для полноценного представления фразеологизма необходимо не только дать его логическое объяснение (т. е. дать определение его значения относительно собственного восприятия), но и обратиться к его происхождению, привести историческую справку, кроме того, указать, в каких речевых ситуациях уместно его употребление [7, 13].

Фразеологизмы как устойчивые по составу и структуре, неделимые и целостные по лексическому значению словосочетания или предложения, образующие отдельную словарную единицу, существуют не только в русском языке. Тактичное использование сопоставлений конкретных фразеологических единиц из разных языков позволяет учителю «разнообразить приёмы обучения русскому языку, делает уроки более увлекательными, стимулирует интерес к изучению родного и иностранного языка, к лингвистике как науке» [8, с. 3].

Исследовательские результаты и их интерпретация

Теоретико-методологические основы межъязыковых сопоставлений в обучении русскому языку

Межъязыковые сопоставления как приём в обучении русскому языку основывается на лингводидактической традиции контрастивной лингвистики и переводоведения, а также на принципах когнитивного и социокультурного подходов. Его использование позволяет задействовать знание родного (или изученного) языка учащегося как средство осмысления и закрепления материала, формируя осознанное отношение к явлениям системы русского языка.

Согласно трудам И. А. Зимней [6], Е. И. Пассова, Г. И. Богина [4], сопоставительный подход способствует развитию межкультурной компетенции, языкового чутья и формированию стратегий переноса знаний с одного языка на другой. Особенно актуально это в полилингвальной и билингвальной образовательной среде, где русский язык может осваиваться как неродной или второй родной.

Теоретическую основу составляет контрастивная лингвистика, развитая в трудах Р. Якобсона, В. Н. Комиссарова, А. Д. Швейцера. Учёные отмечают, что сопоставление языковых единиц позволяет выявить как универсалии, так и специфические черты языков, что делает межъязыковую работу не только дидактически значимой, но и познавательно обогащающей для учащихся.

Применительно к обучению фразеологии, межъязыковое сопоставление позволяет:

- установить эквиваленты и аналогии между фразеологизмами в родном и изучаемом языке;
- избежать межъязыковой интерференции;
- стимулировать аналитическое мышление и метаязыковую рефлексию;
- активизировать познавательный интерес за счёт культурных параллелей.

К примеру, сопоставление русских выражений «бить баклуши» и английского «to twiddle one's thumbs» показывает как различие в образах, так и сходство в значении, что способствует осознанию метафорической природы устойчивых выражений и углублению межкультурного понимания.

Методологически межъязыковое сопоставление опирается на следующие принципы:

- принцип функциональности: сопоставляются те языковые единицы, которые выполняют аналогичные функции в речи;
- принцип семантической эквивалентности: важно обеспечить соответствие по значению, а не только по структуре;
- принцип культуросообразности: фокусирование на соотнесении культурных коннотаций и национальных образов;
- принцип обучающей наглядности: использование таблиц, схем, дидактических карточек.

Методические исследования Е. Г. Азимова и А. Н. Щукина подчёркивают важность педагогически целенаправленного сравнения языков на всех этапах овладения русским языком. При этом учителю необходимо учитывать не только языковую, но и социокультурную дистанцию между языками, а также когнитивные особенности учащихся [1].

Таким образом, межъязыковое сопоставление не является лишь вспомогательным средством, а выступает в качестве самостоятельного методического приёма, способного усилить эффективность овладения языком за счёт включения в процесс обучения системных знаний учащегося о языке как феномене.

Типология межъязыковых сопоставлений в практике преподавания русского языка

Типология межъязыковых сопоставлений в методике преподавания русского языка основывается на классификации уровней языковой системы: фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом и прагматическом. Однако особое место занимает лексико-фразеологический уровень, поскольку именно на нём наиболее ярко проявляется культурно-языковая специфика и осуществляется активный перенос знаний и ассоциаций с родного языка.

Исходя из уровня языковой системы и степени эквивалентности, можно выделить следующие виды межъязыковых сопоставлений:

1. Формально-семантические эквиваленты – полные соответствия между фразеологизмами в разных языках. Например: русское выражение «сыграть на руку» и английское «to play into someone's hands». Такие случаи облегчают интерпретацию значений, но требуют проверки культурной уместности.

2. Семантические аналоги с разной образностью – фразеологизмы, передающие схожие значения, но использующие иные культурные образы. Например: русское «вешать лапшу на уши» и английское «to pull someone's leg».

3. Функциональные аналоги – выражения, выполняющие аналогичную речевую функцию, но не совпадающие по значению и образности. Например, вежливые формы отказа или одобрения в разных языках часто требуют культурной адаптации.

4. Лексико-культурные лакуны – отсутствие фразеологического аналога в родном языке учащегося. Такие случаи требуют отдельного объяснения значения, контекста и происхождения выражения. Например, «троянский конь» как культурно обусловленный образ.

5. Фразеологические ложные друзья переводчика – выражения, которые внешне похожи, но имеют разное значение. Например, русское «делать вид» и английское «to make out», что может вызвать интерференцию и требует коррекции [11].

В учебной практике используются разные формы сопоставления:

- Билингвальные таблицы фразеологизмов;
- Кросс-культурные словари;
- Сравнительные упражнения с контекстами в двух языках;
- Тексты с двуязычными комментариями [1].

Применение типологии сопоставлений помогает учителю не только объяснять различия и сходства между фразеологизмами, но и предотвращать

типичные ошибки. Например, учащиеся часто буквально переводят родной фразеологизм, не осознавая, что он может не иметь аналогичного значения в изучаемом языке и наоборот.

Таким образом, типология межъязыковых сопоставлений служит основой для разработки упражнений, построения дидактических материалов и повышения качества обучения фразеологии. Типология также способствует развитию метаязыкового сознания, формированию интеркультурной компетенции и углублённому пониманию образного строя русского языка.

Методика преподавания фразеологических единиц на основе межъязыковых сопоставлений на уроках русского языка и русского как иностранного

Обучение фразеологизмам – одна из наиболее сложных задач в практике преподавания русского языка, особенно в иноязычной аудитории. Метод межъязыковых сопоставлений открывает широкие возможности для преодоления трудностей, связанных с семантической непрозрачностью и культурной маркированностью устойчивых выражений.

В методике преподавания русского языка и русского языка как иностранного сопоставления используются на трёх этапах: мотивационно-ознакомительном, аналитическом и продуктивном.

1. Мотивационно-ознакомительный этап включает введение фразеологизмов через сравнение с родным языком учащихся. Учитель может использовать «языковые ловушки» и выражения, которые звучат похоже, но означают разное. Например, русское «сидеть в луже» и английское «to be in hot water». Это вызывает интерес, стимулирует обсуждение и создаёт ассоциативную память.

2. Аналитический этап предполагает лексико-семантический анализ, этимологическую справку, работу с фразеологическими словарями, сравнение с аналогами из других языков. Особую эффективность показывает приём

лингвокультурного комментария: раскрытие образной основы, культурных реалий, литературных или исторических источников выражения.

3. Продуктивный этап направлен на активизацию изученных фразеологизмов в устной и письменной речи. Используются упражнения на трансформацию (перефразирование, замена компонентов), сочинение мини-рассказов с использованием фразеологизмов, инсценировки, игры. Эффективны задания на сопоставление: подобрать аналог в родном языке, объяснить различие или отсутствие соответствия.

Межъязыковые сопоставления позволяют:

- облегчить понимание устойчивых выражений;
- активизировать познавательную и речевую деятельность;
- формировать культуру толкования фразеологизмов;
- развивать языковую интуицию и критическое мышление.

Особый интерес представляет метод проектов: учащиеся создают сравнительный словарь фразеологизмов, подбирают аналоги на других языках, оформляют мини-исследования по теме «Образ еды/труда/природы во фразеологиях разных народов».

Таким образом, методика преподавания фразеологических единиц на основе межъязыковых сопоставлений способствует формированию фразеологической компетенции, межкультурной чувствительности и коммуникативной гибкости.

Примеры фразеологических сопоставлений

Ю. Г. Мацкивская утверждает, что сопоставление двух изучаемых в школе языков особенно интересно на фразеологическом уровне:

- The game is not worth the candles – Игра не стоит свеч;
 - To play into somebody's hand – Играть кому-либо на руку;
 - He is not fit to carry water for her – (Он недостоин и воду таскать для нее)
- Он и мизинца её не стоит;

- To put the cart before the horse – (Ставить телегу впереди лошади) – Бежать вперёд паровоза;
- To get up on the wrong side of the bed (Встать не с той стороны кровати) – Встать с постели не с той ноги;
- To turn back the clock (Перевести часы назад) – Повернуть время/ колесо истории вспять;
- A man can die but once (Человек может умереть, но только однажды) – Двум смертям не бывать, а одной не миновать;
- You may whistle for it (Остается только присвистнуть) – Что с воза упало, то пропало [8, с. 9].

Как видно из приведённых примеров, не все фразеологизмы при сопоставлении являются эквивалентами. Последние два ФЕ имеют полное различие грамматической структуры, при этом совпадают по смыслу при употреблении.

Ю. Г. Мацкивская пишет, что приём межъязыковых сопоставлений даёт школьникам возможность по-новому взглянуть на фразеологию. Автор приводит пример пословицы, которая является безэквивалентной ФЕ, то есть не имеющей соответствий во фразеологической системе другого языка. Так, например, английская пословица «A rolling stone gathers no moss» в переводе на русский язык означает «Катящийся камень мха не собирает (или: мхом не обрастает)» [8, с. 9].

Вместе с тем, для человека, не владеющего английским языком, и не являющимся его носителем, сложно понять, о чём идёт речь, так как отсутствует оригинал, содержащий начальное значение этого выражения. Слушающий не знает, «хорошо» или «плохо», что мох отсутствует.

Если же применить приём межъязыкового сопоставления и вспомнить аналогичные выражения в русском языке, содержащие похожие слова («покрыться мхом», «замшелость»), то для носителя русского языка данные слова сразу обретают определённый смысл. Например, фразеологизм

«покрыться мхом» имеет негативную коннотацию и означает «отставать от жизни, опускаться, костенеть».

Для носителя английского языка мох в данном случае считается символом добра и богатства. В соответствии с этим, отсутствие мха несёт отрицательный подтекст и сообщает следующее: «если хочешь быть богатым, не нужно бродить по свету, надо сидеть дома и копить добро». Отдалённым эквивалентом может служить следующая пословица: «Под лежащий камень и вода не течёт». Проанализированные учащимися фразеологизмы дают им знания, необходимые для понимания пословиц, а также сущности фразеологизмов, помогают не только показать различия в строении двух языков, но и укрепить знания английского языка, лучше дифференцировать значения слов.

Л. А. Труфанова приводит примеры как простых для сопоставления, так и сложных фразеологизмов. Среди сложных для межъязыкового сопоставления она выделяет, например, такую: «to call a spade a spade». Учащиеся вначале переводят дословно: «называть лопату лопатой». Далее предлагается отыскать адекватную соответствующую фразеологическую единицу в русском языке. Ученики находят следующее: «Называть вещи своими именами». Или, к примеру, в тексте на английском языке школьники находят «to eat the cake and have it», а затем переводят: «съесть торт так, чтобы он остался целым». Начинают сопоставлять и вспоминать аналогичные выражения со словом «целый» и находят: «и волки сыты, и овцы целы» [12].

Среди наиболее «далёких» по смыслу автор выделяет «to give someone the cold shoulder» («дать кому-то холодное плечо») [12, с. 126]. Здесь для сопоставления учитель может предложить поработать со словом «холодное», «холод» и вспомнить свободные словосочетания, где данные слова употребляются в переносном смысле: «холодный взгляд», «холод на душе».

Далее можно подвести учеников к выводу о том, почему с людьми обращаются холодно, кого можно «одарить» холодным взглядом. Школьники

делают вывод, что речь идёт о человеке, который по каким-то причинам стал нам безразличен, и мы не хотим его замечать. Другими словами, игнорируем его, то есть на разговорном языке «дать кому-то холодное плечо» означает «отправить в игнор».

К числу наиболее простых для межъязыкового сопоставления Л. А. Труфанова относит фразеологизмы типа «to kill two birds with one stone» («убить двух птиц одним камнем») – «убить двух зайцев».

Анализ научно-методической литературы по теме исследования показывает, что приём межъязыкового сопоставления необходимо начинать с применения такого языкового материала, где «дешифровка» фразеологизмов, на первых порах, не представляет особых трудностей для учащихся. Далее, согласно дидактическому принципу от простого к сложному, материал усложняется. Например, начать обучение межъязыковому сопоставлению можно с такого фразеологизма, как «to make both ends meet» («сделать так, чтобы оба конца соединились») – «свести концы с концами», а далее предложить более сложный вариант: «break a leg» – «сломай ногу», который требует дополнительных комментариев учителя. Он может сообщить, что это выражение используется как пожелание удачи перед выступлением. После этого, учащиеся догадываются, что речь идет о фразеологизме «ни пуха, ни пера».

Методические перспективы реализации приёма межъязыкового сопоставления в школьной практике

Применение межъязыкового сопоставления в школьной практике требует не только дидактического обоснования, но и понимания психологических, когнитивных и культурных условий, в которых находится современный школьник. Приём сопоставления не может быть эффективным без учёта возрастных особенностей учащихся, их уровня языковой подготовки, мотивации к изучению языка и готовности к рефлексивному освоению культурных различий.

Педагогическая практика показывает, что учащиеся часто испытывают затруднения при работе с фразеологизмами, воспринимая их как архаичные или непонятные конструкции. Однако при правильной методической подаче, связанной с яркими образами, сравнением с другим языком, культурными аналогами, интерес резко возрастает. Учащиеся начинают воспринимать язык как живую систему, отражающую национальный характер, мышление и традиции.

Целесообразно внедрение сопоставительного подхода в учебный процесс в уже существующие школьные программы по предметам «Русский язык», «Литература», «Иностранный язык», а также по филологическим факультетам. Например, при изучении художественного текста можно анализировать употребление фразеологизмов и предлагать учащимся подобрать аналоги в других языках, сопоставить смысл, структуру, эмоциональную окраску.

Организация методической работы может строиться поэтапно. Сначала учащимся предлагаются фразеологизмы, близкие к их опыту (связанные с эмоциями, повседневной жизнью, школьной средой), затем включаются более сложные, культурно-специфичные выражения. Таким образом, достигается постепенное углубление культурной интерпретации и расширение кругозора учащихся. Особую роль здесь играет лингвокультурный комментарий, поясняющий не только значение, но и происхождение фразеологизма, его связь с традициями, литературой и историей народа.

Кроме того, в рамках проектной деятельности возможна разработка мини-исследований, где учащиеся сами выбирают тему (например, «Фразеологизмы с названиями животных в русском и английском языках») и проводят сопоставление, оформляя результаты в виде презентации, эссе или словаря межъязыковых сопоставлений. Такой подход активизирует исследовательские способности, развивает навыки анализа и обобщения, формирует умение работать с различными источниками информации.

Также одной из перспективных методических форм является драматизация. Фразеологизмы, как правило, несут в себе яркую образную компоненту, что делает их подходящим материалом для театрализации, инсценировок, игр. Например, можно предложить учащимся изобразить значение идиоматического выражения без слов, а затем — подобрать аналог на другом языке, предварительно изучив аналоговые выражения в иностранном языке. Это не только способствует запоминанию, но и формирует ассоциативное мышление, укрепляет командную работу.

Также эффективны задания на создание собственных рассказов или диалогов, в которых необходимо органично включить несколько фразеологизмов. При этом учащиеся не только усваивают значение и употребление выражений, но и тренируют навыки контекстуального мышления, адаптации языковых единиц под ситуацию общения. Особенно ценными становятся задания, где ученику необходимо не только перевести выражение, но объяснить, почему аналог в другом языке выглядит иначе, что отражает это культурное различие.

Важным условием успешного внедрения межъязыкового сопоставления является подготовка самого педагога. Учитель должен не только знать систему фразеологизмов, но и быть компетентным в области лингвокультурологии, сопоставительной лингвистики, а также владеть методами стимулирования познавательной активности учащихся. Этому могут способствовать курсы повышения квалификации, вебинары, участие в профессиональных сообществах и обмен методическим опытом.

Приём межъязыкового сопоставления особенно продуктивен при параллельном изучении родного и иностранного языков. Например, в 5–6 классах возможно простое сопоставление отдельных выражений (например, «как снег на голову» и «out of the blue»), в 7–9 классах — более сложные задания на определение образов, в 10–11 — уже самостоятельная аналитическая работа и проектная деятельность. Такая вертикально развивающаяся методическая

структура способствует постепенному и целенаправленному формированию интерпретационной и лингвокультурной компетенции.

Немаловажно и использование современных технологий. Интерактивные платформы, мультимедийные презентации, онлайн-словари фразеологизмов, цифровые карты значений – всё это делает процесс освоения фразеологизмов более наглядным, динамичным и соответствующим интересам современного поколения. Учащиеся могут создавать свои мини-гlossарии, инфографику по теме, что повышает их вовлечённость и уровень усвоения.

В современных педагогических условиях важно избегать формального, репродуктивного подхода к фразеологии. Простое заучивание значений и переводов не даёт долговременного эффекта – только осмысленная деятельность, проживание смысла, сопоставление и интерпретация культурных различий позволяют учащимся осваивать фразеологизмы как элементы языковой картины мира. Это соответствует задачам формирования языковой личности, способной не только говорить, но и думать, интерпретировать, чувствовать язык как живую культурную систему.

Заключение

Обобщая результаты исследования, можно утверждать, что приём межъязыкового сопоставления является неотъемлемым компонентом современной методики преподавания русского языка. Его применение в работе с фразеологизмами позволяет сделать процесс изучения не только более доступным, но и более глубоким, насыщенным культурными и когнитивными смыслами. Фразеологизмы, концентрирующие в себе народную мудрость и национальный менталитет, требуют от учащегося не столько механического заучивания, сколько интеллектуального осмысления и интерпретации. Именно межъязыковые сопоставления делают возможным такое понимание.

В статье были обоснованы теоретические основания применения сопоставительного приёма (контрастивная лингвистика, когнитивная психология, культурология), определены типы фразеологических эквивалентов

и неэквивалентов, а также предложена методика, учитывающая возрастные и когнитивные особенности школьников. Методические рекомендации включают поэтапную работу (от узнавания к продуктивному использованию), работу с лингвокультурными комментариями, проектную деятельность, сопоставление с визуальными образами и театрализацию. Всё это позволяет включать фразеологизмы в реальные коммуникативные практики, а не ограничиваться их формальным изучением.

Анализ практического материала показал, что межъязыковые сопоставления особенно эффективны на примере фразеологизмов, выражающих универсальные чувства, бытовые реалии, устойчивые поведенческие стереотипы. При этом ученики не только осваивают семантику и образность выражения, но и приобщаются к иноязычному мировоззрению, формируя культуру речевого поведения, понимания «чужого» и способности к переводу межкультурных смыслов.

Таким образом, межъязыковое сопоставление выступает не только как приём, облегчающий усвоение фразеологических единиц, но как способ формирования культурно ориентированной языковой личности, обладающей развитым чувством языка, способной к осмысленной интерпретации и использованию языковых ресурсов в различных речевых ситуациях. Его внедрение в школьную практику требует соответствующей подготовки педагога, разработки учебных материалов и включения межкультурного компонента в содержание программ по русскому языку.

Будущее школьного языкового образования – за интегративными методами обучения, развивающими не только языковую, но и культурную, ценностную, мировоззренческую составляющую личности. И приём межъязыковых сопоставлений способен сыграть в этом процессе ключевую роль.

Список литературы:

1. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий. М.: ИКАР, 2009. 448 с.
2. Бархударов Л. С. Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода. М.: Международные отношения, 1975. 240 с.
3. Бахтина Т. А. Фразеологизмы на уроках русского языка: опыт методической интерпретации // Русский язык в школе. 2021. № 5. С. 44–49.
4. Богин Г. И. Лингвистическая личность и лингводидактика. Тула: ТулГУ, 1991. 140 с.
5. Гальскова Н. Д. Теория обучения иностранным языкам: лингводидактическая концепция. М.: Академия, 2004. 192 с.
6. Зимняя И. А. Психология обучения: учеб. пособие для студентов вузов. М.: Логос, 2001. 384 с.
7. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. М.: ЭТС, 2002. 253 с.
8. Мацкивская Ю. Г. Фразеологизмы как средство межкультурной коммуникации. Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т, 2003. 24 с.
9. Никитина Т. В. Работа с фразеологизмами на уроках РКИ // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 1. С. 66–71.
10. Рахманова М. Г. Особенности восприятия фразеологических единиц школьниками // Русский язык в школе. 2019. № 2. С. 45–49.
11. Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.
12. Труфанова Л. А. Межъязыковое сопоставление как средство изучения фразеологии // Русский язык в школе. 2008. № 6. С. 125–129.
13. Чудинов А. П. Когнитивный подход к изучению фразеологии. М.: ЛКИ, 2006. 240 с.
14. Шахнарович А. М. Психолингвистика. М.: Академия, 2000. 208 с.

References:

1. Azimov E. G., Shhukin A. N. Novy`j slovar` metodicheskix terminov i ponyatij. M.: IKAR, 2009. 448 s.
2. Barxudarov L. S. Yazy`k i perevod: voprosy` obshhej i chastnoj teorii perevoda. M.: Mezhdunarodny`e otnosheniya, 1975. 240 s.
3. Baxtina T. A. Frazelogizmy` na urokax russkogo yazy`ka: opy`t metodicheskoy interpretacii // Russkij yazy`k v shkole. 2021. № 5. S. 44–49.
4. Bogin G. I. Lingvisticheskaya lichnost` i lingvodidaktika. Tula: TulGU, 1991. 140 s.
5. Gal`skova N. D. Teoriya obucheniya inostranny`m yazy`kam: lingvodidakticheskaya koncepciya. M.: Akademiya, 2004. 192 s.
6. Zimnyaya I. A. Psixologiya obucheniya: ucheb. posobie dlya studentov vuzov. M.: Logos, 2001. 384 s.
7. Komissarov V. N. Sovremennoe perevodovedenie. M.: E`TS, 2002. 253 s.
8. Maczkivskaya Yu. G. Frazelogizmy` kak sredstvo mezhkul`turnoj kommunikacii. Krasnoyarsk: Krasnoyar. gos. ped. un-t, 2003. 24 s.
9. Nikitina T. V. Rabota s frazeologizmami na urokax RKI // Vestnik MGU. Ser. 19. Lingvistika i mezhkul`turnaya kommunikaciya. 2020. № 1. S. 66–71.
10. Raxmanova M. G. Osobennosti vospriyatiya frazeologicheskix edinicz shkol`nikami // Russkij yazy`k v shkole. 2019. № 2. S. 45–49.
11. Teliya V. N. Russkaya frazeologiya: semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul`turologicheskij aspekty`. M.: Yazy`ki russkoj kul`tury`, 1996. 288 s.
12. Trufanova L. A. Mezhh`yazy`kovoe sopostavlenie kak sredstvo izucheniya frazeologii // Russkij yazy`k v shkole. 2008. № 6. S. 125–129.
13. Chudinov A. P. Kognitivny`j podxod k izucheniyu frazeologii. M.: LKI, 2006. 240 s.
14. Shaxnarovich A. M. Psixolingvistika. M.: Akademiya, 2000. 208 s.

Информация об авторе:

Е. А. Позднухова – аспирант, Московский городской педагогический университет

Information about the author:

E. A. Pozdnukhova – graduate student, Institute of Pedagogy and Psychology of Education

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 04.04.2025; одобрена после рецензирования 03.05.2025; принята к публикации 10.06.2025.

The article was published 04.04.2025; approved after reviewing 03.05.2025; accepted for publication 10.06.2025.

УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ И ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

К рассмотрению принимаются статьи учёных, аспирантов, докторантов, соискателей, отражающие новые научные взгляды, значимые результаты и достижения в области гуманитарных наук и междисциплинарных предметных областей по следующим основным направлениям:

- вопросы теоретической и прикладной лингвистики (разделы «Общие вопросы языкознания», «Сравнительно-сопоставительные исследования»);
- проблемы преподавания иностранных языков в вузе и школе (раздел «Лингводидактика»),

а также рецензии (4–5 стр.) и сообщения из научной жизни (хроника совещаний, симпозиумов, конференций, семинаров и др. – до 6 стр.).

Предпочтительный способ предоставления статьи – онлайн через сайт Журнала (<http://philology-asu.ru>), где заполняется форма сведений об авторах и прикрепляются все необходимые файлы, полностью соответствующие требованиям к формату и именам файлов. Также заявку можно отправить по электронной почте ephilolvestnik@asu-edu.ru. Вне зависимости от способа подачи к заявке должен быть прикреплен файл со сведениями об авторах на русском и английском языках.

Все предоставляемые материалы подлежат обязательной проверке на наличие некорректных заимствований и рецензированию. В качестве рецензентов могут выступать как члены редакционного совета, так и внешние эксперты из числа признанных специалистов по тематике рецензируемых материалов и имеющих в течение последних 3 лет публикации по заявленной тематике. При оценке статьи рецензентом учитывается актуальность для отрасли науки, научный уровень рукописи, научная новизна, теоретическая и/или практическая значимость. При рекомендации рецензента о доработке статьи автором вносятся необходимые правки, после чего редакционным советом принимается окончательное решение о публикации.

Адрес электронной почты, предоставленный автором, будет размещён в журнале и станет общедоступным. Номер телефона может быть использован только для связи представителей редакции с автором статьи.

Не допускается направление в редакцию работ, которые опубликованы и/или приняты к печати в других изданиях.

Оплата публикации материалов

Стоимость публикации материалов исчисляется из расчёта 150 руб. за полную/неполную страницу текста с учетом НДС.

Оплата осуществляется **только после** положительного заключения рецензента и внесения в текст статьи всех рекомендованных правок.

Гонорары авторам не выплачиваются.

**По всем возникающим вопросам авторы могут связаться
с ответственным секретарем журнала
Татьяной Владимировной Дымовой
по тел.: 8 (8512) 24-66-80 (вн. 367); 89270766442 (WhatsApp) и
e-mail: ephilolvestnik@asu-edu.ru**

ЭТИЧЕСКИЕ НОРМЫ ИЗДАНИЯ ЖУРНАЛА «ЕВРАЗИЙСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК»

Все стороны, принимающие участие в издании Журнала – автор, редактор, рецензент и издатель – должны неукоснительно соблюдать нормы этического поведения. Журнал руководствуется этическими правилами и принципами, изложенными в:

- рекомендациях Комитета по этике публикаций – Committee on Publication Ethics (COPE) и Кодексе этики научных публикаций;
- положениях, принятых на II Всемирной конференции по вопросам соблюдения добросовестности научных исследований (Сингапур, 22–24 июля 2010 г.);
- рекомендациях Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ);
- части IV Гражданского кодекса Российской Федерации.

Журнал не приемлет плагиат и любые проявления недобросовестного проведения исследований.

Редакция журнала призывает авторов придерживаться следующих этических принципов при подготовке и подаче материалов для публикации:

- предоставление оригинальных, достоверных, обоснованных и верифицируемых результатов собственных научных исследований;
- оформление заимствованных фрагментов ранее опубликованных научных работ (включая собственные работы автора (-ов)) с обязательным указанием автора и первоисточника;
- цитирование публикаций, оказавших существенное влияние на формирование авторского взгляда на решаемую проблему;
- минимизация цитирования публикаций, не имеющих прямого отношения к содержанию представляемой статьи;

- недопустимость указания в качестве соавторов лиц, не принимавших участия в получении научных результатов, о которых идёт речь в представляемых материалах;
- обеспечение отсутствия конфликта интересов, могущего оказать влияние на объективность и/или достоверность излагаемых в статье научных результатов.

Редакция «Евразийский филологический вестник» оставляет за собой право ретракции уже опубликованных статей в том случае, если будет установлено, что в результате публикации были нарушены чьи-либо права или общепринятые нормы научной этики.

ЕВРАЗИЙСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ (СЕТЕВОЕ ИЗДАНИЕ)

2025

ВЫПУСК 2 (10)

Журнал является сетевым изданием, зарегистрированным как средство массовой информации в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации: серия Эл № ФС 77-85176 от 25 апреля 2023 г.). **ISSN 2949-4419**

Учредитель:

Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева
Российская Федерация, 414056, Астраханская обл., г. Астрахань,
ул. Татищева, 20а

Адрес редакции:

Российская Федерация, 414056, Астраханская обл., г. Астрахань,
ул. Татищева, 20а

Главный редактор Г. В. Файзиева

Редактирование, компьютерная правка

Т. В. Дымова

Российская Федерация, 414056, Астраханская обл., г. Астрахань,
ул. Татищева, 20а

Тел. (8512) 24-66-80 (вн. 367); 89608656847 (WhatsApp) и
e-mail: ephilolvestnik@asu-edu.ru
